

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Голова кружится, перед глазами летают радужные круги. Пальцы дрожат, сердце бьется, словно раненая птица, но я все равно подношу к губам флейту. Неприятные ощущения не могут заставить меня бросить играть, ведь музыка – это основа жизни, сама жизнь.

Десятки пар глаз прожигают во мне дыры, но мучительное внимание незнакомцев лишь добавляет в мешанину чувств острого перца. Пусть смотрят, я с радостью дам им возможность прикоснуться к прекрасному, чудесному, лучшему, что есть на свете.

Низкий голос флейты устремляется вверх, волшебные звуки околдовывают, заставляют забыть обо всем. Шепотки замолкают, чужие взгляды становятся острее, раня, будто тонкие стилеты, но я не прячусь, раскрываясь перед ними, вбирая эмоции, даря освобождение.

Чужие чувства горчат и пьянят, словно дзяньский бальзам, но они же преподносят ни с чем не сравнимое ощущение полета. Будто бы я лечу вслед за мелодией, купаюсь в дивных звуках.

Но рано или поздно приходит конец всему, я опускаю флейту, чтобы остаться на ногах, а не рухнуть на паркет. На смену эйфории приходит боль, проносится нестерпимым спазмом по телу и затаивается в груди, будто ядовитая змея. Змея, готовая в любой момент вновь пустить в ход свое жало. Впрочем, я только улыбаюсь – это небольшая плата за возможность прикоснуться к божественному искусству. Теперь, главное, устоять и не выказать чужакам, как мне сейчас больно.

– Леди Майлини. Леди Виола, вы волшебница! – голос маркиза Зеофира разорвал тишину.

Следом за хозяином вечера и остальные гости, до того не сводившие с меня напряженных взглядов, расслабились. Зал взорвался аплодисментами. Мужчины бурно восхищались талантом и красотой. А женщины, неодобрительно косившиеся на не особо богатое платье, позволяли себе улыбки.

Впервые со дня отъезда старшей сестры я почувствовала нечто похожее на счастье. Но заметив воодушевление на лице отца, нахмурилась. Не желая того, я с блеском выполнила приказание Майлини: меня заметили, мной восхитились. А, значит, шанс на то, что отец сумеет выгодно пристроить и младшую дочь замуж, повысился.

Я хотела выставить себя неумелой, но не сумела. Музыка всегда была моей слабостью, и отец это прекрасно знал, а потому, не сомневаясь, воспользовался. Возможно, совсем скоро я, как и Айя, отправлюсь в неведомые дали навстречу будущему мужу.

Все началось два дня назад. Я только-только пришла в себя после расставания с сестрой и решила отправить ей письмо, чтобы Айя получила послание сразу по приезде в новый дом. Спустилась, чтобы найти управляющего, но наткнулась на отца. С некоторых пор барон Майлини приказал следовать за собой в кабинет.

– Дочь, – проговорил отец, едва закрылась дверь. – Ты догадываешься, зачем я тебя позвал?

Пожала плечами, украдкой поглядывая на него. Смотреть прямо в глаза побаивалась. В прошлый раз за такую вольность и чрезмерно непочтительный тон отец наказал меня поркой и велел отобрать флейту на месяц. Из-за флейты я проплакала два дня, потом замкнулась в себе. Если бы не сестра, наверное, лишилась рассудка. Именно тогда поняла, что для отца мы только товар, который нужно подороже продать.

– Так и быть, просвещу, неразумное дитя, – продолжил он, не догадываясь, какие мысли бродили в моей голове. – Пришел твой черед, Виола.

Я невольно отшатнулась, будто передо мной был не Майлини, а сам Темный в его

обличие. И тут же шагнула обратно, опасаясь очередного наказания. Однако мое нелепое телодвижение лишь рассмешило отца. Было видно, он наслаждался произведенным эффектом.

- Неужели я такой страшный?!

Молчала, судорожно сжав зубы. Ведь, итак, ясно, вопрос не требовал ответа.

- Впрочем, мне все равно, Виола. Главное, ты сделаешь то, что я скажу.

Мне захотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда. Например, в домике деда, отца матери, где я была всего лишь однажды, но запомнила тот день навсегда.

Моя мать - беглая дзяньская шаманка, поступившая заветами предков. Израненная и полуживая, она набрела на караван, возглавляемый Майлини, и осталась с ним. Какую выгоду углядел отец, мне не ведомо, но он связал женщину по рукам и ногам. Через год родилась я. Когда мне исполнилось шесть, Майлини сжалился над мамой и позволил ей навестить родных, дабы она вымолила прощение. Дед простил и отпустил с миром, обязав передать некие знания мне. Вот только я так ничего и не узнала, мама сбежала вновь на этот раз навсегда.

- Айя выполнила свой дочерний долг, - заговорил отец, вытаскивая из воспоминаний. - Пришел и твой черед, Виола.

Он выбрался из-за стола, обошел меня, внимательно оглядывая. Под этим тяжелым взглядом я поежилась.

- Через два дня в имении маркиза Зеофира ожидается бал, на котором пройдет импровизированный смотр талантов. Все проявившие себя будут награждены. Я надеюсь на тебя и твое умение, дочь.

- Вы желаете получить награду, отец? - спросила недоуменно.

Барон рассмеялся.

- Конечно же, нет. Я хочу, чтобы после твоего выступления все гости мужского пола хотели назвать тебя своей женой.

Как ни гнала я грустные мысли, чуда не случилось. Пришел и мой черед продать себя подороже ради благополучия того, кто никогда не считался ни с чьим мнением.

Тяжелый вздох сдержать я не сумела.

- Не нужно драматизировать, Виола. Судьба женщины - стать женой и матерью, иной и ждать не следует. А если постараться, твой муж будет богат и знатен.

- Разве ж в богатстве счастье? - сказала, не подумав, и тут же поплатилась за длинный язык. Пощечина мигом отрезвила и заставила замолчать.

- Не тебе решать! - прикрикнул Майлини. - Твоя ненаглядная матушка дорешалась. Убежала вслед за любовью и что, вместо сытости и комфорта нашла смерть в сточной канаве! Ты хочешь того же?!

Я замотала головой.

- Имей в виду, дочь, каждая твоя ошибка отразится на сестре. Пока Айя не надела брачный обод, я всегда смогу придумать причину и отменить свадьбу. И тогда ей не поздоровится. Знай, твой промах - ее боль. Поняла?

Сейчас, как никогда, я хотела его ударить: сильно, больно, до крови. Но лишь кивнула.

- И не прячься по углам, как обычно. Вот-вот должна прийти портниха.

На этом отец разговор закончил. Взмахом руки он велел мне убираться. Я уныло брела к себе, когда меня перехватили. Обещанная отцом мастерица сцапала под локоток и потащила за собой. Сопротивляться сил не было, будущее выглядело серым и мрачным. Впрочем, далеко меня не увели. Некогда пустовавшую комнату на этом же этаже в

спешном порядке оборудовали в мастерскую. Там-то мной и занялась не умолкая ни на секунду дамочка: обмеряла, накидывала на плечи обрезки ткани, хмыкала, качала головой, пока, наконец, не подобрала то, что подходило. На меня мастерица внимания не обращала, будто я была бессловесной куклой. Зато вслух говорила сама с собой.

Когда с выбором было закончено, мастерица начала шить. Мне велела присесть рядом в креслице и не мешать. Она явно использовала магию, ведь лишенный силы человек вряд ли бы сумел работать столько быстро. Иголочка так и мелькала.

Следующая примерка состоялась часа через два, когда я уже устала следить за действиями швеи. Тело затекло на неудобном кресле, глаза слипались, мне было ужасно скучно.

- Так, милочка, поднимайся, - велела мастерица.

Заставила снять домашнюю одежду и упаковала в серебряное платье. Дошивала его уже на мне, периодически укалывая иголочкой. Я только и успевала ойкать да дергаться.

Когда все было готово, мастерица пригласила барона. Отец удовлетворенно осмотрел наряд и расстался с небольшим мешочком денег. И вот спустя день я в том же платье стояла на импровизированной сцене и слушала похвалы от гостей маркиза Зеофира.

Когда гостям надоело меня хвалить, я спустилась с помоста, аккуратно затесалась в их ряды и позволила себе посмотреть выступление другие. Впрочем, ни меня, ни зрителей не впечатлила игра оставшихся участников смотра. Баронесса Грог слишком сильно лупила по клавишам, отчего звук получался рубленым, лишенным гармонии. Скрипка в руках маркизы Зеофиры, хозяйки вечера, скорее умирала в неловких руках, чем пела. Гости чудом дождались окончания партии и с чистой совестью отправились танцевать.

Возбуждение, ушедшее после игры, вернулось. Я с радостью принимала внимание противоположного пола. Бароны и баронеты, графы и маркизы и даже, о чудо, герцог Нилидер - известный банкир - одаривали комплиментами и всячески сражались за мою благосклонность. Я невесомой пушинкой порхала между ними, впитывая восхищение.

Танцы шли один за другим, ни разу я не подпирала стен, записная книжечка была заполнена заявками. К тому времени, когда некоторые дамы поспешили припудрить носики и отдохнуть, я едва стояла и не могла отдышаться. Однако все равно ощущала невероятный восторг. Тем более мне, наконец, удалось разобраться в себе.

Высокий стройный гибкий, он влек меня гипнотическим блеском черных глаз, вызывая некие ранее не изведенные чувства. Сердечко трепетало, стоило ему дотронуться до ладони или чуть ближе, чем нужно, прижать меня к груди. Граф Мариаме Горсе - прекрасный, словно бог и чувственный, будто мифический кириин.

Я с упоением вдыхала аромат его тела, с трудом контролируя собственное тело.

- Вы прекрасны, леди. - Жаркое дыхание обдало кожу, отчего я задрожала, будто в лихорадке. - Прелестный цветок сегодняшнего вечера.

- Благодарю, ваша светлость, - срывающимся голосом ответила я. - Мне, право, неловко.

- Не нужно робеть, дорогая. Лучше выпейте. Здешнее вино превосходно.

Он подал бокал, а после пригубил свое вино. Я судорожно облизала пересохшие губы, не сводя глаз с его чувственного порочного рта. В тот момент мне самой хотелось стать бокалом, чтобы граф вот так же ласкал и меня.

Чудом сдержав стон, опустила взгляд. Умом я понимала, вряд ли граф заинтересовался мной как будущей женой, но не могла заставить себя думать об этом. В мечтах я в свадебном платье стояла рядом с Горсе в храме, ожидая решения богов.

- Пейте, дорогая, - подал он голос. - Уверен, вы ни разу не пробовали такое вино.

Конечно, не пробовала. Я, вообще, ни разу не пила вина. В Черных Дубравах только отец

мог себе позволить бокал другой, и все бутылки хранились в его кабинете.

- Да, конечно, - пробормотала чуть слышно и сделала глоток.

Пузырьки защипали рот, попали в нос, я выпучила глаза и закашлялась.

- Милый испуганный зверек, - шепнул Горсе на ухо. - Вы не представляете, как прекрасны.

Я покраснела и машинально допила все вино.

- Думаю, с вас хватит, - граф забрал пустой бокал из моментально ослабевших пальцев. - Потанцуем, этот танец вы обещали мне.

Я нашла в себе силы кивнуть. А потом приняла руку графа, чтобы чуть позже ощутить на своей талии его жаркую ладонь.

- Чувственная малышка, - то ли показалось, то ли граф, правда, сказал это. Впрочем, в тот момент мне было не до слов. Главное, я ощущала тепло его тела, вдыхала пьянящий аромат.

Вино кружило голову, я закрыла глаза, полностью отдаваясь партнеру. Впервые танец перестал быть для меня просто танцем. Превратился в интимный чувственный и желанный процесс. Знаменующий еще что-то важное.

- Вам плохо, дорогая? - услышала обеспокоенный голос графа.

- Нет, мне хорошо.

- Думаю, вам нужно на воздух.

- Как скажете, - пролепетала я, в тот момент готовая пойти с ним хоть на край света.

Горсе улыбнулся и вывел меня на балкон. Ночной воздух мгновенно охладил разгоряченную кожу, я поежилась. И ощутила, как на плечи легло что-то теплое.

- Я не прощу себе, если вы заболаете, леди Майлини, - проговорил граф.

Я почувствовала, как в душе разливалась благодарность, смешанная с еще более сильными чувствами.

- Благодарю, граф.

Балкон был огромен, он опоясывал имение по периметру. Помимо нас, здесь прогуливались и другие гости. Граф раскланивался с некоторыми, уводя меня все дальше. Друг с другом мы больше не разговаривали, пока, наконец, не остановились возле ажурной решетки за колоннами.

Я подошла почти к самому краю. Шагни вперед, подстреленным лебедем слетела бы вниз. Ощущение опасности роднилось с тем чувством, которое мне доводилось испытывать, играя на флейте. А оттого приносило несказанное удовольствие.

- В эту ночь звезду сверкают для вас, леди.

Горсе встал позади, его дыхание шевелило волоски, выбившиеся из прически.

- Вы преувеличиваете, граф, - ответила я.

- Нисколько, дорогая.

Крепкие руки легли на талию, поддерживая.

- Лишь только для вас одной.

Он склонился и поцеловал в шею. Я дернулась, пытаюсь отстраниться, но не смогла. Еще никогда в жизни никто не прикасался ко мне так нежно и властно одновременно. Да что там, ни один мужчина никогда не дотрагивался до меня.

Глаза сами собой закрылись, я отдалась неведанным ранее чувствам. Кровь, будто вскипела и расплавленной лавой потекла по жилам, сметая все на своем пути. Исчезли стыд и смущение, страх и огорчение из-за приказа отца, осталось лишь всепоглощающее удовольствие.

- Какая вы сладкая, моя леди, - говорил граф. - Вкуснее самого изысканного яства.

Я смутно понимала значение слов, качаясь на волнах его голоса, словно щепка в бурном океане. Душа воспарила над землей, устремилось к звездам, тело же горело под поцелуями Горсе.

- Я жажду испробовать вас всю. Только слово, одно лишь ваше слово, и я вознесу вас к самой Всесветлой.

Говорить я не могла. В тот момент, казалось, забыла человеческую речь, превратившись в бессловесное животное. Впрочем, граф не стал дожидаться, пока сумею обозначить свое желание, и ринулся на амбразуры. Ласки стали еще интимнее, хотя я даже не могла представить себе, что такое может быть. Кафтан Горсе, укрывавший плечи, упал. Граф целовал чувствительную кожу, спускаясь все ниже, пока, наконец, не добрался до кружев, украшающих лиф платья. Руками он сжимал ягодичы, даже через слои ткани я ощущала жар ладоней.

- Дочь! - голос отца услышала сквозь туман безумия. - Что ты творишь?!

Объятья моментально разжались, послышались шаги быстро удалявшегося человека. Я открыла глаза и посмотрела на барона. Отец прожигал меня гневным взглядом, рядом с ним неодобрительно щурился хозяин поместья, из-за мужчин выглядывали и другие свидетели пикантной сцены.

Я лихорадочно одернула подол и поправила кружева на лифе. Впрочем, эти поспешные действия нисколько не помогли, все, итак, поняли, чем мы здесь занимались. Я беспомощно заозиралась, ища графа Горсе, но тот растворился в ночи, не пожелав стать защитником. Оставил меня на растерзание толпы.

От стыда заалели щеки. Поддавшись порыву, я опозорила не только себя и отца, но и сестру. В глазах местной аристократии цена сестер Майлини, как невест, резко упала. Невольно мне удалось расстроить планы отца.

Я задрожала, судорожно обхватывая себя за плечи. Жар страсти, в котором купалась совсем еще недавно, погас, сменившись ознобом. Удовольствие - страхом и стыдом.

- Прошу прощения, маркиз, - отец повернулся к хозяину поместья. - С прискорбием хочу сказать, мы вынуждены покинуть вас. Я благодарю за столь радушный прием.

- Счастливого пути, - отозвался маркиз.

Его голос оставался приветлив, как и в тот момент, когда мы пришли, но взгляд. Маркиз Зеофир оглядывал отца со смесью брезгливости и интереса, будто неведомую и крайне противную на вид зверюшку. И я знала, этот взгляд Майлини не простит никому. Ни маркизу, ни мне. И если Зеофиру вряд ли грозили неприятности, то я получу сполна. Отец найдет способ отомстить мне за унижение. И от этого знания начинали подгибаться колени.

Найдя в себе силы, я попрощалась с присутствующими согласно этикету. Пусть этих высокомерных персон мне больше никогда не увидать, вряд ли отец решит еще раз раскошелиться на то, чтобы ввести опороченную дочь в свет, но хоть напоследок я буду вести себя как леди.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Едва мы покинули поместье, барон с силой сжал мою руку и поволок к карете. А внутри, больше не церемонясь, от души ударил по лицу. Я взвизгнула от боли и заплакала.

- Подлая дрянь! - бушевал Майлини. - Опозорила семью! Навлекла насмешки на весь род! Ты об этом пожалеешь!!!

Я сжалась на скамье, стараясь уменьшиться в росте, стать незаметной. Щека болезненно пульсировала, даже плакать было больно. Зажмурилась, готовая к новым ударам, ведь отцу больше не нужно беречь мою красоту, сплетни в кругах аристократии расходились быстро, а потому уже завтра о проступке будет знать каждый. И ни одна уважающая семья не захочет породниться с Майлини. Вот только ударов больше не последовало.

Я приоткрыла глаза, робко поглядывая на отца. Барон сурово хмурил брови, на его лице ходили желваки, рот был гневно сжат. Майлини не скрывал ярости, но почему-то не обрушивал ее на беспутную дочь.

Вначале я даже приободрилась, но потом затряслась от ужаса. Отец был весьма расчетлив, а значит, не мог не иметь запасного плана на мой счет. Не сумев продать замуж, он поступит иначе. И его решение вряд ли приведет меня в восторг. Скорее, наоборот, не получив желаемого, барон сделает так, чтобы я как можно сильнее страдала.

До самых Черных Дубрав Майлини молчал. Молчала и я, боясь даже пошевелиться. Сидела в своем углу, как мышка, смотрела в пол и размышляла о своей участи. Сколько ни думала, так и не сумела ничего придумать. В голове крутились мысли, но реальность превзошла все ожидания.

Отец запретил возвращаться к себе в комнату, мне пришлось битых два часа мучиться от неизвестности, ожидая решения в холодной полупустой комнате на первом этаже. Если бы не нянюшка, тайком принеся шаль, я наверняка замерзла и заболела. Но все равно, услышав зычный голос слуги, приглашавший в кабинет к барону, вздрогнула. И, не сумев успокоить сумасшедше бившееся сердце, поспешила к отцу.

- Присаживайся, Виола.

Майлини выглядел спокойным и даже умиротворенным. Он явно уже решил, как поступит с дочерью, не оправдавшей надежды.

- Надеюсь, ты понимаешь, как подставила и себя, и сестру, и меня? - спросил он, едва я присела на краешек кресла.

- Да, отец.

- И понимаешь, что из-за своей выходки замуж тебе уже не выйти.

Я неопределенно пожала плечами, но глаз не подняла.

- Поясню, раз остались сомнения: высший свет тебя не примет. Никому не нужна девица, чья невинность под вопросом и чье поведение больше похоже на уловки продажных женщин.

Я густо покраснела.

- Отдавать тебя кому-то еще мне невыгодно. Не затем я тратил деньги на твое обучение, чтобы выдать замуж за торговца или вовсе безродного крестьянина. А потому, дочь, тебя ждет иная участь.

Против воли я вскинулась, обида заполонила сознание, готовясь вырваться криком или слезами. Вот так запросто он решил, что я недостойна, что я безмолвная кукла, готовая слепо следовать за велением его воли. И тут же сгорбилась, сдулась. Понимая, что отцу, в общем-то, все равно. Ни крики, ни слезы, ни мольбы не помогут. Он решил, а значит, мне остается только выполнять.

- Ты добровольно отдашь себя храму.

- Простите, отец, не расслышала, - пролепетала я, не веря ушам своим. - Что мне нужно сделать?

- Ты добровольно отдашь себя храму, - с мерзкой ухмылкой повторил барон. - Жрец готов забрать тебя прямо сейчас.

Меня, будто оглушило. Разверзся земля, и выйди сам Темный, наверное, чувствовала себя лучше. Я никогда не питала надежд, что Майлини любил нас с сестрой. Но вот так просто перечеркнуть мою жизнь, да что там, отдать рабыней в храм, такое привидеться не могло в самом страшном сне.

- Отец! - взмолилась я. - Одумайтесь!

- Молчать! - рявкнул Майлини. - Только так ты сможешь исправить свою ошибку и послужить семье!

- Мне не нужна такая семья, для которой я лишь товар! - вскочила я.

- Это не тебе решать, дзяньская полукровка! - взревел барон. - Будешь ерепениться, продам в дом терпимости, где тебе самое место. А вместо тебя со жрецом отправится Айя. Повторяю, пока она не надела брачный обод, я могу делать с ней все, что пожелаю. Выбирай, думай, но, так или иначе, я получу, что хочу.

Я без сил рухнула в кресло. Отец знал, куда бить. Дом терпимости не пугал меня так, как то, что сестра могла стать собственностью храма и навсегда лишиться возможности его покинуть только из-за моей глупости. Такого допустить не могла.

- Хорошо, отец, я выполняю ваш приказ.

- Вот и отлично. А теперь будь добра, помолчи. Откроешь рот только тогда, когда велю. Жреца сейчас пригласят, он должен получить твое добровольное согласие. Ты понимаешь, Виола. Добровольное.

Выделив интонацией последнее слово, он внимательно посмотрел на меня. Я была вынуждена кивнуть. Пока отец вызывал слугу, пока тот бегал за жрецом, сидела тихо и даже не шевелилась. На меня напала апатия. Не хотелось думать, но колючие мысли все равно заполнили голову.

Меня продали. Пусть не замуж, но все равно отдали за возможность получить привилегии от храма. Помнится, нянюшка рассказывала, была у нее в деревне подруга, отдавшая себя добровольно храму. После этого семья девушки на долгое время освободилась от уплаты ежегодной пошлины. Так произойдет и с отцом. Отправив меня за стены храма, он сэкономит уйму денег, кроме того, в глазах общественности будет выглядеть настоящим героем: не пожалел богам дочь.

Как все-таки удобно быть хорошим за чужой счет.

Я чуть слышно всхлипнула, не сумев сдержаться, и тут же украдкой вытерла слезы. Как раз вовремя, дверь открылась, впуская в кабинет жреца. На меня он, казалось, не обратил внимания, сосредоточившись на бароне. Я невольно проследила за ним взглядом.

Жрец был стар, если не древен. Лыс, будто коленка, сгорблен, сухопар. И голос ему под стать: надтреснутый и глухой, будто кору об кору шоркали. Только глаза выделялись на морщинистом лице: яркие и живые, словно принадлежали молодому мужчине.

- Барон, - проговорил он, после того, как Майлини склонился в поклоне. - До храма дошли вести, будто одна из дочерей славного рода желает отдать свою душу богам.

- Все верно, жрец Мифил. Моя дочь Виола решила отринуть все бренное и стать ближе к Великим.

Едва фраза была произнесена, жрец повернулся ко мне и принялся разглядывать. Я не могла даже моргнуть, погружаясь в черноту глаз. Словно неведомая сила взяла меня в

плен и тащила в бездну.

Но вот Мифил отвернулся, только тогда смогла вздохнуть. Оказалась, все то время, пока мы со жрецом играли в гляделки, я не дышала.

- Подтвердите слова отца, дитя, - проговорил он. - И мы сможем уйти.

Я колебалась всего миг, а потом решительно заявила:

- Барон Майлини говорит правду. Я, Виола Майлини хочу добровольно отдать душу и тело храму. Навсегда.

В конце голос дрогнул, но этого, казалось, никто не заметил.

- Раз так, вы можете попрощаться с близкими, а потом мы уйдем.

Я резко вскочила, желая обнять на прощание нянюшку, но была остановлена деликатным покашливанием отца.

- Дочь уже со всеми попрощалась, жрец.

Хотела возразить, но наткнулась на предупреждающий взгляд отца.

- Все верно, - не сумев сдержать скорбной улыбки, сказала я. - Мы можем идти.

Жрец кивнул напоследок барону и, поманив меня за собой, вышел. Я на мгновение остановилась, безотчетно потянулась к отцу, но тот лишь смерил недовольным взглядом, да махнул рукой велел убраться.

Надежда, родившаяся так внезапно, умерла в страшных муках. Я с трудом сдержала слезы, но все равно гордо подняла голову.

- Прощайте, отец. Будьте счастливы.

И, не дожидаясь от него ответных слов, вышла за дверь.

Жрец стоял чуть поодаль, ждал, но не смотрел на меня. Однако услышав, что хлопнула дверь, пошел дальше. Я с печалью оглядывала знакомую с детства обстановку. Каждая мелочь напоминала о счастливых моментах, проведенных в стенах Черных Дубрав.

Вот за этой нишей мне так нравилось прятаться в детстве от всех, мечтать, представляя себя сказочной королевной, за которой обязательно придет принц. А на этом окне я сидела по ночам, когда все спали, и до рези в глазах всматривалась в темноту. Казалось, луна разговаривала со мной, посылая волны любви, будто мать. По этим коридорам и лестницам я бегала с сестрой, радуясь каждому новому дню.

До парадной двери оставалось всего ничего, когда услышала душераздирающий крик:

- Мисс Виола!!!

Я резко развернулась на каблучках и тут же попала в объятия нянюшки.

- Кошечка, моя! - старушка плакала навзрыд, заливая одежду слезами. - И тебя отдал, продал ирод окаянный!

Я на миг закрыла глаза, не давая слезам воли, и отодвинулась от нянюшки.

- Мне нужно идти, родная, - говорила ей, ощущая, как с каждым произнесенным словом боль в груди становилась лишь сильнее. - Все будет хорошо, нянюшка. Ты мне веришь?

Старушка подняла заплаканное лицо.

- Только на то и надеюсь, кошечка моя. Что присмотрит за тобой Всесветлая, не даст в обиду.

Я нашла в себе силы улыбнуться.

- Прощай, нянюшка, если получится передать весточку, передам.

Старушка всхлипнула и отодвинулась, освобождая путь.

- Надеюсь, больше никто не захочет попрощаться? - спросил жрец.

- Нет, - глухо ответила ему. - Больше никто.

- Тогда нет нужды оставаться здесь.

Снаружи ожидали еще двое жрецов, явно рангом поменьше, чем Мифил. Они вначале поклонились старшему и только потом обратили внимание на меня. Я смутилась и отвела глаза, но все равно успела заметить, как были похожи жрецы. Словно братья-близнецы: древние, сухопарые, лысые. Неужели все служители богов одинаково стары? Или, что более вероятно, за ворота храма выпускали только таких: немощных, никому не нужных. Возможно, и я когда-нибудь вернусь сюда в облике древней старухи.

С грустью посмотрела вдаль, мысленно задаваясь вопросом о том, что меня ожидает.

- Пойдем, - приказал Мифил. - Время не ждет.

У жрецов не было ни экипажа, ни лошадей, они шли пешком. Но наш путь закончился быстро, прямо у ворот первого храма, выстроенного по приказу отца в рощице недалеко от Черных Дубрав. Однако я все равно успела продрогнуть на ветру в легком бальном платье.

Первым вошел Мифил, следом велели переступить порог и мне, замыкали процессию другие жрецы.

- Хочешь ли ты поговорить с богами? - спросил старший. - Попросить о чем-то?

Я пожала плечами, хотела отказаться, но в последний момент передумала. Подошла к статуе Всесветлой и встала перед ней на колени. Закрыла глаза и зашептала, вкладывая в слова душу:

- Мне ничего не нужно, но прошу, Всесветлая, помоги сестре. Защити ее от беды, укрой от плохих людей, дай счастье.

Воздух самую малость потеплел, а в голове раздался тихий голос.

- Пусть будет так, дитя.

На глазах все же выступили слезы, но то были слезы радости. Богиня услышала, она поможет той, кого я любила больше всех на свете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мысленно поблагодарив Всесветлую, поднялась с колен.

- Я готова, жрец, - обратилась к Мифилу.

- Что ж, осталось лишь одно.

Он подошел ближе, всматриваясь мне в лицо.

- Боги должны сделать выбор.

Я задрожала, в груди похолодело от дурного предчувствия.

- Отпусти руку в Чашу, - велел жрец. - Дай сущностям попробовать твой вкус.

Он подтолкнул меня к Чаше, в которой тут же взметнулось божественное пламя. Я невольно попятилась, прячась от жара, но была вынуждена вернуться.

- Сунь руку в огонь, иначе мне придется помочь тебе.

Я обернулась, надеясь получить поддержку, но увидела лишь черные гипнотические глаза.

- Руку в огонь, - Мифил повторил приказ. - За непослушание я могу сделать с тобой все, что хочу. Ты сама отдала себя храму.

Я судорожно кивнула, а после повернулась к Чаше. Досчитала мысленно до трех и сунула руку в огонь. Вот только вместо боли ощутила ласку, будто огромная кошка потерлась о кожу. А потом указательный палец кольнуло, словно в него впились заноза. Я ойкнула и попыталась одернуть ладонь, но не смогла. Не сумела даже пошевелиться. Затем место укола заледенело, тоненькая струйка холода поползла вверх по руке. Все выше и выше, пока не добралась до плеча. Холодок свернул к груди, замораживая тело, и остановился возле сердца. Новый укол, и холод проник внутрь. Я закричала, ощущая, как оно бешено билось. Все сильнее и сильнее, пока, наконец, не замерло. Ровно на миг, не давая перепугаться до смерти, а потом снова заработало.

- Выбор сделан, - донесся голос Мифила. - Сам Темный выбрал тебя, дитя.

Я отпрянула.

- Не хочу. Не хочу к нему...

Все пятилась и пятилась, пока не наткнулась на твердое. Стена. Дальше убежать было некуда. Я затрепетала, задрожала испуганной ланью. Страх гнал прочь из храма: мимо замерших в скрюченной позе жрецов, мимо древних статуй, дальше от Мифила, долой от самого Темного. Душа жаждала свободы, но ноги не двигались. Черные глаза жреца пригвоздили меня к земле.

- Ты по собственной воле отдала себя богам! - проговорил Мифил. - Сама!

Его слова отражались от стен, усиливались, проникая, казалось, в сам мозг. Причиняли боль. Я с силой сжала ладонями уши, только бы избавиться от терзающих звуков, но все было напрасно. Для слов Мифила не существовало ни границ, ни времени, ни пространства. Они рисовали в моей голове ужасные сцены из древних легенд, в которых Темный расправлялся с целыми армиями неспособных противостоять ему людей. Как мучил тысячи и тысячи, призывая на их род кары.

- Ты по собственной воле отдала меня себе! - ревел голос, уже вовсе не похожий на бесцветный сухой Мифила. - Ты принадлежишь мне! Иначе пожалеет тот, кто тебе дорог!

Я содрогалась от ужаса, не могла противостоять силе этого голоса. Смотрела, запоминая каждый эпизод, проживала вместе с его участниками.

Наконец, звуки стихли. Блаженная тишина бальзамом пролилась на истерзанные нервы.

Я подняла глаза на Мифила.

- Я больше не буду сопротивляться. Что нужно делать?

- Слышать. Слушаться. Поступать правильно.

- Хорошо, жрец. Я поняла, я буду послушна.

- Раз так, тогда сейчас завяжу тебе глаза. Дальнейший путь до Обители ты проведешь в повязке. Не беспокойся, дойти тебе помогут.

На слове «Обитель» я вздрогнула, снова захотела сбежать, но приказала себе не шевелиться. Лишь кивнула.

Мифил, будто сказочный волшебник вынул из полов жреческого одеяния черный платок. Свернул пополам, превращая в повязку.

- Повернись, Виола.

Я послушно встала к жрецу спиной. Тут же на глаза легла ткань. Платок был плотным и колючим, кожа на лице мгновенно зачесалась. А еще он пах чем-то кислым.

Затем меня взяли под локоть и повели. Достаточно осторожно, чтобы не сломала ноги и не ударилась. Пусть я ничего не видела, слух и ощущение положения тела в пространстве пока не подводили. Вначале скрипнула дверь, затем в нос ударило затхлым, пол пошел под наклон. Значит, из храма на улицу мы не выбрались, а направились другим путем. Думаю, в храме имелась еще одна дверь, возможно, в подвал или подzemелье.

Некоторое время мы спускались, затем провожатый, кто именно я не знала, остановился и придержал меня. Справа послышался звенящий металлический звук, будто открывали решетчатые ворота на башне.

- Пойдем. - Голос был незнаком.

Значит, ужасный Мифил остался наверху, а меня сопровождал кто-то из его помощников. Я вздохнула с облегчением. Рядом раздался едва слышный смешок. Сделала вид, что не услышала.

Мы вновь пошли. По ощущениям, спуск закончился. Все так же пахло затхлостью, но, кроме того, появился новый незнакомый запах. Как я ни принюхивалась, ни ворошила память, так его и не узнала.

Под ногами поскрипывали мелкие камушки, слышался звук капающей воды. Однажды до голой руки кто-то дотронулся. От неожиданности я вскрикнула и остановилась.

- Что случилось? - спросил провожатый.

- Меня кто-то задел! - истерично взвизгнула я.

Прикосновение было противным, будто по руке провели пупырчатой лягушачьей кожей. От этого мурашки побежали по спине.

- Тебе показалось, - равнодушно ответил незнакомец. - Пока, кроме нас, здесь никого нет. Пойдем, нужно поспешить, ночь в туннеле тебе не понравится. Не всем здешним обитателям по душе присутствие человека.

От этих слов меня заколотила дрожь. Воображение работало хорошо, а поэтому я без труда представила, во что превратится путь, когда коридоры туннеля заполнятся местными жителями.

- Не так быстро! - прикрикнул провожатый, когда я со всех ног понеслась вперед. - Мне велено доставить тебя в целости и сохранности.

- Разрешите снять повязку, тогда нам обоим станет легче, - предложила я. - Я никому не расскажу, что видела здесь.

- Нет, - категорично отказался мужчина, лишь крепче сжал на моей руке пальцы. - Нельзя.

Дальше мы шли молча. Я прислушивалась изо всех сил, боясь пропустить появление хозяев подземелья. На этот раз путь был гораздо длиннее. Несколько раз мы останавливались, чтобы попить, перекусить и просто постоять, поотдыхать. Присесть мне не предложили, впрочем, я и сама не стала бы садиться. На полу что-то неприятно хлюпало и фыркало. Легкие туфельки давно промокли и неприятно охладили ноги.

Вскоре я устала так, что перестала даже бояться и ждать нападения. А потому не сумела удержаться от вскрика, услышав злобный рев, казалось, сотрясший стены.

- Спаси, Всесветлая! Что это?!

- Не что, а кто, - раздраженно ответил сопровождающий. - Похоже, хозяин этих мест решил нынче выйти на охоту пораньше.

Я едва не лишилась чувств. Даже воображения не хватало представить того, кто мог издавать подобные звуки.

- И что делать? - на этот раз шепотом спросила я. - Возвращаемся?

- Нет, конечно, идем вперед. Поверни назад, нас точно не ждет ничего хорошего. Идем.

Если еще минуту назад мне казалось, что сил больше нет, то теперь ноги сами несли прочь от ужасных звуков. Провожатый не останавливал, наоборот, подгонял.

Время шло. Сердце, казалось, билось где-то в горле, я запыхалась. Успела несколько раз стукнуться свободным локтем, видно, коридор катастрофически сузился. Ударить большой палец ноги, который теперь безжалостно ныл. И наступить на ногу провожатому.

- Шевелись. - Гнал он. - Быстрее.

Я перевозмогала себя, но мы все равно не успели. Очередной рык раздался близко, слишком близко. Рядом ругнулся провожатый, я и не знала, что жрецам так можно.

- Я снимаю повязку, - проговорил он. - Смотри четко перед собой, ни назад, ни в сторону.

И снял тряпку. Я прищурилась: от стен шло нестерпимое фиолетовое сияние. Мир перед глазами выглядел нереалистичным и пугающим.

- А теперь беги! - крикнул мужчина, подталкивая вперед. - Не останавливайся, я догоню тебя возле следующих ворот.

Повторять приказ ему нужды не было, создание, что шло следом, сделало все само. Подгоняемая голодным протяжным рыком, я бросилась со всех ног вперед по коридору. Лишь на миг остановилась, развернулась и посмотрела на провожатого. Им оказался один из помощников Мифила. Но тут невидимый пока зверь вновь взревел, и я снова побежала. Немощный старец остался.

Очередные ворота показались слишком быстро, чтобы можно было почувствовать себя в безопасности. Выросли за очередным поворотом, преграждая дальнейший путь. Я вцепилась в решетку, потрясла, навалилась всем весом, но ворота не шелохнулись. В бессилии скатилась по решетке вниз, прямо в жижу, что покрывала пол. Больше ничего сделать не могла, оставалось только ждать.

Позади меня в коридоре развернулся бой. Неведомое чудовище яростно, почти не прекращая, ревели. В его вопли вклинивались свистящие звуки и глухие хлопки. Фиолетовое сияние от стен померкло, или во вспышках, то и дело освещающих пространство, его было не так заметно. Стены тряслись, с потолка падали камни. Я скрючилась на полу, закрыла руками голову, прячась от их жалящих ударов. А еще пыталась дышать через раз, коридор буквально пропитало невыносимым смрадом. Зажмурившись, мысленно повторяла молитву, прося Всесветлую сжалиться. И надо мной и над тем, кто сейчас бился с чудовищем.

Сколько продолжалось все это, не знаю. Наконец стало тихо. Внезапная тишина испугала почище рева. Я поднялась на ноги и помотала головой, чтобы избавиться от гула. Снова прислушалась. Тишина. Ни воплей зверя, ни шагов провожатого.

Кто победил, а кто проиграл?

Время шло. Я боялась пошевелиться, только тряслась от холода. Мокрые ноги заледенели, грязное платье совсем не грело. Стало казаться, что мне придется остаться здесь навечно, погребенной заживо в темных коридорах.

Когда ждать дальше стало невыносимо, я пошла. Вначале медленно и осторожно, останавливаясь, прислушиваясь, замирая на каждом шагу. Затем все быстрее и быстрее, пока, наконец, не побежала. Страх и неизвестность гнали вперед, туда, где, возможно, уже нет живых.

Чем ближе я подходила к тому месту, где оставила жреца, тем сильнее становилась вонь. Легкие с трудом насыщались воздухом, в груди что-то неприятно булькало. От запаха резало глаза, по щекам бежали слезы. Чудом оставаясь в сознании, я все же доползла до провожатого. Нащупала его неподвижное тело, лежащее в зловонной луже. Остального не видела, Всесветлая сжалилась, укрыв от взора ужасную картину.

Чем дольше я находилась рядом с тушей чудовища, тем быстрее уходили силы. В какой-то момент поняла, что промедление может стоить жизни. А потому, схватив жреца за руки, поволокла его по скользкой жиже прочь.

Мужчина весил предостаточно, путь казался бесконечным. Если бы не Айя с ее вечными требованиями быть сильной, бегать каждый день, я не смогла доволочь жреца даже до поворота. Опустив его руку, упала рядом, позволяя себе отдохнуть. И видимо, все же потеряла сознание, очнувшись только оттого, что кто-то звал меня по имени.

- Виола. Виола очнись, пора идти.

С трудом подняла веки. Некоторое время пялилась на жреца, а потом изо всех сил зажмурилась. Либо глаза обманывали, либо сошла с ума. Облик провожатого размазывался, двоился. Я одновременно видела старика, одного из помощников Мифила, и молодого мужчину.

- Вставай, Виола. Нужно идти.

Он прикоснулся к моей руке. Я замотала головой, одергивая ладонь.

- Не могу! Оставьте меня здесь! Зачем вам сумасшедшая?!

- Сумасшедшая? - удивленно переспросил мужчина.

- Да! Мой разум больше не служит мне. - Я снова открыла глаза. - Я вижу одновременно старика и молодого. Такого не может быть!

Жрец помрачнел. Отвел на мгновение глаза, а потом вновь впери в меня яростный взгляд.

- Твой разум в порядке, мой облик и вправду течет, - сухо проговорил он. - Ты лишь видишь то, что тебе не положено. Нельзя.

Я судорожно сглотнула, а жрец схватил меня за обе руки и вздернул на ноги.

- И что теперь, - спросила, с трудом найдя в себе силы. - Ты убьешь меня?

Спросила и сама же испугалась, заозиралась, ища пути к бегству. Вот только пути не было. Позади меня были ворота, которые не сумела преодолеть.

- Должен тебя убить, - сказал жрец, продолжая буравить меня взглядом. - Но не убью, я не забываю помощи. Долг жизни превыше всего.

- Долг жизни? - переспросила я.

- Ты вернулась и вытащила меня из смрада гниющей плоти сариуса. Я благодарен тебе,

Виола.

Я неловко улыбнулась.

- А теперь нам нужно идти. Нужно успеть дойти до Обители, пока больше никто из местных жителей не решил выйти.

Кивнула, а потом, ругая себя за несдержанность, задала еще один вопрос:

- А если я решу рассказать всем о том, что видела?

- Умрем оба, - пожал плечами жрец. - Я за то, что позволил увидеть, ты из-за того, что увидела. Еще вопросы?

Больше вопросов не было. Провожатый вновь нацепил на меня черную повязку, на этот раз пахнущую саурисом, и взял под локоть.

- Как тебя зовут, жрец?

Тот долго не отвечал, но все же сказал:

- Крон. Хотя ты можешь сразу забыть это имя.

Остальной путь до Обители прошел в молчании. К моей радости, на нас никто больше не нападал. Жижка под ногами исчезла, вонь постепенно уходила. Защищенные повязкой глаза отдыхали от губительного излучения стен. Даже усталость пропала, видно, полежав в беспомощности на холодном полу, я отдохнула. На плечи жрец накиннул свою грязную, но все равно теплую накидку. Волновали только ноги, я почти не ощущала пальцев.

- У меня ужасно замерзли ноги, - пожаловалась жрецу.

- Понимаю, но ничем пока помочь не могу, - отозвался он. - Потерпи, мы почти дошли.

И правда, буквально через несколько минут Крон снова велел мне остановиться. Знакомый скрежет сказал, что очередные ворота открыты.

- Можешь снимать повязку, - разрешил он. - Уже можно.

Я с радостью избавилась от грязной тряпки и взглянула на провожатого. От старика, стоявшего возле моего дома, не осталось ничего. Прямая спина, высокий рост, мышцы, бугрившиеся на руках, волевой подбородок, даже голос изменился, став насыщенным и сильным. Только глаза были прежние: серые и ясные.

- Каков же ты настоящий? - прошептала, вглядываясь в Крона. - Стар или молод?

Жрец ухмыльнулся.

- А каким тебе больше нравлюсь? Стариком или молодым?

Я не ответила. Крон договорил сам.

- Выходя наверх к людям, мы принимаем обличье стариков. Даже, правильнее сказать, становимся старыми. А потому торопимся вернуться, ведь дни наверху для нас сочтены. Тот, кто не успеет за неделю оказаться в Обители, умирает. Наш Бог позаботился о том, чтоб его слуги всегда возвращались.

Я поспешила отвести взгляд, не зная, что сказать в ответ. И не сумела сдержать удивленный возглас: мы стояли на вершине скалы, с которой был виден город. Черные дома, черные крыши, блики от факелов, игравшие в окнах. С высоты Обитель Темного была похожа на изысканную фигурку из обсидиана.

- Всесветлая, как красиво! Божественно прекрасно!

- Не нужно произносить Ее имя здесь, ми. Это Обитель ее брата.

- Прости, - покорно согласилась я. - И мое имя не Ми, я Виола.

- С первым шагом за стены города ты лишишься права на имя. Забудь его. Привыкай, теперь ты ми - собственность бога.

- А ты?

- Я мирай, как и остальные.

Горечь в голосе жреца вернула на землю. Там внизу не драгоценный камень, а Обитель Темного. Самого жестокого из богов.

Спускались по ступеням, выдолбленным в породе. Сердце каждый раз замирало, стоило ноге неловко скользнуть к обрыву. И тут же начинало свой бег, ведь Крон держал крепко. Даже несмотря на ужас, ледящий жилы, мне хотелось, чтобы спуск был бесконечным. Но в один далеко не прекрасный момент, мы все же сошли с последней ступени. Преодолели последние метры до стены и только тогда остановились.

- Прощай, ми..., прощай, Виола, - развернул меня к себе жрец. - Не ищи меня, не спрашивай, никто не ответит. Будь тиха и послушна, тогда, возможно, Темный не обратит на тебя внимание. Тогда когда-нибудь через много-много лет ты сможешь в последний раз увидеть солнце. Сможешь поговорить с Ней. Поняла?

- Спасибо, Крон, - всхлипнула я. - Буду стараться.

- Хорошо. А теперь иди прямо. Ворота тебя пропустят.

- А ты?! - я невольно схватила его за руку. - А как же ты?!

- Мои ворота дальше, здесь пропускают только новеньких ми. Иди, не заставляй себя ждать. И помни: тиха и послушна.

Крон разжал мои сведенные пальцы и подтолкнул вперед.

- Прощай, - одними губами прошептала я и, отвернувшись, пошла вперед к воротам, которые тут же открылись, стоило подойти ближе.

Трясаясь от страха, вошла внутрь. Ворота с шумом закрылись, темнота поглотила меня, забирая свободу, отгораживая от прошлой жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Темнота не была непроглядной, вскоре я начала различать силуэты. Силуэты двигались и шуршали как полчища крыс. Замерла, боясь сделать лишнее движение, наступить на чей-нибудь мерзкий лысый хвост. Прислушивалась, всматривалась в темноту, пока, наконец, пространство за воротами не было освещено.

Когда глаза привыкли к свету, я огляделась. Оказалось, никаких крыс и в помине не было, в закутке между входными воротами и массивной дверью стояли десятка полтора девушек. Большинство были низкого происхождения, лишь у двоих отцы вращались в аристократических кругах.

Девушки с любопытством оглядели мое грязное бальное платье, но никто не подошел и вопросов задавать не стал. Некоторые сбились в кучки и шушукались, другие держались особняком и с независимым видом гипнотизировали каменные стены. Я подумала, не стоит заводить знакомства. Лучше подождать, посмотреть, что да как, а после решить.

Так мы и стояли, пока откуда-то сверху не раздался голос. На этот раз женский каркающий.

- Я требую тишины.

Девы дружно вздрогнули, ойкнули, но моментально перестали шушукаться и замерли, настороженно посматривая на потолок. Я тоже подалась настроению толпы и глянула вверх, но никого там не увидела.

- Сейчас вы проследуете за мной, вашей проводницей. Я доведу вас до купален, где вы сможете смыть дорожную пыль и переодеться.

Говорящая замолкла, зато распахнулась дверь. За дверью стояла женщина лет сорока, больше всего она напоминала ворону.

- За мной, ми, - прокаркала женщина и, развернувшись, пошаркала куда-то вдаль.

Девушки посеменили следом. Мне ничего не оставалось, как идти за ними. Шли по закрытому проходу, я видела только каменные стены и потолок из непонятого материала. Проход оканчивался очередной массивной дверью, которую и отперла ворона.

- Дверь парильни там, - вновь прокаркала она, махнув влево. - Одежду скидываете возле лавок. Помывшись, надеваете ту, что лежит на полках. Она одинаковая, а потому склок я не потерплю.

Я присмотрелась к тому, во что была одета провожатая: черное рубище с десятками мелких пуговиц, длинными рукавами, воротом до подбородка и подолом до пят. Даже на вид ткань была груба и наверняка кололась.

Девушки торопливо вошли в комнату без окон, стали переглядываться, шептаться, настороженно косясь на женщину.

- Шевелитесь! - прикрикнула Ворона. - Нужно успеть на вечернюю молитву.

Девушки принялись неловко стягивать с себя одеяние. Но, видно, не слишком быстро, потому как женщина вновь повысила голос.

- Те, кто не успел на вечернюю молитву, лишаются ужина.

Я решила не затягивать с омовением, как и большинство девушек. Девушки быстренько разделались, сложив одежду у лавок, и гурьбой отправились в парильню. Чувствуя, как от стыда загорели щеки, я вошла самой последней. Все-таки не привыкла ходить обнаженной перед столькими чужими людьми.

Внутри было жарко, замершие ноги моментально закололо тысячами иголок. Витал пар, укрывая тела белесым саваном. Я немного приободрилась. Раз уж мне почти не было видно остальных девушек, значит, и они практически не видели меня. Теперь, главное, понять, как здесь мыться. Оказалось, проще простого. У дальней стены на полу стояли

большие тазы, куда стекала вода из желобов, и ковшики. Возле желобов в нише на стене лежали мыльные принадлежности.

Когда очередь, наконец, дошла, я с наслаждением опрокинула на себя первый ковш, а после уселась в таз и смежила веки. Даже тот факт, что кроме меня, здесь мылось еще неведомое количество женщин, не волновал. Прямо сейчас тело требовало тепла и отдыха.

Впрочем, власть насладиться купанием мне не дали. Скрипнула дверь, и туман голосом Вороны велел поторапливаться. Пришлось открывать глаза и быстро домываться.

Полотенец ми не полагалось, вместо этого Ворона велела всем встать возле одной из стен в комнате, где мы раздевались. Затем она нажала на выступ, и из дыр пошел теплый воздух. Он-то и высушил влажную кожу. Пришло время одеваться.

Как и опасалась, одежда оставляла желать лучшего. Только черное платье из жесткой ткани и грубые башмаки. Ни белья, ни чулок ми не давали. Едва я надела платье, кожа под ним страшно зазудела. Пришлось, скрипя зубами от желания почесать, терпеть.

- За мной, ми, - скомандовала Ворона, когда все девушки облачились в одежды. - Не отставать.

Нестройной колонной нас повели прочь из купален в молельный зал. Зал был огромен, мрачен и темен. Тысячи свечей, стоявших вокруг статуи Темного, оказалось недостаточного, чтобы полностью его осветить.

Кроме того зал был поделен на три части. Слева располагались женщины: все в черном, с опущенными головами и отрешенным видом. Справа в красных рясах, повязанных черным поясом, находились жрецы. И если мужчины стояли, то ми все как одна сидели на коленях. И, наконец, посредине возвышалась статуя Темного, а у ее подножья небольшой деревянный помост.

Новеньких ми усадили дальше от центра, мы практически сливались с черными стенами. Я обрадовалась такому порядку, чем дальше от Темного, тем лучше. Ведь не зря Крон предупреждал меня быть незаметной. И я стану таковой и когда-нибудь увижу солнце. Если, конечно, неведомая болезнь не убьет раньше. Ведь зелье осталось у отца.

Заметавшись, я не заметила появления еще одного человека. Лишь когда пламя свечей взметнулось до потолка, была вынуждена отвлечься. Облаченный в черную рясу на помост возле статуи Темного взошел человек. Я сразу его узнала. Несмотря на молодость, глаза оставались теми же самыми: глубокими, проникающими в самую суть. Им был Мифил. Жрец обвел зал тяжелым взглядом, показалось, что он безошибочно нашел меня среди новеньких ми. Против воли я задрожала. И даже не задалась вопросом, каким образом он попал в Обитель, ведь кроме нас с Кроном, больше никто не шел по тому страшному коридору.

Мифил повернулся спиной ко всем, взмахнул руками, призывая к тишине, и запел. Заунывная песнь полетела к статуе Темного. Слов я не понимала, Впрочем, и без того было понятно - это торжественное обращение к богу. И Мифил скорее всего Верховный жрец.

Настроившись на тягостное ожидание, была неприятно удивлена тем, что и мне пришлось подпевать. Вначале присоединились другие жрецы, потом и ми. Я растерянно оглянулась, затем решила скромно отмолчаться, но короткий болезненный удар в спину дал ясно понять, что Ворона не спала, бдела.

Песнопения длились, казалось, вечно. Колени устали, глаза слипались, голос пропал. Я с трудом заставляла себя издавать звуки, больше похожие на завывания плакальщиц, чем пение. Получив еще один удар, была вынуждена отбросить лишние мысли и сосредоточиться на пении. Но вскоре Мифил закончил. Провыл на высокой ноте последнее непонятное слово и замолчал. Сдержанность вздох облегчения я не могла, как и остальные новенькие ми.

Верховный жрец ушел первым, следом потянулась нескончаемая вереница его «красных собратьев». Только потом пришел черед ми. Новенькие отправились на ужин последними.

В животе уже неприлично урчало и бурлило. Я бледнела и краснела от стыда, но никто, казалось, не слышал криков моего желудка. Ми выглядели пришибленными и растерянными. Видно, события прошедших дней дали о себе знать. Девушки даже не разговаривали. Легкий гул шепотков исчез.

Трапезная походила на огромный склеп: темный, мрачный и холодный. Посередине возвышался стол, за которым сидел Мифил и еще четверо жрецов. В одном из них я с удивлением узнала Крона.

Столы остальных жрецов располагались кругами. Видимо, чем ближе красный был к верховному жрецу, тем выше его статус. Женщины сидели на полу на камнях, вместо столов рядом с ними стояли широкие подносы. Особого порядка в расположении ми не было, они сидели кружочками и молча ужинали. Головы не поднимали и на мужчин не смотрели. Новеньких ми усадили возле выхода.

Трапеза особым разнообразием не отличалась. Перловка без масла и мяса в щербатой миске и кружка воды. Ложка ми не полагалась. Я несколько приуныла, но все равно решила попробовать. Впрочем, надолго меня не хватило. Мало того, что в крупу не доложили мяса, оказалось, и соли в ней не было. А потому я отодвинула миску и, «растягивая удовольствие», короткими глотками выпила пахнущую тиной воду. Надо сказать, у мужчин на столах было больше выбора.

- Здравствуй, - вдруг раздался боязливый шепот.

Повернувшись, посмотрела на свою соседку, невысокого роста пухленькую блондиночку с россыпью веснушек на носу.

- Здравствуй, - так же тихо ответила ей.

- Я Зорана, а тебя как звать? - бесхитростно поедая взглядом, спросила Веснушка.

- Виола.

- Скажи, Виола, а ты будешь еще кашу?

- Нет, я уже наелась. - Пододвинула к ней миску. - Кушай, пожалуйста.

Веснушка улыбнулась, демонстрируя кривоватые зубы, и в одно мгновение сцапала подношение.

- Спасибо.

Каша исчезла из миски моментально.

Едва Верховный жрец завершил трапезу, закончился ужин и для остальных. Новеньких ми повели спать в пещеру-барак. Ворона не особо церемонилась, коротко велела занимать свободные. Я заглянула в первую попавшуюся. Спальня была похожа на келью. Узкая, туда вмещались лишь две кровати, да низенький столик, одежду полагалось класть в небольшой ларь. Дверей не было, только что-то похожее на шкуру закрывало нишу. Туалетной комнаты тоже. Справлять надобности предлагалось в конце коридора в общей комнате.

- Эй, Виола, можно к тебе? - протиснулась в келью Веснушка.

Я пожалала плечами. Пока что никто не хотел ко мне присоединиться, но раз здесь две кровати, значит, все равно поселят еще кого-нибудь. Так что пусть уж лучше этим кем-то будет условно знакомая Зорана.

- Проходи.

Веснушка тут же заняла кровать, которая приглянулась и мне.

- Ты не против? - хлопая ресничками, спросила она.

Я покачала головой.

Ворона велела спать, сказав, что завтра с утра все будут работать. А потому мы потушили свечу и улеглись. Сколько сейчас времени я не знала, часов здесь не было, как и солнца. Я печально вздохнула.

Солнце. Увижу ли его когда-нибудь?

Ночью под землей было холодно, но я не мерзла. Пусть одеяло противно пахло горелой шерстью, но было теплым. Зорана тихонечко посвистывала во сне, не мешая скорее уснуть. Незаметно для себя, я улетела в царство сна. Там не было ни Темного, ни его Обители, ни страшного Мифила. Во сне мы с сестрой были вместе: я играла на флейте, а Айя танцевала. Счастье.

Из сна меня выдернули бесцеремонно и грубо. Над ухом вначале чем-то стукнули, отчего я чуть не умерла от страха, а потом голосом Вороны проорали:

- Подъем, ленивые курицы!

Я тут же подскочила и стала озираться. Шкура-дверь покачивалась, говоря о том, что надсмотрщица уже вышла. Зорана тоже не спала, широко распахнутыми глазами глядя на меня.

- Ну и голосище, - шепнула она, поглядывая на дверь. - В моей деревне ее бы давно прикопали где-нибудь в лесу.

Я не ответила, надела башмаки и вышла из кельи. Перед работой было бы неплохо посетить туалет, а то мало ли чем и где велют заняться. Через десять минут в келью вновь вошла Ворона на этот раз в сопровождении жреца.

- Руки вытянуть! - приказала надсмотрщица.

Мы с Зораной послушно вытянули вперед руки. Веснушка пыталась заигрывать с молоденьким жрецом, но он, казалось, не видел направленных на него пылких взглядов. Лишь выполнял свою работу.

Вынув из чехла кинжал, жрец полосонул мне по запястью, заставив испуганно взвизгнуть.

- Молчи и не убирай руки, иначе отправлю чистить загон с химерами.

Судя по тому, как вздрогнул жрец, он не понаслышке знал, что это такое, и не хотел повторения. Я приняла это к сведению и решила потерпеть. Жрец набрал во флакон немного крови, а затем пошептал над раной. Царапина тут же затянулась.

Сделав то же самое с бледной как полотно, Зораной, жрец с Вороной ушли.

- Мамочка родимая, - прошептала Веснушка. - Лучше бы ты меня с собой в могилу забрала. Страсть-то какая!

Не выдержав, она скуксилась и заревела громко с причитаниями. Я вначале опешила, а после неловко обняла девчонку.

- Не плач, дорогая, все наладится.

И сама же сморщилась, прекрасно понимая, что мои слова лживы. Мы уже в Обители, а значит, ничто не наладится и ждать хорошего можно вечно. Так что я больше ничего не стала говорить просто сидела рядом с Веснушкой и гладила ее по плечу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Вскоре Зорана успокоилась и даже немного приободрилась, услышав зычный крик Вороны. Надсмотрщица велела идти на завтрак. Ели ми в том же самом склепе, что и прошлым вечером. Да и сама трапеза мало чем отличалась, разве что вместо перловки дали овсянку, а холодную воду заменили кипятком. Нынче Веснушки добавки не досталось. Я давилась, но съела все до последней крошки.

Сразу после еды началось распределение на работы. Меня вместе с Зораной и еще десятью девушками отправили мыть кельи жрецов низшей касты. Сопровождал жрец повыше. Он же определял фронт работы и выдавал инвентарь.

- Ты, - указал он толстым пальцем на меня. - Правый ряд. И чтобы все чисто было!

И повел остальных дальше. Я приуныла. В ряду начитала двенадцать келий. И судя по тому, какой запах шел из первой, мало мне не покажется. Так и получилось, жрецы не утруждали себя уборкой и не отличались чистоплотностью. Грязные одежды, вонючие пятна на полу, остатки пищи. Видимо, это только ми не позволяли брать еду в келью.

Спустя несколько часов я ощущала себя усталой и разбитой. От непривычки мышцы ныли, пальцы едва сгибались, кожа на руках воспалилась и болела, спина не разгибалась. Я чувствовала себя древней старухой. А ведь грязные кельи еще не закончились.

- Эй, подруга, - услышала шепот Веснушки. - Я уже закончила. Помочь?

- Если ты еще способна шевелиться, то буду весьма признательна.

- Ха-ха, - хмыкнула Зорана. - Это разве ж это работа? Вот в хлеву у моего отчима - это да. К вечеру и я с трудом добиралась до кровати.

Вдвоем мы быстро домыли ряд, хихикая над незнакомыми грязнулями. К тому моменту как вернулся жрец, даже успели немного отдохнуть.

- Справились? - подозрительно спросил он.

- Да, мирай, - склонила голову Зорана. - Все чисто.

Жрец не поверил. Вошел в каждую келью и проверил. Провел пальцем по полу, по столу, принюхался, разве что на вкус не попробовал.

- Неплохо, ми, неплохо, - похвалил он. - А теперь помогите своим товаркам.

Сдержатъ стон отчаяния мы сумели с трудом. Но делать было нечего, пришлось помогать не таким расторопным ми с работой.

Обеда нам не полагалось, а на ужин я едва доползла. Что там нынче давали, даже не поинтересовалась, сжевала, не разбирая вкуса. До кельи меня вела Зорана, она же уложила в кровать. Постояла некоторое время рядом, качая головой, а потом потушила свечу и тоже легла.

Дни были похожи один на другой как капли воды. Сон, изъятие крови, завтрак, работа, ужин и снова сон. Раз в неделю ми водили в парильню, где мы мылись и меняли одежду. Вскоре мне стало казаться, что жизнь состояла только из непосильного труда. Ми обслуживали и себя, и жрецов. На что-то иное не хватало ни сил, ни времени, ни желаний. Я хотела только одного, спать.

Но шло время, и я потихоньку втягивалась. Однажды ночью, внезапно проснувшись, нашла в себе силы достать флейту, спрятанную под кроватью. С любовью огладила корпус, дотронулась до отверстий и, наконец, поднесла к губам.

Забытые звуки наполнили келью. Я закрыла глаза, отдавая себя музыке, и впервые ощутила только восторг. Мелодия не билась болью в висках, не давила камнем на грудь, она вела за собой в неведомые дали, позволяла забыть обо всем. А еще, казалось,

открывала в сердце нечто новое. Это новое стремилось на свободу, жаждало заявить о себе.

- Благодарю, Всесветлая! - раздался от шкуры-двери благоговейный вскрик. - Как красиво!

Я моментально вылетела из мелодии и испуганно повернулась на звук. Оказалось, вернулась Веснушка. Я и не заметила, что той не было в келье. Зорана выглядела счастливой и сжимала в руках мешочек.

Увидев, что я на нее смотрю, девчонка подбежала ближе.

- Ты просто мастерица, подруга! Такую красивую музыку я не слышала никогда. Даже у Чаши Всесветлой в ее день.

Я смущенно зарделась. Неказистая похвала Веснушки понравилась гораздо больше, чем знаки внимания на балу. Ведь ее похвала шла от души.

- Спасибо, - пробормотала я. - А ты где была? Почему не спишь?

Настала очередь Зораны краснеть. Впрочем, краска быстро покинула ее лицо.

- Я гуляла.

- Здесь можно гулять по ночам? - удивилась я.

- Конечно, глупая. Не только можно, но и нужно. По ночам здесь начинается настоящая жизнь, а не то, к чему мы привыкли.

- Ух ты! - воскликнула я. - Расскажи подробнее.

- Обязательно, - кивнула Веснушка. - Слушай. Мне сказали наши ми, а им те ми, которые появились здесь год назад. Так вот...

Оказалось, в центре города-обители было много заведений для отдыха жрецов. Но и ми никогда не выгоняли, наоборот, приветствовали их появление. За девушками ухаживали, угощали вкусностями, которые им никогда не увидеть за столом, а взамен просили внимание. Чем большим вниманием одаривали ми, тем сильнее была благодарность. Например, Зорана сегодня весь вечер и часть ночи протанцевала с одним из молоденьких жрецов. Тот был жутко доволен и одарил партнершу сладостями.

Веснушка развязала шнурок на мешочке и вывалила в подол сладости. Я только руками всплеснула, глядя на такое богатство. Прожив с месяц на одной безвкусной каше, обычные леденцы из жженого сахара казались вкуснейшим лакомством.

- Держи, подруга, - угостила Зорана. - Порадуй себя, как ты порадовала сегодня меня.

Конфета таяла на языке. Я зажмурилась от удовольствия и даже пропустила несколько фраз, сказанных Веснушкой. Впрочем, из-за последней едва не поперхнулась.

- Знаешь, - шепнула Зорана. - Некоторые ми соглашаются провести ночь со жрецами. Темный ведь не запрещает плотские удовольствия. Так, им в работе поблажки делают либо в надсмотрщицы над остальными ставят. И одежду из мягкой ткани, и даже белье дарят. И никто не вправе отобрать. А некоторых и вовсе к себе забирают. Но это если повезет жреца высокой касты встретить. Я вот решила, если такой мне встретиться, ни за что свое не упущу. Тем более понести от жреца не грозит никому из ми. Развлекайся в свое удовольствие.

- Спаси, Всесветлая! - ахнула я. - А если не хочешь, неужели заставляют?

- Что ты, - замотала головой Веснушка. - Ежели нет желания постель делить, никто не заставит. Отчего и почему, не скажу, да никто не скажет. Старшие ми поговаривают, с Темным это связано. Но никто точно не знает. Так что, подруга, завтра ты можешь со мной пойти. Пока ты непривычная была, я и не говорила, отдыхать не мешала. А теперь пора приобщаться. Посидишь, отваров вкусных попьешь, поговоришь с кем-нибудь из

жрецов или сыграешь. Глядишь, и заработаешь на что-нибудь нужное.

Я молчала, не зная, что сказать. Нет, размышления Зораны были ясны и понятны, но простота, с которой она настраивалась запрыгнуть в постель к незнакомому мужчине, настораживала.

Вскоре Веснушка улеглась, легла и я. Однако долго не могла уснуть, а утром поднялась без сил. Привычная уже работа показалась неподъемной, потому вечером я едва-едва дождалась возможности добраться до кровати. Зорана только посмеивалась, но ничего не говорила и даже звать с собой не стала. Зато на следующее утро похвасталась новым бельем. За что она его получила, спросить не решилась.

Шли дни, я держалась и даже мысли себе не позволяла о «настоящей жизни», как назвала ночное времяпрепровождение Веснушка. Та подшучивала, соблазняла лакомствами и чудными историями. В конце концов, я решила пойти. Поглядеть одним глазком, полюбопытствовать. После работы ми как раз водили в парильни, а потому не боялась прослыть грязнулей.

- Надо же, и года не прошло, - поддела Зорана, но увидев мое вытянувшееся лицо, поспешно добавила:

- Не обижайся, шуткую так. Пойдем, пока самое интересное не началось.

Мы покинули келью, другие ми, подхихикивая и перешептываясь, тоже спешили прочь из полутемных комнаток к свету. Словно глупые мотыльки к магическому пламени, миг сжигающему дотла. Эта мысль напугала, но я поспешила ее отбросить. Страшнее, чем быть отданной отцом бездушным храмовникам, все равно ничего нет.

Едва мы выбрались из своего сарая, я удивленно ахнула. Черный город-обитель не был похож на себя. Повсюду горели факелы, под сводом пещеры, заменявшей небо, летали разноцветные огоньки. Даже сами здания слабо светились, добавляя зрелищу особого колорита.

- Красиво, правда? - спросила Веснушка.

Я кивнуть.

- Когда в первый раз увидела, с открытым ртом минут десять стояла. Но ничего привыкла потом. Сейчас иногда эти фонари только мешают.

Зорана захихикала, но я не поняла причины смеха. Однако спрашивать не стала, потому что Веснушка считала меня, мягко говоря, не от мира сего.

- И куда нам теперь? - решила сменить тему.

- О! Тебе понравится! - улыбнулась Зорана. - Познакомишься с девочками, со жрецами. Некоторые прям ух!

Я неопределенно пожала плечами. Честно говоря, сильно сомневалась в том, что мне может понравиться в шумной компании незнакомых людей. Обычно мы с сестрой веселились вдвоем или во время больших праздников присоединялись к слугам.

- Ах да, подруга, - понизила голос Зорана. - Помни, для жрецов мы ми, а они для нас мираи. Никаких имен и фамилий, иначе можно схлопотать наказание. Привыкай.

- А как же я пойму, что обращаются именно ко мне?

- Поймешь, дорогая, - ухмыльнулась Веснушка и таки потащила вперед.

Мы прошли вдоль по улочке, свернули за угол и оказались возле высокой двери. На двери был изображен мерцающий красным круг.

- На месте, - шепнула Зорана. - Не тушуйся.

И распахнула дверь.

Вначале мне показалось, что внутри жила мгла, в которой бесновались приспешники самого Темного. Я замерла на пороге, тщетно вглядываясь в черный провал. Еще немного, и без оглядки побежала бы прочь, но Веснушка оказалась сильнее. Войдя первой, она поднатужилась и втащила зажмурившуюся меня внутрь.

Сжавшись от страха, я некоторое время не смела даже пошевелиться. Потом услышала женские подхихикивания, откровенные мужские смешки и открыла глаза. Наткнулась на откровенно изучающие взгляды. Смутилась, потупилась, ощущая, как полыхают щеки.

Спасла Зорана. Громко поздоровавшись, утащила в дальний угол, где за столиком сидели еще три молоденьких ми. Я с шумом выдохнула, вызывая улыбки.

- Доброй ночи, девочки, - прочирикала Веснушка. - А это моя соседка, та самая ми, о которой я вам говорила.

Ми с любопытством меня оглядели, затем самая симпатичная из них приветливо улыбнулась:

- Рады с тобой познакомиться. Уверена, тебе здесь понравится.

- Очень на это надеюсь, - пробормотала я оглядываясь.

А посмотреть было на что: большое, даже огромное помещение освещено настенными факелами. Возле одной из стен стоял длинный широкий стол, около которого бегали несколько мужчин. За их спинами в стене красовалась темная дыра, куда они периодически заходили, дабы выдать желающему тарелку или блюдо. А людей здесь собралось предостаточно.

Столы для посетителей тоже отличались монументальностью. Широкие лавки, казалось, были рассчитаны на сказочного великана. Помимо открытых столиков, имелись и закрытые: либо ниши, занавешенные шкурами, либо отдельные комнаты, закрывавшиеся на ключ.

В центре на небольшом возвышении располагалось место для танцев, где уже кружились несколько пар. Откуда доносилась музыка я так и не увидела.

Некоторое время ничего не происходило. Девушки тихонько шушукались, жрецы с глубокомысленными лицами вкушали яства: мясо, овощи, сыры, хлеб. После лишеной вкуса крупы, все это мне казалось невероятно привлекательным. Я и не замечала, что с жадностью провожала каждый кусок, исчезающий в бездонных животах мираев. Наконец, когда жрецы наелись, они соизволили обратить внимание на ми. Поймав на себе изучающий тяжелый взгляд, я ощутила себя кобылой на торгах. Тут же захотелось уйти, с трудом сдержала порыв.

- Потанцуем, леди, - оказалось, к моей соседке подошел высокий темноволосый жрец и по-хозяйски провел пальцами по щеке.

- Лорд, - кокетливо захлопала ресницами Зорана. - Сегодня так жарко, я прямо умираю от жажды.

Мирай понятливо кивнул и добыл освежающего взвара не только для своей прелестницы, но и угостил каждую из ее подружек-ми. Достался стакан и мне. Я опасливо покосилась на жреца, тот деликатно отошел к своему столу, дабы «леди» могли спокойно испить.

Взвар был непревзойденный: в меру кислый, в меру освежающий, в меру сладкий. Я едва сдержала стон наслаждения, позволила себе лишь прикрыть глаза и отстраниться от окружения. Пила маленькими глоточками, растягивая удовольствие. А когда стакан опустел, ощутила болезненное разочарование.

Соседки тоже смаковали подношение, но и они не могли пить вечно. Взвар исчез. Увидев, что ми закончили, жрец подошел снова.

- Леди.

Леди выпорхнула из-за стола и, стрельнув глазками, подала руку кавалеру. Тот поклонился, словно они и вправду находились сейчас на балу, и закружил довольную Веснушку в танце.

Соседки по столу с завистью глядели на веселящуюся девушку.

- Счастливица, - шепнула одна из них. - Повезло, говорят, этот мирай приближенный самого Верховного.

Я с глубокомысленным видом кивнула и отвела глаза. Веселье Зораны почему-то казалось наигранным. Слишком уж неестественно широко она улыбалась, слишком громко смеялась, будто хотела спрятать нечто, не предназначенное для чужих глаз.

- Герцогиня, позвольте пригласить вас к столу, дабы вы могли разделить со мной скромную трапезу?

Предложение было столь неожиданным, что в первый момент я растерялась.

- Герцогиня, прошу, - протянул руку жрец.

- М... мирай, вы ошиблись, я не герцогиня, - наконец, пролепетала я.

Девчонки-ми мерзко захихикали, однако, жрец даже не улыбнулся. Склонил голову и с чувством проговорил:

- Вы герцогиня моего сердца, леди. Прошу.

Девчонки моментально замолчали, а я нерешительно глядела на мирая. Жрец был молод и симпатичен, с черными вихрами, обрамляющими гладкое мальчишечье лицо.

- Спасибо за предложение, герцог..., - на последнем слове я запнулась и покраснела, но сумела взять себя в руки и продолжила. - Не сочтете ли вы за дерзость, если я задам вам один вопрос, прежде чем озвучу свое решение.

- Что угодно, леди, - разрешил жрец.

- Герцог, скажите, чем я должна буду отплатить за ваше гостеприимство? Я здесь новенькая, ничего не знаю. Мне бы не хотелось попасть в двусмысленную ситуацию, а еще больше вас обидеть.

Я прекрасно помнила, из-за чего здесь оказалась. А потому совершенно не хотела, чтобы меня поняли превратно и позволили больше, чем я была готова дать.

Карие глаза герцога лукаво блеснули, он не сумел сдержать улыбку, но тотчас постарался придать лицу серьезное выражение.

- Герцогиня, ваше общество будет самым лучшим даром. Общество и беседа. Ни на что большее я не рассчитываю.

Тиски страха, сжимавшие сердце, разжались. Я смогла открыто улыбнуться.

- Тогда мой ответ: да.

Я поднялась, подала руку. Ладонь приняли и тут же поцеловали. Против воли снова покраснела, но позволила отвести себя к столу. Столик кавалера находился в противоположном углу рядом с отдельными кабинками.

- Взвара, леди? - спросил жрец, после того как помог мне усесться. - Или вначале лучше перекусить?

Внимательно всмотрелась в лицо «герцога», но не увидела и тени насмешки. Молодой человек был предельно вежлив и искренне заботлив. Такое отношение стало внове, а потому я замешкалась.

- И того, и другого, - герцог понял мое молчание по-своему. - Вот и правильно. Я и сам уважаю хорошую пищу, а не ту, что обычно подают на здешних совместных трапезах.

Мне только и оставалось, что улыбнуться. Извинившись, жрец поднялся и поспешил к стойке, дабы заказать яства. Первым принесли блюдо с овощами и мясом. У меня аж слюнки потекли, так одуряюще вкусно пахло из тарелки. Руки сами потянулись схватить кусочек, только чувство стыда не позволило начать есть без кавалера. Вскоре вернулся и жрец.

- Угощайтесь, дорогая герцогиня, - предложил он, видя, как я поедала взглядом пищу. - Не стесняйтесь.

Но вместо того чтобы взяться за вилку, оробела еще больше. Тогда герцог решил помочь. Отделил ровно половину с общего блюда и пододвинул полную тарелку мне.

- Ешьте, герцогиня. Мне нравится, как кушают красивые девушки.

Больше ждать я не могла. Схватила вилку и подцепила кусочек мяса. Дрожащими руками поднесла ко рту, надкусила. Горячий жир брызнул на губы, под зубами захрустела румяная корочка, рот наполнился насыщенным вкусом. Я закатила глаза от удовольствия, никогда еще вкус мяса не был столько ярок. Проглотив содержимое тарелки, с жадностью посмотрела на практически полную своего кавалера.

- Леди, я бы с удовольствием отдал вам все, но боюсь, с непривычки вам станет плохо.

В голосе герцога звучало беспокойство, но мне от этого лучше не стало, от стыда хотелось провалиться. Дожила, называется, словно бездомная готова броситься на еду.

- Простите, герцог, - пролепетала я потупившись. - Это неразумно, вы правы.

Ответа не услышала. Да, вообще, в зале повисла тишина, даже музыка перестала звучать. Я подняла глаза и наткнулась на знакомый безумный взгляд черных глаз.

- Смотрю, в здешних стенах появились новенькие ми, - ровно проговорил Мифил, но я чувствовала, спокойствие только маска. В душе у него бушевали страсти.

Тут уж отмерли остальные жрецы, поклонились и заговорили, перебивая друг друга.

- Да, Верховный, наше заведение популярно. Каждая ми стремится попасть сюда.

Мифил скупно улыбнулся и, наконец, перестал меня гипнотизировать. Только тогда я поняла, что все это время не дышала. Громко вздохнув, постаралась унять дрожь в руках.

- Вы к нам с проверкой, Верховный, или же отдохнуть? - спросил кто-то.

- Отдохнуть, и вы отдыхайте, - ответил Мифил.

После заявления Верховного, посетители выдохнули и занялись прерванными делами. Успокоилась и я, но, видно, зря.

- Новенькая ми, посмотри на меня, - раздался приказ.

Я вначале не поняла, к кому он обращался. Ведь здесь находились и те девушки, с которыми встретила за воротами.

- Повторяю, рыжеволосая зеленоглазая ми, посмотри на меня.

Заозиралась, невольно ища ту, кто бы подходил под описание. Как назло, в зале не было ни одной рыжеволосой ми. Только я.

Пришлось повернуться.

- Вы говорите мне, Верховный? - глухо спросила она?

- Ты видишь еще кого-то с такими приметам? - ухмыльнулся жрец.

Я помотала головой.

- Что вы хотели, Верховный?

- Спросить и только, - Мифил поймал в плен мои глаза и не отпускал.

В воздухе звенело напряжение, в углах за клубились тени и поползли туда, где я сидела, дотрагивались до меня холодными ладонями. В месте прикосновения чувствительность тела исчезала, превращая в каменное изваяние. Я замороженно смотрела на жреца, ловила каждое его слово.

- Ты пойдешь со мной, - пророкотал голос.

У Мифила сомнений не было, он точно знал, что я отвечу.

- Да, - пролепетала чуть слышно.

Язык едва слушался.

- Повтори, - давил голос.

- Да, пойду, - как заведенная, повторила я.

- Отлично.

Давление пропало, я моргнула и перевела взгляд.

- Прошу прощения, мирай, - обратился к моему герцогу Мифил. - Ми нынче ветрены как бабочки.

А потом он схватил меня под руку и вытащил из-за стола. Я пыталась сопротивляться, но не особо успешно. С таким же успехом можно было тянуть наполненную доверху телегу.

Стол для обычных посетителей остались позади, Мифил втолкнул меня в отдельную комнату и запер дверь на ключ. В комнате стоял столик поменьше, зато скамья была широкая и обита мягкой тканью. Свечей здесь оказалось меньше. Света хватало едва-едва, чтобы видеть лицо собеседника.

- Приятной ночи, ми, - ухмыльнулся Мифил, глядя на меня, жмущуюся в углу. - Располагайся. Чувствуй себя как дома.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

- Что вы от меня хотите? – набравшись храбрости, спросила я. – И зачем принудили идти с вами?

- Разве я принуждал тебя? – искренне удивился жрец. – Только спросил, ты ответила согласиеш. Ничего более.

Я возмущенно вскинулась, хотела возразить, но наткнулась на насмешливый прищур черных глаз. Все стало ясно: что бы ни говорила, у Мифила найдется, чем возразить. А потому кричать и доказывать не стала. Как и смотреть на жреца.

- Присядешь, в ногах правды нет, – проговорил он. – Я угощу тебя вкусеньким. Ты же любишь вкусное?

Я не ответила. Подняла гордо голову и уставилась на стену. Трещинки в камне было интереснее рассматривать, чем напыщенную физиономию жреца.

- Взгляни, засахаренные фрукты принесли. Ми ведь любят сладкое.

Хотелось бросить Мифилу в лицо, что в его руках сладости превращались в отраву, но я держалась. Совсем уж злить Верховного жреца не хотелось. Мало ли какое наказание за это дадут. Ведь у меня в планах когда-нибудь выбраться из этой темной ямы поближе к солнцу. А солнца так не хватало.

- Ми, взгляни на меня, – прозвучал приказ, и нечто в голосе заставило меня посмотреть. И не успела я ничего понять, как оказалась на лавке рядом со жрецом.

- Незачем сопротивляться, ми, – ласково заговорил жрец, но я понимала, что это только игра. – Я тебя не обижу. Ну же, попробуй лакомство.

Старик Мифил был неприятен и страшен, в молодом виде он обладал яркой и дерзкой красотой. Но все равно я чувствовала исходящий от него холод. Его близость пугала, заставляла сердце бешено биться, а кожу покрываться мурашками.

- Попробуй, ми, – повторил жрец. – Яда здесь нет.

Он насадил на вилку кусочек засахаренной груши и поднес мне ко рту. Пришлось принять подношение. Груша была вкусной и буквально таяла на языке. Я против воли нашла глазами тарелку с другими фруктами.

- Вот видишь, а ты сопротивлялась, – пожурил жрец. – Ничего страшного не произошло, наоборот, тебе понравилось. Еще?

Не хотела, но все равно кивнула. Изголодавшись по хорошей пище, тело предавало свою хозяйку.

Когда с фруктами было покончено, жрец протер мне губы салфеткой. Стало невероятно стыдно. Я попыталась встать и отойти, но не тут-то было, Мифил придержал за руку.

- Ты очень красива, ми, – проговорил он, с жадностью рассматривая мое лицо. – Красива и волнуешь меня. Разреши мне сделать тебе приятно.

Я отпрянула и замотала головой.

- Нет, мирай, нет! Я не хочу, отпустите меня.

Жрец ухмыльнулся, вмиг пропала нежность и забота, с которой он смотрел.

- Меня так заводят твои дрожь и страх, ми.

Я едва не закричала от ужаса. Дернулась изо всех сил, но лишь сделала себе больно. Пальцы Верховного оставили на руке синяки.

- Посмотри на меня, ми, – вновь приказал он.

Зажмурилась. Нечто в глазах давало жрецу власть надо мной. Я не хотела становиться безвольной куклой.

- Посмотри на меня, ми! - он повысил голос и с еще большей силой сдвинул руку.

Охнула от боли и все-таки открыла глаза.

- Ты ведь хочешь стать моей, ми?

Я заледенела от ужаса, но все равно сказала:

- Хочу.

- Вот и славно.

Он наклонился и с оттяжкой лизнул щеку. Затем добрался до губ и начал их целовать. Но не просто целовать, жрец с рычанием кусал их, сосал, а потом и вовсе проник в рот языком. Мне казалось, пытка никогда не закончится. Вот только это было лишь начало.

Наглые руки дотронулись до груди, сжали, вырвав крик протеста, но жрецу было все равно. Более того, он захотел большего, начал расстегивать пуговицы, дабы добраться до обнаженного тела.

- Какая вкусная ми, - бормотал Мифил, словно сумасшедший. - Какая нежная кожа.

Пуговицы были расстегнуты, а платье сдернуто с плеч. Воздух тотчас дотронулся до кожи прохладными пальцами. Я задрожала от ужаса и отвращения. Губы жреца прилепливались к обнаженной груди, одной рукой он продолжал держать меня, второй полез под подол. Из последних сил я попыталась сжать ноги, но куда там, колени сами раздвинулись приглашая.

- Какая ты страстная, ми, - восхищенно проговорил он. - Не зря я выбрал тебя.

Пальцы жреца проникли к самому сокровенному месту, поглаживая дразня. Я от ужаса прикусила губу, боль огненной волной пронеслась по жилам, вымывая подчинение, даря возможность сопротивляться. У меня вдруг появилась уверенность, откажи я, жрец не сможет заставить снова.

Встрепенувшись, я с силой укусила Мифила за шею. Тот взвыл и отпрянул, рука из-под подола тут же убралась.

- Я не хочу вас! - проговорила громко и с чувством. - Никогда и ни за что. И вы не можете меня заставить, больше я не поддамся.

- У кошечки появились острые зубки, - потирая шею, сказал жрец. - Что ж, иди, держать не стану. Вот ключ.

И швырнул его прямо в меня, но я была готова и отскочила. Ключ со звоном врезался в каменную стену. Быстро накинув на плечи платье, я застегнулась и, пока он не придумал еще чего-нибудь, схватила ключ и вставил в скважину.

- Зря ты мне отказала, ми. Верховному жрецу не отказывают, - слова догнали на пороге. - Обидела меня, обидела Темного.

Я вздрогнула от пронзившего меня дурного предчувствия, но постаралась абстрагироваться. Возможно, жрец специально говорит гадости, чтобы испугалась, одумалась и сама отдалась ему.

- Простите, - шепнула я и убежала прочь.

В общем зале все было по-прежнему. Мирай и ми кушали, развлекались в обществе друг друга. Я увидела и Зорану, соседка выглядела вполне довольной. Махнув ей рукой, поспешила прочь. Меня все еще потряхивало от пережитого, хотелось смыть с себя прикосновения Мифила, но поход в парилню ожидался лишь через неделю. Но я не могла столько ждать.

Решение пришло само собой. Прижимаясь к стенам домов, прячась в их тени, поспешила к купальням. Сейчас, когда одни развлекались, а другие спали, там никого не должно было быть.

Так и получилось, в парильне оказалось пусто и темно, да и пар почти весь вышел, но тепла хватало. Пробравшись внутрь, я разделась прямо в мыльной комнате и дошла до тазов с водой. Вода капала едва-едва, но мне хватило и набранного. Я со стоном уселась в тепло и откинула голову.

Некоторое время не двигалась, позволяя живительной влаге смыть жадные прикосновения Мифила. Но вдруг услышала шлепки босых пяток по мокрому камню. Насторожилась, прислушалась внимательнее. Нет, не показалось, кто-то и вправду ходил в парильне.

Стало страшно. Я села и судорожно обхватила себя руками. Неужели Мифил проследил и решил добиться своего? Пусть Веснушка и убеждала, что жрецы не могли принуждать физической силой, но ведь Верховный действовал иначе. Значит, магической или иной похожей жрецы могли заставить ми делать то, что те не хотели.

Мысль напугала и придала скорости. Я выскочила из таза и метнулась к стене, прячась в темноте. Меж тем дверь отворилась, и в мыльную комнату вошел мужчина. Что он делал в женской парильне, даже представить не могла. Думать не получалось, только смотреть и стараться не выдать себя.

Мужчина подошел ближе, я чуть не вскрикнула, потому что узнала его – Крон, тот самый жрец, что провожал меня в обитель. А еще на нем не было одежды. В неясных отсветах магических светильников его кожа мерцала.

Я не могла отвести взор, прекрасное тело манило. Невольно облизнулась, во рту вдруг стало сухо как в пустыне. Тем временем Крон начал намыливаться, дотрагиваясь до себя везде, где только можно. Я прикусила губу, чтобы боль отрезвила, вот только сейчас этот метод не помогал. Жгучее желание свело низ живота и закружило голову.

Закончив намыливаться, Крон уселся в таз. Мне немного полегчало, но все равно руки так и тянулись к его голове, чтобы запустить пальцы в волосы.

Не понимая себя, я стояла в тени и дрожала. Парильня больше не грела, казалось, лишь тело мужчины способно согреть меня. Но я не могла выйти, в памяти навечно запечатлелась причина попадания в Обитель. Нельзя верить мужчинам, неважно, жрец он или граф, и этим все сказано.

Вскоре Крон закончил омовение. Облился напоследок, потянулся, отчего я едва не рухнула от желания, и ушел. Я осталась в парильне одинокая и несчастная.

Как домылась и дошла до кельи не запомнила. Перед глазами, словно туман стоял. В голове не было мыслей, лишь одно желание – лечь и уснуть.

Соседка еще не вернулась, но я все равно легла, вот только уснуть не смогла. Ворочалась-ворочалась на кровати и, не выдержав, поднялась. Вытащила флейту, обрадовавшись ей как родной, и, закрыв глаза, заиграла.

Вновь от игры я чувствовала только радость и восторг. А еще сильнее нечто иное, поселившееся во мне. Оно не было плохим или агрессивным, лишь другая моя часть, с которой я до этого времени не была знакома. Но почему-то очень хотела. Словно ощутив желание, присутствие нечто усилилось. Я уже была готова понять, увидеть, встретиться с ним, но нам помешали.

– Ты куда сбегала, подружка? – раздался голос соседки. – Вроде ушла с Верховным, а потом пропала.

Разочарование накатило удушливой волной, я открыла глаза и посмотрела на Зорану.

– Я предупредила тебя, что уйду. Махнула рукой.

– И что, – пожала та плечами. – К сожалению, я не разбираюсь в твоих взмах.

- Прости. Не хотела тебя пугать.

- Да что там, - улыбнулась Зорана. - Рассказывай, давай, как он? Верховный?

Я опустила глаза.

- Да не робей, здесь все свои. У вас что-то было?

Мне не удавалось и слова сказать от стыда.

- Я умру от любопытства! - воскликнула Веснушка, а потом снова понизила голос. - Он был нежен? Ласков? Говорят, Верховный всегда ублажал ми. Никого не оставлял голодной.

- Ничего не было, - все же сумела ответить я. - Я отказала Верховному.

- Что?! - Выпучила глаза Зорана. - Отказала?!

- Да.

- Ну, ты и дура, прости меня Всесветлая! - возмутилась соседка. - Разве ж от тебя убыло бы? Отдалась бы, постаралась немного и бед не знала. Забрал бы тебя Верховный к себе, от работы отстранил. Да, пользовал бы периодически, но разве такая цена велика за спокойную сытую жизнь?

- Я не могу так. Не нравится он мне. Да что там, я боюсь его как огня.

- Глупая ми, - покачала головой Зорана. - Это там наверху можно было выбирать: нравится - не нравится. Здесь другие законы. Упустила ты свой шанс, Виола.

Ответить мне было нечего. Со всех сторон погляди, права Веснушка. Вот только ни душе, ни телу не прикажешь. Не мил мне Верховный. Уж лучше одной по уши в работе, чем с ним.

О том, как замерло сердце при воспоминании о Кроне, я боялась признаться даже самой себе.

- Ладно уж, давай спать, подруга. Завтра будет новый день, и новый жрец обратит на тебя внимание. В конце концов, и с обычными мирянами можно жить припеваючи.

Вот только нового жреца на следующий раз не было. Я категорически отказалась идти ночью развлекаться. Как Веснушка ни упрашивала, ни заставляла, ни угрожала, была неприступна.

- Ну, нет, и нет! Как хочешь! - возмущенно проговорила Зорана. - Не жди меня, я поздно.

Веснушка убежала, а я осталась одна. Спать не хотелось, выходить из кельи тоже, а потому вытатила флейту и играла до изнеможения.

На следующее утро была та же работа, что и всегда. Никто ко мне не привязывался, с гневными посланиями от Верховного не прибегал. Шло время, я постаралась забыть и о случившемся, и о последних словах Мифила. Тем более мысли были заняты другим. Чем больше я играла на флейте, тем большие изменения происходили со мной.

Вначале улучшился слух, затем обоняние и зрение, выросла сила, которую не ожидала ощутить в собственном теле, гибкость. А еще появилось ощущение внутренней свободы. Своды пещеры больше не давили, темнота перестала угнетать, уменьшилась и тоска по солнцу. Я все так же скучала по сестре, но даже одиночество перестало быть безнадежным.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Однажды, когда Зорана опять убежала на встречу со своим жрецом, я решила выйти из кельи. Надоело ютиться в норе, душа требовала простора. Ночная обитель сияла, заведения манили зайти, жаждущие общения мираи обжигали любопытными взглядами. Но я ни на что и ни на кого не обращала внимания, поторопилась пройти мостик над пропастью и скрыться на каменной поляне, которую нашла совсем недавно, когда брела одна после работы.

Осторожно узнав у соседки, а пользуется ли по ночам поляна популярностью, получила ответ: нет, по крайней мере, та не видела.

Поляна поросла разноцветным светящимся мхом, а потому каждый отдельный камушек выглядел чудным необычным цветком. Я выбрала самый большой камень и уселась на него. Закрывает глаза, прислушиваясь к звукам, доносящимся из более узкого прохода: вдалеке капала вода, постанывал ветер, чуть слышно пели сами стены. Дивные звуки навивали умиротворение.

Посидев некоторое время с закрытыми глазами, достала флейту и, стараясь не нарушить гармонию, заиграла. Чистейший восторг, экстаз, упоение – все в одном. Впрочем, мне не были нужны определения, то, что я чувствовала, было вне категорий.

Но вдруг в мелодию вкрался иной звук, разрушая благозвучность. Я оборвала игру, открыла глаза и принялась оглядываться. Темнота впереди и отблески огней за спиной, но не одного признака, что кто-то ко мне подкрался.

Успокоившись, я хотела продолжить занятие, но не смогла собраться. За каждым углом невольно видела Верховного и ждала плохого. А потому поднялась и побежала в келью, где, не раздеваясь, упала в кровать и постаралась уснуть.

Утром после привычного уже кровопускания вместо работы всех ми повели в молельный зал. Помимо нас, присутствовали и жрецы. Женщины возбужденно галдели, мужчины, наоборот, были молчаливы и собраны. Своим обновленным восприятием я буквально чувствовала, как от нетерпения дрожали ми, как был наэлектризован воздух.

Прозвучал звук гонга. Такой же непривычный в темном городе, как и радость на лицах женщин. В молельный зал вошел Мифил, хмуро обвел взглядом присутствующих. Примолкли самые шумные ми, вытянулись в струнку мираи, я, наоборот, сгорбилась, сжалась, пытаюсь спрятаться от черных глаз.

– Пришел черед Великой Церемонии! – возвестил Верховный жрец. – Сегодня Око укажет на претенденток, одна из которых станет женой самого Темного! Да будет так!

Ми дружно ахнули, подались к пьедесталу, к Мифилу, будто только от него зависело, станет ли кто-то из них избранницей Бога. Поддавшись стадному чувству, я тоже шагнула вперед, но, вспомнив слова Крона, отшатнулась, невольно наступая на ноги тем ми, кто стояли за спиной.

– Аккуратней!

– Простите.

Вспыхнули тысячи свечей, закурились по углам пещеры ароматные палочки. Приближенные жрецы во главе с Верховным обступили статую Темного, воздели руки и запели. Заунывная мелодия гипнотизировала, тяжелый аромат благовоний кружил голову. Незаметно для себя я впадала в некое подобие транса, позволявшего видеть происходящее, но не реагировать.

Песнь продолжалась. То там, то здесь появлялись желтые вспышки, выхватывавшие из толпы ми. Девушки, все как одна молодые и симпатичные, взлетали над полом и устремлялись к статуе Темного.

Я насчитала девятерых, в их число вошла и Зорана, прежде чем сама воспарила, словно

птица. Ни страха, ни беспокойства, ни волнения – мои чувства будто бы заморозили. Чем ближе я подлетала к статуе, тем хуже воспринимала реальность. В какой-то момент, казалось, потеряла сознание. На миг, долю секунды перестала видеть и ощущать. Но вот глаза каменного божества нестерпимо загорели красным. Свет болью отозвался в теле, и я, наконец, стала самой собой. Закричала от испуга, забилась в невидимых путах и... опустилась на пол.

– Избранница, подойди, – велел Мифил. – Бог желает посмотреть на тебя поближе.

Я опасно покосилась на жреца, уж больно подозрительно все это.

– Подойди, избранная, – повторил Мифил.

В его голосе вновь появилась странная сила, заставившая меня сделать несколько шагов вперед к статуе Темного.

– Быстрее.

Я бегом преодолела разделявшее нас расстояние и вскочила на возвышение.

– Молодец, – усмехнулся жрец. – Темный не любит ждать.

Давление непонятной силы закончилось так же быстро, как и началось. Я с облегчением выдохнула. Но, как оказалось, рано, ведь знакомство еще не состоялось.

– Твое имя, ми? – спросил Мифил.

– Имя? – удивленно проблеяла я. – Но ведь ми не положено имя.

– Имя, – надавил голосом жрец. – Бог выбрал женщину, а не рабыню.

– Виола, – прошептала, испугавшись его глаз, горевших потусторонним светом. – Виола Майлини.

– Хорошо. Раздевайся, Виола, урожденная Майлини.

– Простите?

– Снимай одежду, – велел Мифил, ощупывая мое тело жадным взглядом.

Я испуганно отступила, развернулась, надеясь увидеть поддержку, но тщетно, в глазах остальных жрецов, как и ми, горел огонь нетерпения. Казалось, их глаза теперь принадлежали самому Темному, решившему как следует рассмотреть избранницу.

– Раздевайся, Виола! – прогрохотал голос.

Я всхлипнула от ужаса и стыда, но все же начала растягивать пуговицы.

– Живей! Я устал ждать!

Мифил подскочил ко мне и с силой дернул за полы, стягивая рваную тряпку. Я скрючилась, пытаюсь прикрыться.

– Убери руки, я должен видеть, – приказал жрец.

Судорожно замотала головой. Стыд накрыл с головой, мешая размышлять здраво. Я ощущала себя мышкой, которую вот-вот готов сожрать кот.

– Убери! Покажи себя, женщина.

– Покажи! Покажи! Покажи! – ревели внизу люди.

Неведомая сила опять вступила в игру. Я с ужасом ощутила, как руки сами собой опустились, а тело распрямилось.

Мифил вперил тяжелый взгляд и, как показалось, целую вечность разглядывал. Пока, наконец, не сказал:

- Прекрасна.

А чуть позже с сожалением добавил:

- Прикройся, Избранница. С этого момента никто не может видеть твое тело.

В тот же миг появились двое жрецов, будто соткались из воздуха. В руках они держали одеяние, достойное императрицы, которое накинули мне плечи. Я сразу же закуталась в блестящую ткань, сжимая ее так сильно, что заболели пальцы.

Против воли снова оглянулась. И ми, и жрецы выглядели растерянными и немного испуганными, будто только что очнулись после крепкого сна. Они щурили глаза, осматривались, шептались. Я немного успокоилась, значит, никто кроме Мифила, не видел моего позора, значит, сам Темный, и вправду, приходил, дабы поглядеть на избранницу.

- Око показало последнюю Избранницу! – раздался громогласный голос Верховного жреца. – Да будет так!

А потом тишина молельного зала взорвалась сотнями восторженных голосов:

- Избранные... Бог указал... Избранницы!

Вокруг меня вмиг не оказалось никого. Девушки-ми дружно опустились на колени. Но не только они, жрецы тоже рухнули на пол. На ногах остались только испуганные девушки Избранницы, укрытые блестящими покрывалами, я и Мифил.

Я не испытывала ни благоговения, ни радости, только страх. В памяти все еще звучали слова Крона, и благосклонность Бога вызывала лишь подозрение.

- Бог принял Избранниц! – снова провозгласил верховный жрец. – И пусть начнется Темный отбор. Да будет так!

Зал загудел, то ли приветствуя, то ли ропща. Впрочем, мне было не до того, как бы не упасть, ведь дрожащие ноги едва держали.

- Прошу за мной, Избранница.

Я подняла глаза. Рядом стоял Крон и с жалостью смотрел на меня.

- Иди за мной, я провожу тебя до новой кельи.

Оглянулась, других выбранных девушек уводили прочь из молельного зала другие жрецы.

- Избранница, – снова привлек внимание Крон. – Нам пора.

Я кивнула и поспешила оставить это ужасное место. Впрочем, далеко мы не ушли. Едва гул молельного зала стих, меня прижали к прохладному камню.

- Глупая женщина! – возмущенно шептал жрец. – Что ты наделала?! Я же велел тебе не привлекать внимания!

Крон был зол, и, казалось, готов испепелить от ярости. Я ощущала жар, исходивший от его тела, но знала, жрец не причинит вреда. Смотрела ему в глаза и не могла насмотреться. А потом перевела взгляд на губы и поняла, что пропала. Губы манили, будто вода в пустыне, влекли как прекрасный цветок. В памяти возникло прекрасное обнаженное тело в парах мыльни. И с каждым мгновением искушение только усиливалось.

Не сумев сдержаться, прильнула к жрецу всем телом и прикоснулась губами к его рту. Крон замер на полуслове, но я лишь усилила напор. Обняла его за могущие плечи, застонала в рот, не в силах сдерживаться. Тогда и он не смог сопротивляться, сжал и принялся пить мою страсть.

Блестящая ткань упала к ногам. Я дрожала не от холода, нет, от нестерпимого желания. Не понимая, что делала, принялась стягивать с Крона мантию и не остановилась, пока

не ощутила гладкую кожу под ладонями.

- О боги! - простонал он. - Что ты со мной делаешь, Виола? Что я делаю?!

Он отступил на шаг, разрывая контакт тел, отчего я почувствовала себя одинокой. Облачился в мантию и завернул меня в накидку.

- Твой разум затуманен, - с болью в голосе сказал он. - Сила Мифила велика, и он выбрал тебя.

- Мне не нужен Мифил, - замотала я головой. - Мне нужен ты, Крон. Я хочу тебя!

- Нет, Избранница. Нет.

Он схватил меня за руку и потащил за собой. Я не сопротивлялась, неважно, куда вел Крон, главное, жрец был рядом. Мы шли недолго, пока не остановились возле «поляны», на которой я недавно играла на флейте.

- Потерпи еще немного. Я помогу убрать воздействие.

Жрец потянул еще дальше в более узкое ответвление, замеченное мной в прошлый раз. По ногам пробежал сквозняк, в лицо полетел мелкий сор. Я зажмурилась и свободной рукой прикрыла лицо.

- Пригнись, впереди низкий свод.

Сделала, что он просил.

- Почти пришли.

Открыла глаза и осмотрелась. Стены пещеры густо обросли мхом, воздух повлажнел, где-то близко капала вода. Пройдя длинный тонкий, словно кишка коридор, мы вышли к подземному озеру. По воде шла рябь, будто в озеро бросили камушек, или там плавала рыба. Вроде бы ничего необычного, но мне водоем не понравился. Казалось, от него шли волны неведомой силы.

- Зачем мы здесь? - спросила жреца.

- Я же сказал, нужно снять воздействие.

Не останавливаясь, Крон вошел в озеро и увлек меня за собой. Едва прохладная вода коснулась ступней, я закричала - острая боль стрелой пронзила ноги. Дернулась, пытаюсь вырваться, убегать из коварного озера, но жрец был сильнее. Невзирая на крики, он тащил меня глубже и глубже. Вскоре, кроме боли, я не ощущала ничего. Боль застилала глаза алым маревом, набатом стучала в висках, голосом Мифила звучала в ушах.

- Уходи из воды! Уходи из воды! Уходи!

Я рвалась из рук Крона, проклинала его, угрожала, пыталась разжалобить, но все было тщетно. Когда вода дошла до груди, жрец обернулся, с состраданием взглянул на меня и с силой надавил на плечи, заставляя уйти под воду с головой. Я вмиг оглохла и ослепла от чудовищных ощущений и больше сопротивляться не могла, приготовившись к смерти. Впрочем, спустя мгновение боль ушла.

- Прости меня, - проговорил Крон, когда я смогла отдышаться. - Знаю, это больно, но другого способа нет.

Прислушалась к себе, от боли не осталось следа, исчезла усталость, тело буквально пело, усталость, овладевшая мной после церемонии, пропала. Я жаждала действий и ответов.

- Что со мной произошло? - наступала я на Крона. - Откуда боль?

- Мифил велик, - склонил голову жрец. - Он был Верховным, когда я сюда попал, и, говорят, еще много лет до того. Ему благоволит сам Темный. Каждый, кто хоть раз говорил с Мифилом, попадает под воздействие его силы. Лишается воли, собственного

мнения и желания сопротивляться. Попала и ты.

- Но почему так больно?!

- Вода озера смывает воздействие, но за помощь требует плату. Боль - это плата.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я смотрела на спокойную гладь озера. Рябь прошла, теперь вода напоминала темное зеркало.

- Зачем я нужна ему?

- Нужна ему, нужна богу. Большого я тебе сказать не могу, - ответил жрец. - А теперь пойдем, необходимо отвести тебя в келью.

Мы вышли из озера, а вода, будто маленькие шарики ртути, скатилась с кожи, волос и одежды обратно.

- А это не опасно? Купание? - пробормотала я.

- Нет, - помотал головой жрец. - Особенность озера и не более того.

Дальше шли в молчании. Мне было о чем подумать, как и сопровождающему. Машинально свернув к кельям ми, я вынуждено затормозила - Крон потянул в другую сторону.

- Теперь ты живешь в келье Верховного.

Келье Мифила?!

Я испугалась. Вот где-где, а в келье Верховного жреца жить не хотела.

- Крон, прошу, отпусти! Я не могу жить с ним рядом. Я боюсь!

- Прости, выбор был сделан, не мне и не тебе его оспаривать. Тем более его келья велика. Если бы мы были наверху, я назвал ее замком.

Он ухватил заартачившуюся меня под локоть и потащил силой. Я как могла, сопротивлялась. Хорошо хоть на улицах черного города никого не было: и жрецы, и ми - все еще находились в молельном зале. Иначе точно сгорела от стыда.

- Виола, прекрати! - не выдержал Крон. - Не заставляй меня делать тебе больно!

- Я не хочу жить с Верховным! - чуть не плакала я. - Он страшный! Он заставляет меня делать то, чего я не хочу!

Жрец развернул меня к себе и прижал к груди.

- Ты должна, Виола. Должна! Дай мне время, я найду способ..., - он вдруг сбился, но смог взять себя в руки и продолжил. - Веди себя так, как будто сила Верховного все еще довлеет над тобой. Обмани его. Иначе тебе несдобровать. Потерпи.

- Не могу! - замотала я головой. - Он уже пытался взять меня силой! Что ему стоит попытаться вновь?!

- Нет. До церемонии ты неприкосновенна! Без твоего согласия никто не может прикоснуться к тебе! Даже он. Поверь мне!

- Верю! - ответила, понимая, что с каждой секундой, проведенной в объятьях жреца, страсть разгоралась все сильнее. Я жаждала снова почувствовать вкус его губ, ощутить пальцы на своей коже.

- Поцелуй меня, - попросила, не в силах терпеть. - Дай сил.

И он поцеловал: в щеку - нежно, едва ощутимо, словно боялся сделать больно.

Я потянулась к губам, но жрец не позволил.

- Прости, не могу. Нельзя больше рисковать.

Чудом сдержала всхлип, лишь понуро склонила голову.

- Извини. Ты прав, я веду себя, словно...

- Не говори о том, о чем пожалеешь, - не дал закончить жрец. - И пойдём, скоро Мифил закончит молитву.

Кивнула, разрешая себя вести, но потом вспомнила о флейте.

- Мне нужно заглянуть в свою старую келью.

- Зачем? Все, что необходимо и даже больше есть в новой.

- Там осталась памятная вещь. Единственная. От мамы.

- Хорошо, - вздохнул Крон. - Но только быстро. Иначе Мифил поймет, что ты вышла из-под влияния.

- Да-да!

Мы побежали так быстро, как позволяли силы и дыхание. Крон остался возле поселения ми, а я понеслась дальше. Залетела в келью, нырнула под кровать, вытащила флейту и порывисто прижала ее к себе. А потом, не дав себе передохнуть, побежала обратно.

- Скорее, песнь почти завершена!

Крон схватил меня за руку и стал тащить дальше. Впрочем, добыв флейту, я моментально почувствовала прилив сил. До места добрались вовремя.

Келья Верховного жреца и вправду походила на замок. Мрачный, сделанный из того же черного камня, что и весь город, он походил на дворец злого волшебника: вросший одной стеной в скалу, с решетчатыми бойницами-окнами, высокими башенками и остроконечными шпилями.

- Дальше идти можно только тебе, Виола. - Крон остановился возле массивной двери. - Там есть служанки-ми, они встретят.

- А ты?

- Я должен вернуться. Но мы еще обязательно встретимся.

- Правда? - всхлипнула я, боясь опустить его руку.

- Правда. И еще, Виола.

- Да.

- Хотя бы раз в неделю тебе нужно проводить омовение в озере.

- Озере? - я против воли вздрогнула. - И снова боль?

- Увы, да.

- Что ж, - выдохнула с шумом. - Буду приходить. Обещаю.

- Хорошо, а теперь ступай.

Заставила себя разжать пальцы и все-таки отпустила руку Крона. Он грустно улыбнулся и, развернувшись, пошагал прочь. Я не могла заставить себя сдвинуться с места, смотрела на него, пока он не скрылся из виду. А потом решила и с силой ударила в колокол на двери.

Дверь распахнулась сразу же, будто меня ждали. Хотя, наверное, и правда, ждали, и меня, и других несчастных ми. Вряд ли бы церемония завершилась без результата.

- Избранница..., - пожилая ми в просторном одеянии черного цвета, подпоясанном синим поясом, внимательно оглядела меня. - Добро пожаловать.

- Здравствуйте, - прошелестела я, заметив еще с десятков женщин разных возрастов, склонившихся в поклоне.

- Здесь мое имя - Первая. Пройдемте, Избранница, покажу вашу келью.

- Виола, - представилась я.

- Избранница, - поправила ми. - Только сам Темный и Верховный жрец могут называть вас настоящим именем.

Я лишь пожала плечами, избранница, так избранница. Главное, чтобы поселили как можно дальше от Мифила.

Женщина семенила чуть впереди, постоянно оглядываясь, будто бы боялась, что я потеряюсь. Впрочем, заблудиться в здешних коридорах можно было без проблем. Казалось, снаружи замок выглядел гораздо меньше, чем внутри. За то время, что мы шли, можно было несколько раз оббежать здание вокруг.

Наконец, Первая остановилась возле ниши, занавешенной шкурой. Отодвинула ее. К небывалому восторгу я увидела за шкурой дверь. Значит, бесстыднику Мифилу придется постараться, дабы пробраться ко мне. Чтобы ни говорил Крон, я все равно побаивалась Верховного.

Вот только обрадовалась я раньше срока: у двери не было ни замка, ни задвижки. Входи, кто хочет. Внутри располагалась прямоугольная комната. Небольшая, темноватая, но в целом гораздо более приятная, чем наша с Веснушкой келья. В самом дальнем углу стояла кровать, рядом прикроватная тумба, она же туалетный столик, напротив кровати - креслице, чуть дальше шкафа. Еще дальше почти у входа вторая дверь.

Заглянула внутрь. Туалетная комната и мыльня в одном, разве что большой таз находился за занавеской. И опять на двери ни замка, ни задвижки.

- Обед будет позже, - оповестила Первая. - Располагайтесь, отдохайте, Избранница. Сменную одежду можно найти в шкафу. Если что-то будет нужно, прошу позвонить в колокол.

Она указала на шнур над кроватью, который я заметила не сразу. А потом снова поклонилась и вышла.

Я с опаской посмотрела на незапертую дверь и, подумав, придвинула к ней кресло. Хлипкое препятствие, но оно хотя бы даст время подготовиться, и никакой Верховный жрец не застанет меня врасплох.

Только после этого я заглянула в шкаф: на полках лежала одежда, похожая на ту, что носила еще утром. Но качество, бесспорно, было лучше, ткань мягче, цветовая гамма богаче: темно-синяя, коричневая, серая, темно-зеленая. Не особо много, но после вечного черного и такой выбор радовал. А еще в небольшой коробочке лежало белье, чулки и ночная рубашка.

Наскоро помывшись, облачилась в платье темно-синего цвета и прилегла на кровать. Полежала некоторое время, смотря в потолок, вспоминая, какими вкусными были губы Крона. Захотелось плакать, но я не позволила себе слез, вместо этого взяла флейту и заиграла.

Заиграла так, как никогда не играла, отдавая всю себя любимому делу. Мелодия захватила, не выпуская из своих нежных объятий, подарила крылья. Она заполняла пространство, окружала, закрывая меня подобием кокона. Мелодия пробуждала то, что давно было готово проснуться.

Я глубоко вздохнула, набирая больше воздуха. На миг, долю секунды музыка стихла, а после зазвучала с еще большей силой и мощью. Как будто в маленькой комнате черного замка расположился оркестр. Звук все нарастал, не выдержав, я убрала от губ флейту и едва не закричала - мелодия продолжала звучать у меня в голове.

Короткий укол страха, мгновение, когда показалось, что мой рассудок помутился, усиливающееся давление на грудную клетку и... я рухнула на пол.

Некоторое время лежала, прислушиваясь к себе и ощущениям. Мелодия звучала все

тише, пока, наконец, не смолкла. Я зашевелилась, пытаюсь подняться, но тело не слушалось, будто я вернулась во времена младенчества. Пришлось открыть глаза, но и со зрением тоже произошло что-то невероятное. Предметы в комнате обрели небывалую резкость. Я видела тонкую царапину на дверце шкафа, легкую потертость ножки тумбы, мелкие ворсинки пыли на полу, едва заметные на ней следы лапок насекомых.

Удивленная столь острым зрением, протянула руку, чтобы прикоснуться к дверце, но вместо этого стукнулась лицом о пол. Вскрикнув от неожиданности, потеряла нос. Ощущения были странными. Я посмотрела на руку и снова закричала. Вместо руки, увидела лапу: с шерстью острыми когтями на почти человеческих пальцах.

Вытянула вторую руку – та же самая картина. В нос вдруг ударил запах. Необычный, но весьма привлекательный. Я сглотнула слюну и задрала голову, пытаюсь впитать в себя аромат и понять, откуда он шел. Незаметно для себя встала на четвереньки и поползла. Вернее, пошла на четырех лапах.

Запах усиливался. Я ощущала азарт и возбуждение, принялась и, понимая, откуда шел запах, нырнула под кровать. Быстро-быстро перебирая лапками, добралась до стены, бросилась наперерез и схватила за тонкий хвост добычу. Помогая себе пальчиками, слопала мышь и только тогда, сытая и счастливая, выползла из-под кровати. А потом, когда азарт охоты схлынул, стала соображать.

Я больше не человек. Животное. Животное, живущее по инстинктам. Не сказать, чтобы метаморфозы напугали. Нет, мне было вполне комфортно и легко в обновленном теле, да и глодавшие в последнее время мысли исчезли, уступив место любопытству и предвкушению. И любопытство толкало исследовать свое тело и помещение, в котором я находилась.

Первым делом решила посмотреть на себя в зеркало. Добежала до стула, взобралась на него, со стула скользнула на прикроватную тумбу, одновременно являющуюся и туалетным столиком. Покружилась на столешнице, разглядывая себя.

Тело длиннее, чем у кошки, но кажется меньше из-за коротких лапок. Туловище стройное, но коренастое, хвост толстый, заканчивающийся кисточкой. Окрас зеленовато-коричневый, на голове и спинке мех темнее, на брюшке и боках – светлее. Мордочка хитрая, нос розовый, глаза оранжевые, зрачок прямоугольный.

Мангуст.

Мысль пришла от той части разума, что все еще принадлежала Виоле-человеку. Виола-зверь радостно оскалилась и соскочила со стола. Обежав комнату по периметру, вынюхав все уголки и подозрительные трещинки в стене, зверь остался довольным – везде пахло мышами.

По полу шел другой запах, я пошла по нему и уткнулась лбом в дверь. Зверь хотел вернуться, человек решил проследовать дальше. Зверю пришлось уступить.

Подперев лбом дверь, я поднатужилась, заскребла задними лапами и все-таки открыла. В коридоре пахло иначе: едой, натиркой для полов, чуточку затхлостью, аппетитно – мышами. Но вдруг появился очень подозрительный запах: резкий, подавляющий волю, пугающий. Шерсть на загривке у зверя стала дыбом, человек испуганно попятился.

Мифил. Так противно вонять мог только Верховный жрец.

Запах приближался. Я заметалась: зверь жаждал вернуться в уютную норку-комнату, человек стремился скрыться в коридорах замка. В этот раз победил зверь.

Мангуст нырнул в комнату, позволяя двери закрыться, забежал по полу, тычась носом в разные углы. Под кроватью ему не понравилось, в шкаф он так и не сумел пробраться, тумба-стол и вовсе не привлекала.

Постучали в дверь. Я на мгновение замерла, а потом метнулась в приоткрытую дверь мыльни.

– Избранница, – прогрехотал голос Верховного жреца.

Зверь задрожал всем телом и бросился за таз. Человек был с ним солидарен.

- Избранница, мне нужно с тобой поговорить.

Дверь в ванную распахнулась.

- Избранница, ты здесь?

Понятное дело, никто ему не ответил.

- Так, Первая, где Избранница?

- Я оставила ее здесь, - пролепетала служанка. - В конце коридора караулят Пятая и Седьмая, они не видели, как она уходила.

- Найти, - велел Мифил и вышел. Я ощутила, как его запах стал удаляться.

Жрец ушел, но служанка осталась. Бормоча себе под нос ругательства, она оглядела все подозрительные места: заглянула под кровать, отперла шкаф, распахнула занавеску, разделявшую туалетную комнату и мыльню. Разве что за таз не заглянула. Затем ушла и она.

Подрагивая, постоянно принохиваясь и приглядываясь, я выползла из-за таза. Пробралась в комнату, нырнула под кровать. Некоторое время просидела там, успокаиваясь, затем начала думать. И чем больше думала, тем дальше уходил зверь, отдавая право управления телом человеку. Так, незаметно я стала самой собой. Поняла это лишь тогда, когда преобильно ударила головой о деревянный каркас кровати.

Постанывая от пренеприятных ощущений, поскорее выползла из-под кровати. Отряхнула платье от пыли, пригладила волосы. Как раз вовремя, потому входная дверь вновь распахнулась, пропуская Первую.

- Где вы были, Избранница?!

Служанку потрясывало от возмущения. Она размахивала руками, хмурила брови, если бы я не числилась в избранницах, еще бы и поддала для разнообразия.

- Вас везде ищут?

- Я гуляла, - пробормотала, опуская глаза. - Здесь по коридорам, далеко не уходила.

Первая разве что не зарычала, но сумела взять себя в руки.

- Верховный жрец приказал всем быть на торжественном обеде. У него.

- У него?! - ахнула я.

- У него, - с непередаваемым выражением добавила служанка. - Он жаждет познакомиться со всеми вами поближе.

Я испуганно взглянула говорившую. На лице Первой отражалось злорадство.

- Готовиться к обеду времени нет, а потому пройдемте, Избранница. Я вас провожу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я затравленно оглянулась, но помощи не предвиделось. Пришлось идти за Первой. Покои Верховного жреца располагались в противоположном крыле, и это немного приободрило. Появилась надежда, что он потеряет меня среди коридоров.

У шкуры, скрывавшей дверь, толпились избранницы и сопровождавшие их служанки. Мы с Первой прибыли последними. Я заметила Зорану, махнула ей рукой, она улыбнулась. Поговорить нам не удалось. Увидев мою провожатую, служанки поклонились и отошли в сторону. Видно, женщина была здесь кем-то вроде старшей.

- Избранницы, - строго сказала Первая. - Вам оказана небывалая честь. Будьте ее достойны.

Затем она приподняла шкуру, скрывавшую дверь, и постучала. Дверь открыли с той стороны. Первая посторонилась, приглашая девушек войти. В проеме зияла пугающая пустота, возможно, особая магия жреца или еще что-то неизвестное. Избранницы испуганно переглянулись, но ни одна так и не решилась преодолеть порог первой. Меня тоже не прельщала перспектива оказаться внутри.

- Не заставляйте Верховного вас ждать, - поторопила служанка.

Бывшие ми едва ли не дрожали.

- Не позорьтесь, - гневно шептала она. - Не съест он вас, в самом деле!

Не знаю, как другие, но я не была в этом уверена. Хотя свое мнение держала при себе.

- Живо внутрь, - прошипела Первая. - Или...

Ее глаза горели яростью, рот оскалился, пальцы согнулись, будто пожилая женщина готовилась вцепиться любой несогласной в горло. Меня впечатлило, других девушек тоже. Избранницы гуськом стали входить в дверь.

Зажмурившись, и я переступила порог. Ничего страшного не произошло, поэтому решила открыть глаза, дабы осмотреться, но была вынуждена снова закрыть: пустота исчезла, вместо нее появилось слепящее полуденное солнце. Взволнованные вздохи и ахи сказали, что не только я увидела нечто, не вписывающееся в подземный мир. Но и это оказалось еще не все. В нос ударили ароматы луга: цветы, трава, прелая земля. Я невольно вдохнула всей грудью - голову закружило от давно забытого запаха.

Не желая больше ждать, открыла глаза и ахнула, как некогда девочки-ми. Я очутилась в сказке: голубое небо, зеленые деревья-великаны, поляна, усыпанная цветами, порхающие бабочки. Лучи жалили лицо, тело обдувал легкий ветерок, слух улаждало пение птиц. Здесь было так невероятно красиво, что я даже на мгновение забыла, что нахожусь вовсе не на земле, а в подземной обители самого темного из богов.

Стало горько. Слишком большой контраст, слишком свежи в памяти события ушедших дней.

- Избранницы, - раздался голос Мифила, и очарование места полностью испарилось. - Приветствую вас в моем скромном жилище.

Скромностью здесь не пахло, впрочем, девочки-ми с восторгом глядели на Верховного жреца, появившегося из-за дерева. Видно, только я не выказывала должного почтения, отчего Мифил на миг нахмурился, а потом с превеликим вниманием принялся разглядывать мое лицо. Я постаралась спрятаться за спинами Избранниц.

За Мифилом появились и другие жрецы. Как и Верховный, они избавились от жреческих одеяний и теперь больше походили на скучающих аристократов, чем служителей бога. На фоне богатых нарядов, скромное одеяние Избранниц смотрелось еще невзрачнее.

- Прошу к столу, Избранницы, - проговорил Верховный. - Я расскажу, что вас ожидает во время отбора.

Ми переглянулись, было видно, им одновременно страшно и любопытно. Но тут жрецы

им поклонились и подали руки, дабы проводить девушек к столу. Ко мне подошел Крон.

- Избранница.

Я посмотрела на открытую ладонь, перевела взгляд на лицо. Крон выглядел серьезным и сосредоточенным, ни расположения, ни поддержки я не видела. Не человек – каменный идол.

Тихонько вздохнув, протянула руку. Девушки-ми уже определились с провожатыми, которые повели их по тропе за деревья. Мы пошли следом. Только Мифил остался без пары, он шел в конце колонны, зорко следя, чтобы не было отстающих. Взгляд Верховного жреца я ощущала даже сквозь одежду. Взгляд прожигающий, жадный, алчущий. От него становилось не по себе.

Под сенью деревьев было прохладнее. Здесь все так же пели птицы, и шелестела листва, солнце пробивалось сквозь ветви, уже не обжигая, а лаская нежными поцелуями.

Вскоре деревья расступились, образовав укромную поляну. На поляне стоял шатер, под ткань которого располагался стол, ломившийся от яств. Девчонки-избранницы дружно ахнули, не сумев сдержать восторга, я тоже не справилась с собой. Такого великолепия мне, пожалуй, не удавалось видеть никогда. Даже на праздниках в Черных Дубравах. А уж после недель, проведенных на безвкусной каше и воде, блюда, украшавшие стол, и вовсе казались чем-то волшебным, ненастоящим.

Я потеряла глаза, не веря увиденному. Возможно, сила Мифила столь велика, что он заставлял людей видеть то, что они хотели. А вовсе не то, что было на самом деле.

- Пища настоящая, – шепнул Крон. – Но прошу, не ешь слишком много, вся еда сдобрена особым ингредиентом. Вряд ли тебе понравится его действие. Следи за моим выбором.

Я похолодела. Блюда больше не привлекали, их аромат стал скорее раздражающим, чем привлекательным. Я осторожно сжала ладонь провожатого, как бы говоря, что поняла, постараюсь держать себя в руках.

- Вам дурно, Избранница? – рядом появился Мифила. – Вы побледнели.

Я и не заметила, что Верховный догнал нашу пару и шел совсем близко. Неужели услышал разговор?

- Солнце, – прошелестела я. – За эти дни я совсем отвыкла от его ласк.

- Понимаю, – усмехнулся жрец. – Его ласки горячи и безжалостны. Тьма подземелья намного милосерднее.

Затем он обратился к Крону:

- Предупреди Никора о том, что Избранница будет сидеть рядом со мной. А я пока помогу ей справиться с дурнотой.

Я испуганно взглянула на Крона, но он только кивнул и опустил мою руку, которой тут же овладел Мифил. Когда провожатый ушел вперед к шатру, где жрецы рассаживали раскрасневшихся от радости девушек, Верховный снова заговорил:

- Виола, позволь помочь тебе.

Голос жреца сочился нежностью, словно ядом. Вот только этот яд начал действовать, стоило Мифилу поймать мой взгляд. Голову закружило, я пошатнулась и невольно прижалась к телу жреца.

- Сладкая ми, – прошептал Мифил, лаская пальцами мою ладонь. – Ты позволишь мне тебе помочь.

Перед глазами все расплывалось, от медового голоса жреца тело исходило истомой. Лишь одна мысль не позволяла мне поверить Мифилу, и за нее я держалась как за канат.

- Нет, не нужно, – ответила ему. – Я справлюсь сама.

Ласка тут ж превратилась в мучение. Пальцы жреца больше не гладили ладонь, сжимали, оставляя на коже болезненные полумесяцы от ногтей.

- Ты уверена, Избранница? - голос тоже изменился, в нем появились угрожающие нотки, на лице жреца проступила злоба, но я все равно помотала головой.

- Уверена, Верховный. Я справлюсь сама.

- Что ж, как знаешь, упрямая ми. Как знаешь.

Он пошел быстрее, волоча меня за собой, а потом и вовсе едва ли не бросил на стул. Сам уселся во главе стола, обвел замерших девушек взглядом и заговорил.

- Прежде чем мы отдадим дань работе искусных поваров, воздадим молитву нашему Богу.

Мифил склонил голову и забормотал себе под нос, остальные жрецы присоединились. Только девочки-ми не знали, чем себя занять, с жадностью глядя на исходящие запахами блюда. Впрочем, вскоре и они прикрыли глаза и стали молиться. Кому, мне-то было не известно. Ведь и я зажмурилась и мысленно разговаривала с той, кто здесь была незваной гостьей.

Когда молитва завершилась, Мифил разрешил приступить к трапезе. Девушки робко жались, не решаясь взять и кусочка. Тогда включились жрецы, интересуясь, что бы хотели испробовать дамы в первую очередь. Дамы немного осмелели и начали с закусок. Кавалеры наполнили бокалы янтарным вином и предложили соседкам.

Я сидела прямо и почти не шевелилась, пытаюсь перебороть саму себя. Сомневаюсь, что в горло залез хотя бы кусочек, но нужно было постараться. Вряд ли останусь без внимания Верховного, если буду сидеть голодной за столом полным вкуснейших блюд.

- Избранница, прошу, испробуйте замечательный мясной рулет.

Я затравленно подняла глаза. Верховный жрец улыбался, глядя на меня. От злости не осталось и следа. Вот только я знала, злоба хорошо спрятана за маской дружелюбности, а потому не обольщалась.

- Спасибо, Верховный, - пролепетала чуть слышно. - Обязательно попробую.

Мифил кивнул, и один из жрецов тут же наполнил тарелку рулетом и положил ее подле меня на стол.

- Благодарю, - шепнула я, взялась за вилку и нож, отрезала кусочек и дрожащей рукой отправила его в рот.

Нежный солоноватый с перцовой горчинкой вкус. Размолотое мясо буквально таяло на языке, наполняя блаженством. Как ни хотела я незаметно отправить кусочек в салфетку, не сдержалась и проглотила.

- Вкусно, правда? - ухмыльнулся Мифил. - Для вас, Избранница, только самое лучшее.

Я смотрела на жреца и не могла оторвать взгляд. Чем дольше смотрела, тем привлекательнее он мне казался. Сильный, загадочный, неповторимый.

Раздалось деликатное покашливание. Я против воли повернулась и увидела Крона.

- Вина? - спросил мой провожатый. В руке он держал бокал, наполненный до краев янтарной жидкостью.

- Пожалуй, не откажусь, - согласилась я, принимая подношение.

- Пей до дна, - не услышала, прочитала по губам приказа Крона. - До дна.

Забыв о правилах этикета, вбитых с детства учителями, припала к бокалу жадно как пиявка и в один глоток вылакала половину. Вторым глотком опустошила.

В голове тут же взорвалась нестерпимым светом звезда, отдаваясь болью в висках,

заставляя зажмуриться, прикусить губу, чтобы не закричать. Но едва затухнув, свет забрал и неприятные ощущения. Я осторожно приоткрыла глаза и едва не закричала снова: лес и поляна исчезли, на их месте оказались декорации, то тут, то там расставленные по большому залу. Пропало и солнце, вместо него на потолке горела яркая магическая лампа. Птичье пенье осталось, ведь по стенам были развешаны клетки с соловьями.

Я перевела взгляд на Мифила, разговаривавшего с одной из Избранниц – молоденькой светловолосой девушкой, отчаянно строившей ему глазки – и ахнула. Богатая одежда верховного истаяла, он, как и остальные жрецы носил все ту же мантию, положенную по статусу. Но добило меня вовсе не это, а вино. Жрецы пили красное, так и в моем бокале последняя капля оказалось алой, в то время как остальные ми, даже Зорана пили янтарную жидкость.

– Его сила велика, – вновь услышала голос Крона. – Будь осторожней.

– Спасибо, – прошептала чуть слышно.

Когда и ми, и жрецы утолили голод, снова заговорил Верховный:

– Как и обещал, я расскажу, что ожидает вас, Избранницы.

Девушки взволновано зашептались, но тут же замолчали, стоило Мифилу грозно сдвинуть брови.

– Око нашего господина выбрало десятерых, но только он сам сумеет выбрать единственную. Ту, что вознесет до себя, поставит на одну ступень, дарует освобождение и бессмертие.

Ми дружно ахнули. Я же попыталась слиться с обстановкой. Слишком уж сладкие речи вел Мифил, слишком привлекателен был дар, который получала человеческая женщина. Встать рядом с Богом, стать ему ровней.

– Но выбор чрезвычайно сложен, – продолжал Верховный. – Каждая из вас прекрасна, каждая достойна того чтобы стать самой-самой, супругой великого из богов. Самого Темного! А потому нами, его слугами, будет проведен отбор, дабы выявить достойнейшую из достойных, сильнейшую из сильнейших, прекрасную из прекрасных.

Девушки, смотревшие в рот жрецу, снова ахнули. Загомонили, переглядываясь, покраснелись, видя себя в мечтах рядом с богом.

– В течение нескольких дней состоятся состязания, – говорил Мифил. – Те претендентки, кто покажут худший результат, будут изгнаны. Отправлены назад к презренным, безмянным созданиям, чья судьба до конца дней своих убирать загоны со злыми кровожадными химерами. И, возможно, когда-нибудь станут их пищей. И ни один миррай, даже самый низший и слабый никогда не обратит внимания на неудачниц, неспособных использовать шанс, что даровало Око. В итоге останется одна, именно она станет супругой Темного.

В зале воцарилась тишина, Избранницы замерли, жрецы тоже не шевелились, даже птицы и те, казалось, прониклись ужасом положения и без того бесправных ми и перестали петь. Я зажмурилась, с силой сжала кулаки, отчего ногти влились в ладони, и застонала от бессилия. Мой стон взвился вверх к потолку, но его никто не заметил. Жрецам было все равно, а ми оказались погребены под тяжестью знания, что дал Верховный.

Не зря Темного называли коварным. Даже выбирая невесту, он сумел сделать все по-своему. Теперь каждая даже та, кому внимание Бога не нужно, будет сражаться до конца, каким бы ни было испытание. Будет ногтями держаться за шанс, если не стать бессмертной, так хоть прожить положенный срок.

Не так давно мне рассказали, что химеры – злобные создания, охранявшие Обитель от тех, кто был еще ужаснее, кто мог уничтожить всех жителей – хозяев подземелья. Одного из тех, кого чудом победил Крон. Вот только и химеры требовали пищи.

Раз в месяц они охотились, убивая одного уборщика. Кого? То было не известно. Но шанс

умереть от когтей этих созданий был у каждого вошедшего в загон. Обычно прибирать загоны отправляли несогласных, несговорчивых, тех, кто нарушал запреты и правила, возвращенных беглых, преступников и отпетых негодяев даже по меркам подземелья. И, как оказалось, отвергнутых Избранниц.

- А теперь пейте и ешьте, Избранницы, - в тишине голос Мифила стал еще громогласнее. - Завтра начнутся испытания, и только от вас самих зависит ваша дальнейшая судьба.

Не нужно говорить, что девушки резко потеряли аппетит. Испуганные и жалкие они глядели в пол, больше всего на свете желая оказаться как можно дальше от этого места и от Верховного жреца. Совсем как я. Жрецы же нисколько не смутились отсутствию аппетита соседок, они с новой силой взялись за приборы и опустошали стол.

Наконец, когда самый голодный из жрецов был сыт, Избранницам позволили уйти. До двери комнаты Верховного их довели провожатые, а за дверью ждали служанки. Меня поманила Первая, я, опустошенная и оглушенная, поплелась следом. А потом, не раздеваясь, рухнула на кровать и забылась беспокойным тяжелым сном.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Утро пришло слишком быстро. Надежда, что речь верховного жреца мне приснилась, истаяла, стоило служанке войти.

- Избранница, пора готовится к первому состязанию, - сказала она и отняла у меня одеяло. Тут же стало холодно, и я была вынуждена встать.

Первая помогла с умыванием, подала поднос с едой. Я подозрительно посмотрела на овощи и мясо, но решила поесть. Неизвестно, что ждало нас сегодня, а лишаться сил из-за собственной подозрительности не хотелось. Их, итак, мало.

- Наденьте вот это, Избранница, - проговорила служанка, протягивая сверток.

Внутри обнаружились длинные узкие кожаные брюки и туника, подобные мы надевали с сестрой, когда хотели прокатиться верхом. Кроме одежды, Первая дала сапоги, пришедшие в пору. Затем она заплела мне волосы в крепкую косу и подняла ее вверх, открывая шею.

- Ничто не должно вам мешать, Избранница, - пояснила она. - Тем более волосы.

Я поблагодарила служанку и от волнения принялась наматывать круги по комнате. Первая некоторое время за мной наблюдала, а затем посоветовала присесть.

- Успокойтесь, Избранница, и посидите хоть немного на одном месте, - покачала она головой. - Вам понадобятся силы, а кроме того после сытной трапезы нужно дать организму переварить пищу. Вы же не хотите, чтобы в самый неподходящий момент у вас разболелся живот?

- Не хотелось бы, - ответила я.

- Тогда сядьте, сделайте милость. А то у меня уже закружилась голова от ваших бегов.

Вздохнув, я уселась на кровать. Когда Первая отвернулась, вытащила из укромного места под матрасом флейту. Игра должна успокоить и придать сил. А еще, возможно, я никогда не смогу снова взять ее в руки, если удача не взглянет в мою сторону. А так не хотелось уйти к химерам без последнего прикосновения.

- Вы не против, Первая, если я сыграю, - спросила служанку.

- Играйте, - кивнула она. - Если поможет, то играйте.

Я закрыла глаза, глубоко вздохнула, поднесла флейту к губам и заиграла. Мелодия устремилась вверх легкая и одновременно давящая. Ведь в этот раз печаль затмила радость от игры. Я вместе с флейтой плакала, стонала, жаловалась миру на свою судьбу, молила Богиню о милосердии. Но знала, она не слышит, не сможет услышать мой голос через толщу земли и камней.

Мелодия оборвалась внезапно, просто потому что я больше не могла играть. Отдала всю боль и чувства, чтобы пойти на состязание опустошенной, без мыслей, глодавших тело и душу.

- Избранница, пора, - заговорила Первая.

Я открыла глаза и повернулась к ней. Щеки старухи были мокры от щек.

- Благодарю, Избранница, - она подошла ближе ко мне. - Я буду молиться за вас, отмеченная богиней. И тогда она услышит и поможет. А теперь нам пора идти. Верховный не терпит опозданий.

Я кивнула и без сопротивления пошла следом. Улицы были пустынные, только откуда-то шел гул, будто сотни голосов слились в единой песне. Первая медленно вела меня по черному городу, будто давала возможность попрощаться. Наконец, путь закончился, а гул прекратился. Служанка ввела меня в зал, где в молитвенном экстазе замерли служители Темного, и отстала. Дальше я пошла одна.

Остальные Избранницы в той же одежде, что и у меня, брели через замерших людей прямо к статуе Темного и Верховному жрецу, воздевшему руки к каменному божеству.

Едва бывшие ми достигли основания пьедестала, на котором стоял Мифил, он опустил руки и развернулся. Жадным взглядом прошелся по испуганным девушкам, останавливаясь на каждой ровно на мгновение. Но и этого мгновения было достаточно, чтобы Избранницы отшатывались, словно от удара, и бледнели.

Не повезло и мне. Казалось, Верховный жрец хотел испепелить неговорчивую ми своей чудовищной силой. Я стояла, ни жива, ни мертва, ощущая, как жар окатывал тело горячей волной. А потом затряслась, будто в лихорадке, но была не в силах отвести глаза.

- Мирай и ми! - загремел его голос, и мне, наконец, удалось вздохнуть. Ноги подкашивались, руки дрожали, лоб покрылся испариной, но, по крайней мере, я могла дышать полной грудью.

- Настал день! - завывал Мифил. - День Великого состязания! Посмотрите на них, тех, кого указало божественное Око! Повернитесь, Избранницы, слуги Темного желают видеть вас.

Меня, словно куклу, развернуло к людям. Сотни пар глаз смотрели, не мигая, будто служители бога и сами превратились в статуи.

- Из десяти девушек Темный выберет одну, самую ловкую и сильную, способную перенести возвышение. И мы поможем ему сделать правильный выбор. Все вместе!

Зал взревел. Застучал по каменному полу твердыми подошвами башмаков, захлопал ладошами. Завизжали ми, заголосили, будто припадочные. Засвистели мирай, загоготали, словно на поле боя.

- Тишина! - завопил Верховный.

Одно слово, и его подданные замолкли. Тишина стала такой неожиданной, что испугала еще больше чем шум. Я беспомощно озиралась, глядя то на Верховного, то на несчастных Избранниц, то на людей, больше похожих сейчас на стадо бессловесных животных.

- Пора начинать, - уже спокойно сказал Мифил. - И пусть каждой из Избранниц улыбнется удача.

А потом задрожал пол, завибрировали стены, и статуя Темного, сверкнув глазом, начала двигаться. Кто-то из девушек-избранниц закричал, рухнул на колени. Я же прижала ладонь ко рту, только бы не закричать.

Когда движение прекратилось, в полу, там, где стояло изваяние, показалась темная дыра.

- Последняя выбравшаяся из коридора испытаний Избранница выбывает из состязаний, - заговорил Верховный. - Вперед!

Вначале девушки испуганно косились на дыру в полу, потом оглядывались, вопросительно глядя, то друг на друга, то на Мифила. Переминались с ноги на ногу, боясь сделать первый шаг.

- Вперед! - взревел Мифил. - Сам Темный пришел на состязание!

Девушки подпрыгнули на месте от неожиданности и бросились к дыре. Отталкивая противниц локтями, устремились к входу в неизвестность. Я стояла на месте, не решаясь бежать следом за ними, и смотрела. Первой очнулась Зорана, оттолкнув преследовательницу, она влезла в дыру и пропала. А над сводом пещеры загорелась сфера, на которой я, к своему удивлению, увидела ее, стремительно несущуюся по коридору. Затем и вторую, бегущую по пятам.

Ахнув, замерла, глядя на представление и пришла в себя только тогда, когда услышала голос Крона:

- Беги, Виола!

Меня будто ужалила пчела, я взвизгнула и помчалась за остальными. Возле дыры образовалась куча-мала, девушки визжали, кричали и царапались. Каждая хотела пролезть вперед, каждая желала быть первой. Две Избранницы оттягивали более успешную противницу от входа в подземелье, еще трое напали на девушку, уже влезшую наполовину, и теперь с криками вытаскивали ее обратно.

Я заметалась возле групп, не зная, что делать дальше. То ли помогать троице, то ли вытаскиваемой девчонке. Но судьба решила этот вопрос за меня. Тройка таки вытянула соперницу, открывая проход. Я прикусила губу от волнения и в два шага оказалась подле дыры, зажмурилась, прыгнула вниз.

Приземление болью отозвалось в ступнях. Я зашаталась и рухнула вперед, подставляя руки, сдирая кожу с ладоней. Застонала, но все равно поднялась, отскочила от отверстия и побежала, прихрамывая, дальше. Ведь сверху уже лезла другая Избранница. А мне вовсе не хотелось, чтобы она упала на меня.

В первое время казалось, что в подземелье темно, но лишь потому, что глаза привыкли к свету множества свечей, освещавших молельный зал. Постепенно я начинала видеть лучше, даже сумела вовремя заметить и перепрыгнуть трещину в полу. Девушка, бежавшая следом за мной, не успела. Раздавшийся в тишине подземелья хруст был особенно страшен. Избранница закричала не своим голосом и упала на пол.

Я оглянулась на бегу: девчонка лежала посредине и держалась за лодыжку. Ее лицо искажала гримаса боли, а из глаз текли слезы.

Что делать?! Как поступить?! Ее нельзя здесь оставлять без помощи, но если я остановлюсь, значит, обреку себя на проигрыш.

Сзади застучали подошвы преследовательниц. Еще чуть-чуть, и они окажутся здесь и просто раздавят девчонку, подстегнутые страхом и желанием победить, во что бы то ни стало.

Зажмурившись на миг, я решилась. Развернулась и побежала к несчастной, распластавшейся на полу. Подхватила ее за подмышки и оттащила к стене. Как раз вовремя, бежавшие сломя голову соперницы, казалось, никого и ничего не видели перед собой. Однако через трещину перелетели, будто на крыльях. Спустя миг их видно уже не было, девушки убежали, а я с ревущей бывшей ми осталась в темном коридоре.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

- Очень больно? - спросила я.

- А ты как думаешь?! - всхлипнула пострадавшая, размазывая по щекам слезы и грязь.

Она выглядела настоящей красавицей. Не портили ее ни гримаса боли, ни черные разводы на лице. Голубоглазая, светловолосая с потешно вздернутым носиком и веснушками по щекам, девочка стала бы завидной невестой, если б ни попала в лапы Темного бога.

- Прости, - покачала я головой.

Девчонка не ответила, все ее внимание было сосредоточено на ноге, с которой она уже стащила сапог.

Время шло, а у меня в голове не было ни единой мысли. Меж тем даже в полумраке было видно, что видоизмененная лодыжка стремительно опухала и наливалась синим.

- Как тебя зовут?

- Росана, - простонала избранница, а потом яростно добавила:

- Уходи отсюда! Что ты стоишь? Насмехаешься?!

- Нет, что ты! - ахнула я. - Хочу помочь!

- Да что ты можешь?! Все, поздно. Моя судьба стать пищей химер...

Она недоговорила, заплакала с новой силой. Я беспомощно бегала вокруг, пытаюсь утешить и успокоить.

- Росана, не плачь.

Но девчонка не слышала, полностью уйдя в свое горе.

- Ты слышишь меня?

Все тщетно, в воображение она, видно, уже шла в стойла к кровожадным чудовищам.

- Слушай меня, Росана, я помогу, и мы вместе дойдем до конца. Одновременно преодолеем черту, и тогда никто не сможет отправить нас к химерам! - кричала я. - Поверь!

Девчонка прекратила всхлипывать и подозрительно уставилась на меня.

- Ты обманываешь?

- Нет же! Зачем это мне?

- А как же слова Верховного, ведь проигравшая уходит?

- Глупышка, - мягко улыбнулась я. - Зачем же я тогда остановилась, поверь, если бы не ты, была далеко отсюда.

- Правда?

- Правда. Кстати, я Виола.

- Приятно познакомиться, - кивнула девчонка. - Но... как же мы выберемся?

- Ну, вначале мы забинтуем тебе ногу, - намеренно бодро сказала я. - А дальше я помогу тебе подняться, и мы тихонечко пойдём.

Пока говорила, оторвала у туники подол и уселась рядом с Росаной. Нам с сестрой преподавали основы лекарского дела, а потому, теоретически, я знала, что делать.

- Так, сейчас я потрогаю твою ногу, может, станет еще больнее, но это нужно сделать.

Девчонка побледнела, но все равно кивнула. Получив разрешение, я осторожно дотронулась до припухшего места. Росана взвизгнула и попыталась одернуть ногу, я не дала.

- Потерпи чуть-чуть.

Продолжая трогать и смотреть, убедилась, что перелом, если и есть, то закрытый. А значит, мне оставалось лишь зафиксировать ногу. Вот только чем?

- Нужно найти что-нибудь твердое.

Как назло, в каменном коридоре ничего подходящего не было, да и откуда здесь взяться доскам или кускам твердой кожи. Кожи? Я взглянула на сапог Росаны, валявшийся рядом с ней.

- Ты что-то придумала? - спросила девчонка всхлипывая.

- И да, и нет, - отозвалась я. - Можно было бы использовать сапог, но как его разрезать напополам ума не приложу.

Росана на миг покраснела, потом опустила глаза в пол.

- Ну, я знаю как.

- И как же?! - воскликнула я.

Она покосилась на меня, глубоко вздохнула, а потом залезла в прическу и вытащила заостренную палочку для волос, которую венчал темный шарик.

- Поддай сапог, пожалуйста.

Заинтригованная, быстрее выполнила просьбу. Девчонка развернула палочку боком, нажала на шарик и провела по коже. Кожа разошлась.

- Вот это да! - ахнула я.

- Только тсс, никому, - велела Росана. - Иначе отберут.

Я кивнула, говорить о том, что за каждым нашим движением следят сотни пар глаз, не стала. Не до того, будем разбираться с проблемами по мере поступления.

Когда сапог был разрезан, я приложила твердые куски кожи к ноге и примотала их оторванным подолом. Получилась вполне себе симпатичная шина.

- Давай, попробуем встать.

Росана вновь побледнела, но сумела справиться с собой и, используя меня как опору, поднялась. Что ж, с одним пунктом плана мы справились, осталось всего ничего - проковылять неведомое расстояние до выхода.

Первое время девчонка храбрилась и проскакала самостоятельно без помощи на одной ноге до самого поворота. Выбилась из сил и оперлась на стену, жадно хватая ртом воздух.

- Может, все-таки тебе помочь? Пока вторую ногу не повредила.

- Помоги, - прохрипела она.

Дальше потащились вдвоем. Гораздо медленнее, но и уставали меньше. Через два поворота путь преградило подземное озеро. Оставив Росану на берегу, пошла первой на разведку. Озерцо было мелким, я добралась до середины, а вода дошла только до колен. Обрадованная, поспешила вперед и поплатилась за свою самонадеянность. Озерное дно вдруг стало расходиться, засасывая ноги, словно зыбучие пески.

- Росана помоги! - заорала я. - Меня тянет вниз!

Девчонка ахнула и попрыгала ко мне. Споткнулась о камень и была вынуждена наступить на больную ногу. Взыла, стала заваливаться. Впрочем, боль ее не остановила, Росана на коленях поползла ко мне.

- Осторожно! Не подходи близко!

- Знаю, - прошипела она.

Подползя на расстояние вытянутой руки, схватила меня за тунику и потащила на себя. Дно сопротивлялось, затягивая с утроенной силой, но Росана все же справилась, я с громким шлепком вылетела из западни и рухнула в воду рядом с девчонкой.

- И что теперь? - отдышавшись, спросила спасительница.

- Идем дальше, - отозвалась я. - Как-то же остальные прошли.

- Уверена? Может, давно уже мертвы?

- Вряд ли. Так Избранниц не напасешься.

Поднявшись, осторожно побрели дальше. Место, едва не ставшее западней, обошли. Больше сюрпризов озеро не сделало, на берег выбрались без потерь.

Я оглянулась, вода запузырилась, а на поверхности показалась пупырчатая морда. Зажмурившись на миг, снова взглянула на озеро - ничего, ни пузырей, ни морды. Неужели показалось?

Решив не думать об этом, подставила Росане плечо и повела ее дальше. Мы преодолели еще два поворота, три прямых отрезка пути, ловушек не было. Правда, вдруг резко стало холодать. Мы начали замерзать. Мокрая одежда и до того неприятно липнувшая к телу, превратилась в пыточное устройство, натирая замерзшую кожу. Из рта шел пар, волосы заледенели, как и ресницы. Я не чувствовала пальцев на руках и ногах, холодный воздух с трудом насыщал воздух кислород. Мы задыхались, но упрямо тащились по покрытому льдом полу, боясь остановиться.

Когда сил больше не осталось, а сведенные судорогой члены едва-едва двигались, стало теплеть. Я буквально чувствовала, как таяла изморозь на волосах и ресницах, как в тело впились миллионы колючек, отогревая. Сил не прибавилось, зато появилась надежда - дойдем. Тем более прямо по коридору появился свет. Он манил, обещал избавление от мук. Всего-то и осталось преодолеть пропасть, пройти по узкому мостку над бездной.

- Еще чуть-чуть, - как заведенная, повторяла я, уже на себе таща Росану. Девчонка вымоталась, только и могла, что едва слышно стонать. - Еще чуть-чуть, и мы на месте. Вон, посмотри, жрец стоит!

Росана нашла в себе силы поднять голову и взгляделась вперед.

- Дошли...

- Да, дошли! Совсем скоро!

Мы как раз ступили на мосток: узкий, одной идти удобно, вдвоем уже тесно, и шаткий. Пришлось идти боком, свободной рукой я держалась за стену, второй поддерживала Росану.

- Виола, - окликнула девчонка.

Я не ответила. Смотрела вперед, всем своим существом стремясь к выходу из зловещего коридора. Ведь до него было всего ничего. Три метра по мостку и еще с десяток до жреца. Улучшенным зрением я уже видела интерес, горящий в его синих глазах.

- Виола! Подожди, дальше я сама!

- Хорошо, как скажешь, - не глядя, разжала пальцы, позволяя ей идти самостоятельно. - Если что, говори, помогу. Ладно?

Вот только вместо ответа ощутила сильный удар в бок. От неожиданности шагнула

вперед, запнулась об подставленную ногу и стала падать прямо в пропасть. Зажмурилась, что было силы, ожидая чудовищной боли, но ее не последовало. Я рухнула во что-то мягкое и липкое, сразу обхватившее по рукам и ногам.

Открыла глаза – оказалось, упала я с небольшой высоты, метров с двух. Попала в субстанцию, похожую на кисель, барахталась в ней, но не могла сдвинуться, словно муха в меду. Пропасть была лишь видимостью или следствием неведомой силы Верховного жреца.

- Прости, Виола. Я не хотела, – раздался знакомый голос.

Я извернулась и поглядела вверх. У края стояла Росана и смотрела на меня, даже не пытаясь сделать вид, что хочет помочь.

- За что?

Та пожала плечами.

- Не хочу к химерам.

- Но ведь я тебе помогла! А ты отплатила, кинув в пропасть! Мы могли перешагнуть черту вместе!

- Это вряд ли, – поморщилась девчонка. – Тем более я не просила помощи. Падение и травма – моя ошибка, но ты решила поиграть в благородство. Ты глупая, Виола, глупая и слишком добрая. Прощай.

Она отодвинулась и медленно поковыляла к выходу. У меня же из глаз брызнули злые слезы. Глупая! Слишком добрая! Права Росана, я глупа. Вначале сглупила на балу, потом отказала Верховному, затем спасла ту, кто сбросил меня с дороги, едва я стала не нужна.

Меж тем девчонка ступила на твердую поверхность и скрылась из вида. Вот и все, еще чуть-чуть и меня отправят к химерам.

- Виола, – напряженный шепот, слышавшийся из камня, я восприняла как нечто само собой разумеющееся. Безумие подкралось слишком близко, и с этим ничего нельзя было сделать.

- Виола! – в шепоте появились раздраженные ноты. – Смотри прямо!

Я послушно перевела взгляд и с удивлением увидела лицо Крона, проступающее прямо в камне.

- Слушай, – говорили каменные губы. – Сейчас я уменьшу сдерживающую силу субстанции, тебе нужно будет вылезти. Самой. На счет три. Один, два, три.

Не успела я отреагировать, как ощутила, что меня больше ничего не держит. Субстанция превратилась в кисель, липла к телу, и только.

- Живей! Долго не продержу.

Я принялась хаотично ощупывать стену, ища уступы, а потом поползла вверх, выплескивая последние силы. Камень был неровный, испещренный трещинами и выемками, и в этом мне повезло. Будь он гладким, я осталась бы ни с чем.

Показался край, я схватилась и, помогая ногами, вылезла. Позволила себе несколько секунд, чтобы отдышаться, а потом со всех ног побежала к выходу.

Росана успела пройти половину. Девчонка не торопилась, уверенная, что уж точно не будет последней, потому не оборачивалась. Я догнала ее в несколько прыжков и побежала дальше к выходу, не слушая крики ярости и боли.

- Поздравляю, Избранница, – склонился в поклоне встречающий жрец. – Вы справились с первым испытанием.

Я сумела только кивнуть, а потом обессиленная скатилась по стене на пол. Ко мне

подбежали, подняли на руки и поволокли прочь. А потом сдали на руки Первой, которая, охая и вздыхая, пообещала, что к следующему испытанию бедняжка Избранница будет как новенькая. Я ей улыбнулась, но тут же испуганно вздрогнула. А если кто-то видел, как Крон помогал мне? Впрочем, сил переживать не было, сон унес меня на своих крыльях.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Проснулась резко, как и уснула. Вскрикнула, подскочила, словно магическая игрушка. Во сне я раз за разом падала в пропасть и летела на острые камни, но всегда в последний миг чьи-то мощные руки успевали схватить меня и не позволяли разбиться.

- Проснулись, Избранница, - услышала рядом голос Первой. - Как самочувствие?

Избранница. Значит, я все еще в строю соревнующихся, значит, помощь Крона осталась незамеченной.

Прислушалась к себе: мышцы немного ныли, хотя, по идее, я должна была вопить от боли. Горло слегка першило, да голова казалась тяжелой. В целом чувствовала себя нормально. Хотя представлялось, что после приключения буду месяц походить на умертвие.

- Вполне неплохо, - ответила служанке. - Сколько прошло времени?

- Три дня.

- Я спала три дня?!

- Верно. Вам нужно было восстановиться и прийти в себя. Лечебный сон - самое лучше.

- Как странно, - протянула я.

- Нисколько, - улыбнулась Первая. Впервые улыбнулась открыто и по-доброму. - Верховный не может оставить Избранниц без поддержки. Кто тогда будет участвовать в состязании?

- И правда, чего это я. Избранницы - редкие зверюшки.

Служанка покачала головой, но не стала спорить. Вместо этого, предложила помощь в омовении. Я согласилась. Хоть и чувствовала себя вполне нормально, рисковать не стала. А вдруг из-за самонадеянности упаду в мыльню и ударюсь о камни головой. С некоторых пор падения меня пугали.

Впрочем, омовение прошло успешно и без трудностей. Я полчаса отмокала в тазу, ощущая, как последние крупы холода покидали тело. Затем Первая растерла меня жесткой мочалкой и облила более прохладной водой. Напоследок намазала приятно пахнущим составом, отчего кожа стала мягкой и нежной.

Находясь в благостном настроении, я вернулась в комнату. С улыбкой уселась на креслице и вдруг вспомнила.

- Первая, скажите, а Росана... та Избранница, что пришла последней. Что с ней?

Служанка, открывшая шкаф, дабы вытащить платье, нахмурилась. Резче, чем нужно затворила дверцу.

- Любопытство никогда не было добродетелью, - пробормотала она.

- В обители добродетель и порок иногда меняются местами, - парировала я. - Не нужно играть словами, Первая, лучше расскажите, что с девушкой.

- Как Верховный и предупредил, она отправилась к отверженным, тем, кто постоянно убирается у химер.

- Ей помогли с ногой?

- Нет, - помолчав, ответила служанка. - Более никто не смеет обращать на нее внимание.

- Но как же так?!

- Все, Избранница, больше я не отвечу ни на единый вопрос, касающийся выжившей

девушки. Вам нужно отдыхать, до следующего состязания осталось не так много времени.

Старуха подала платье и удалилась, оставив меня одну переваривать услышанное. Я рухнула на подушку и зажмурилась. Как страшно! Отчаявшаяся покалечившаяся Росана осталась одна. И пусть девчонка едва не отправила меня к химерам, ее все равно было жалко. Ведь, по правде говоря, шанс стать такой же отверженной гораздо выше, чем пройти испытания.

Я все же надела платье, а потом снова легла. Не хотелось ни шевелиться, ни гулять, даже играть на флейте не было настроения, а потому закрыла глаза и попыталась заснуть. Сон вскоре пришел.

Вечером снова зашла Первая, принесла еду. Я поела и снова уснула. Казалось, организму только это и было нужно. Впрочем, отдых вскоре закончился. Служанка разбудила меня и велела собираться.

- Опять ужасные коридоры? - спросила я.

- Вряд ли, - покачала та головой. - Испытания не повторяются. Темный должен рассмотреть каждую грань вашей души.

Я вздохнула. Это-то и пугало.

А дальше все повторилось вплоть до того момента, как мы с Первой вошли в молельный зал. Как и в прошлый раз ми и мираи с азартом в глазах ждали продолжения состязаний.

Нынче вокруг статуи Темного стояли стулья. Я насчитала девять. Посредине прямо у подножья каменного изваяния устроился Верховный жрец. Надменный, грозный, скучающий. Его кресло больше походило на трон, в котором часто изображали императора. Хотя о чем это я, в Темной Обители Мифил и был императором, наместником бога на земле.

- Избранницы, прошу, присаживайтесь, - велел он.

Девушки, не поднимая глаз, поторопились занять свободные места. Видимо, гонка с препятствиями по темному коридору настроила их определенным образом. Ни одна не хотела быть последней даже в такой малости, как занять стул.

Я состязаться не стала, дождалась, когда усядутся остальные и только тогда уселась на последнее пустующее место. А когда огляделась, едва не заплакала от расстройства. Стул стоял напротив Мифила, спинкой к залу. Оценил и жрец, ухмыльнувшись мне в лицо. Однако тут же перевел взгляд и торжественно заговорил:

- Вы доказали свою ловкость и силу, пришла пора доказать выдержку и бесстрашие. Ведь только самая бесстрашная может ступить на одну ступень с Богом.

Выдержка и бесстрашие. Только от этого словосочетания мне стало страшно. Что придумал коварный жрец? Впрочем, вскоре я узнаю. Прочувствую на собственной шкуре.

- Вам нужно выпить особый взвар и сидеть неподвижно. Те, кто закричат и встанут с места - проиграют, - возвестил Мифил и снова ухмыльнулся.

Я сглотнула ком в горле и невольно посмотрела на Верховного. Тот открыто улыбался, наслаждаясь процессом. Скосила глаза, взглянув на Зорану, сидевшую рядом - Веснушка была бледна и напугана. Перевела взгляд на следующую ми - та же самая история. Все, кого я видела, боялись. Только одна девушка сидела прямо и держала голову гордо поднятой, всем видом показывая, что ей бояться нечего. Счастливица.

Тем временем показались жрецы с бокалами. Они двигались тихо, только едва слышно шелестели мантии. Обошли статую Темного и остановились возле нас.

- Теперь пейте, Избранницы. И мы узнаем ваши самые сокровенные страхи, - поторопил Верховный.

А я и без волшебного напитка знала свой страх - попасть в лапы Мифила. Впрочем, меня никто не спрашивал. Темный вместе со своим главным приспешником желали покопаться в душах Избранниц.

- Пей, Избранница, - передо мной подобострастно склонился жрец. - Тебя окутают волны настоящего страха.

Я с затаенной радостью узнала в жреце Крона, а потому без промедления приняла бокал, а затем едва сумела сдержать дрожь в руках, услышав таинственный шепот, больше похожий на эхо:

- Настоящего - ненастоящего.

Перевела взгляд на лицо Крона - оно оставалось безучастным, губы сжаты, глаза опущены. Не человек - тень. Я уже было подумала, показалось, но шепот вновь повторился:

- Настоящего - ненастоящего. Настоящего - ненастоящего...

Неужели подсказка?!

Додумать мне не дали, громогласный голос Мифила снова велел Избранницам выпить взвар. Я глубоко вздохнула, поднесла бокал к губам и, не пробуя вкуса, в два глотка его опустошила. Из ослабевших враз пальцев бокал забрал Крон, а потом исчез, словно растворился в воздухе.

Я ословело моргала, силясь понять, куда делся жрец, но не сумела. Мысли покинули голову, веки сами собой опустились, отправляя меня в темноту. Впрочем, долго в темноте я не пробыла, очнулась резко, будто от толчка. И моментально ослепла от яркого полуденного солнца, бьющего в глаза. Зажмурилась, стерла слезы и только тогда снова попыталась осмотреться.

По нереально голубому небу плыли кучерявые, будто нарисованные облака. Между облаками сновали разноцветные птицы, виднелись кроны деревьев.

Я поднялась озираясь. Лес - корявые темные почти черные стволы - напрягла память и, к своему удивлению, узнала Черные Дубравы. Похожие деревья окружали поместье, под их сенью мы с сестрой провели много часов.

Обрадовавшись, я побежала по тропе, ведь там, спрятанное за вековыми великанами, должно было быть поместье. Вылетела из леса и остановилась как вкопанная, на площади возле главного входа собралась толпа.

Люди возбужденно шумели, переругивались, толкали друг друга, пытаюсь пролезть вперед. На меня не обращали внимания, даже когда я подошла вплотную, а потом принялась пробираться внутрь толпы, невольно заинтересованная происходящим. Люди просто расступались, давая пройти.

Вскоре последнее препятствие в виде огромного косматого мужика было преодолено, и я вышла к импровизированному заграждению: высокому, доходящему мне до груди забору. И откуда оно здесь взялось? Отец никогда бы не одобрил подобное новшество.

Внезапно из-за забора раздался то ли всхлип, то ли стон. Я оторвалась от разглядывания потемневших от сырости досок и повернула голову на звук. Некоторое время бессмысленно пялилась, потом на миг зажмурилась, мысленно считая до десяти, не давая панике накрыть с головой, и снова открыла глаза.

Айя. Лохматая, грязная, в драном платье и следами побоев на едва прикрытом теле. Она стояла на возвышении боком ко мне, привязанная к столбу, а под ногами лежали связи хвороста.

- Сегодня казнят изгнанную из рода. Она ослушалась отца и сбежала от жениха, - донеслось откуда-то сбоку. - Сам барон Майлини приказал. Да вон он уже пожаловал.

Я машинально перевела взгляд на высокое крыльцо. Возвышение, где находилась сестра, было как раз напротив, дабы высокие господа могли насладиться зрелищем. И правда, отец уже был там: лощенный, надменный, стоял в компании супруги, малолетнего сына и старика Авино. Меня он, казалось, не замечал, не сводя гневного взгляда с Айи.

Но вот барон с силой ударил тростью о ступень, зеваки тотчас заткнулись и едва ли не синхронно повернулись к нему.

- Начинаем, - заговорил вместо господина мистер Авино.

Я не заметила, откуда явились четверо мужиков с зажженными факелами, но когда они встали по углам от возвышения, чуть не закричала. Вцепилась что было силы в заграждение, загоня под кожу занозы.

Новый удар тростью, и факелы начали опускаться к хворосту. Медленно-медленно. Я во все глаза смотрела и не могла моргнуть. Ужас опутывал липкой паутиной, разъедал кислотой кожу, впитывался в тело, грозя свести с ума.

Айя! Моя Айя сейчас... Нет! Не могу допустить!

Нужно только толкнуть заграждение с силой. С силой! В моих руках полно сил. Подбежать, выхватить факел, оттолкнуть мужчин от помоста, встать между ними и ей...

- Настоящее - ненастоящее. Настоящее - ненастоящее, - прошелестел ветром голос Крона, прокаркал вороньем, провыл собаками, заставляя очнуться. Ледяной водой пролился за ворот, хлестко ударил пощечиной по лицу, встряхнул, сдирая страх вместе с кожей.

Настоящее - ненастоящее. Настоящее - ненастоящее.

Я стиснула зубы, не позволяя себе двинуться с места, еще сильнее сжала пальцы на перекладинах, а потом зажмурилась.

Запахло дымом, лицо окатило волной тепла. Темнота перед глазами затрепала хворостом, безжалостно сжираемым пламенем, истошно заверещала голосом сестры, загудела толпой, заулюлюкала. А потом вдруг обернулась оглушающей тишиной.

Некоторое время я так и стояла, зажмурившись, не видя, не слыша, не чувствуя ничего, словно враз лишилась всех органов чувств. Но вот до ушей начали долетать звуки, в нос ударил запах благовоний, а до ладони кто-то дотронулся. Я ахнула и испуганно открыла глаза.

Передо мной стоял Мифил. Буравил взглядом, казалось, хотел узнать, что творилось у меня в душе. Его ноздри хищно раздувались, будто он впитывал в себя запах страха, бледное лицо раскраснелось, волосы на висках взмокли.

- Что ж, Избранница, ты прошла испытание, - после длительного молчания прохрипел он. - Поздравляю.

Верховный отвернулся, отошел, и только тогда я поняла, что стояла не дыша. Сумев отдышаться, я взглянула на других девушек. Кто-то тихонько всхлипывал, кто-то сидел, зажмурившись, не шевелясь, кто-то смотрел прямо вперед, но, казалось, ничего не видел.

Из девяти стульев, два были свободны.

- Испытание закончено! - провозгласил Мифил. - Мы видели все! Только лучшие из лучших удостоены идти дальше, недостойные же будут изгнаны! Изгнаны!!!

- Изгнаны! Изгнаны! Изгнаны! - взорвался криками молельный зал. - К химерам недостойных! Изгнать! К химерам!

Черно-красная людская масса расступилась, образовав коридор. По этому коридору, опустив головы, брели две бывшие Избранницы. Вот одна остановилась, оглянулась, с

мольбой глядя на Верховного, но ее тут же толкнул один из жрецов-сопровождающих, вынуждая идти дальше. Девушка не устояла на ногах, упала, но никто не подал руки. Не дождавшись помощи, она, всхлипывая, поспешил за подругой по несчастью.

Только когда за бывшими Избранницами закрылась дверь, находившиеся в зале синхронно, будто репетировали подобное движение не один день, снова сомкнули ряды. Подняли головы и вперили взгляды в оставшихся Избранниц. Мне вновь показалось, что некто могущественный смотрел сейчас их глазами, использовал чужие тела как марионетки.

Сам Темный.

Вскоре ощущение ушло, и ми, и мираи стали самими собой, заморгали, растерянно оглядываясь по сторонам. В этот момент появился Крон, склонился передо мной в поклоне и предложил следовать за ним. Что я с удовольствием и сделала.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На обратном пути Крон молчал, шел чуть впереди, не делая и попытки обернуться, подать знак. Я не знала, что и думать. Как поблагодарить за помощь? Как сказать, что без нее меня бы гнали прочь к химерам безжалостные жрецы?

Путь до кельи Верховного был невероятно короток, хоть я и едва передвигала ноги, позволив остальным Избранным и их провожатым перегнать себя. Крон, словно чувствовал меня, подстраивался, не уходя далеко вперед. Когда черная башня встала стеной, я не выдержала, схватила жреца за рукав и с силой, которую не ожидала ощутить, потащила за поворот. Подальше от любопытных глаз, прочь от тюрьмы, названной по усмешке кельей Верховного. Потребность прикоснуться к Крону стала такой большой, что сдерживаться я не могла. Толкнула его в первую попавшуюся выемку в скале, прижалась на миг всем телом, а потом подняла голову, пытаюсь встретиться взглядом.

- Спасибо, - прошептала я.

Крон глядел вверх головы.

- Ты опять спас меня, я этого не забуду.

Никакой реакции, будто рядом каменное изваяние, а не человек. Стало горько. Неужели я ему так неприятна, что он даже смотреть на меня не может?

- Прости, - отошла на шаг, разрывая контакт. - Дальше я пойду одна, тут недалеко.

Стало холодно и одиноко, но лучше так, чем навязывать свое присутствие тому, кто не желает того.

- Еще раз спасибо за помощь.

Отвернулась, намереваясь уйти, но мне не дали. Громкий выдох, больше похожий на стон прирастил к каменному полу. А потом горячие руки легли на плечи.

- Я должен отвести тебя в жилище Верховного, но вместо этого хочу спрятать в самой дальней пещере.

Меня развернули, подняли голову за подбородок, вынуждая смотреть. И я смотрела, не моргая, боясь упустить хоть что-то.

- Ты обязана продержаться до последнего испытания, тогда у нас будет шанс. Слышишь?

Он хмурился, жилка на виске судорожно билась, а я молчала, с упоением вдыхая его запах.

- До последнего испытания, иначе я не успею, не смогу все подготовить. Слышишь?

- Слышу, - все же выдохнула ему в рот.

Еще чуть-чуть чуточку сдвинуться вперед, и я смогу ощутить их мягкость. Но меня опередили, прижали к твердому телу и поцеловали. Жарко, жадно, до кругов перед глазами, до головокружения. Мгновение, и Крон отстранился, оставив на губах полынную горечь разочарования.

Как мало!

- Нужно идти. Нельзя привлекать внимание, иначе...

Он недоговорил, но и без того было понятно, Верховный не потерпит интриг за своей спиной. Раздавит, уничтожит.

Больше мы не говорили, Крон довел до двери, сдал с рук на руки Первой и ушел. Я едва доплелась до комнаты и все же упала в кровать. Усталость навалилась каменной глыбой, не разрешая шевелиться, не давая думать, не позволяя плакать. И, наверное, так было даже лучше.

Утром ко мне пришла Веснушка. Без стука открыла дверь и просочилась внутрь.

- Зорана! - ахнула я. - Ты?!

- Я, - ответила девчонка, бухаясь ко мне на кровать. - Как ты тут, Виола?

Пожала плечами. После вчерашнего испытания и сна, больше похожего на обморок, меня знобило. Укутавшись в одеяло по самую шею, я предпочла бы лежать в одиночестве с открытыми глазами и рассматривать потолок, а не вести задушевные беседы. Впрочем, разве Зорана виновата в том, что мне плохо? Конечно, нет.

- Не особо, - все же ответила я. - Чувствую себя разбитой. А ты?

- Бывало и похуже, - одними губами улыбнулась она, после добавила. - Рада, что ты справилась с испытаниями.

Я кивнула.

- Взаимно.

Тишина. Больше и говорить не о чем. Не вспоминать же дни, когда мы числились обычными ми или о том времени, когда жили дома. Размышлять о новых испытаниях не хотелось. Ведь, как ни крути, испытания не сделали нас ближе, наоборот, отдалили. Коварный Мифил превратил Избранниц в соперниц, и ничего с этим сделать было нельзя.

- Пойдем, пройдемся, - встрепенулась вдруг Веснушка. - Иначе я сойду здесь с ума. Стены давят.

Она поежилась и затравленно глянула на меня.

- А можно? - спросила я неуверенно.

- Можно, узнавала у Четвертой. Выходить за главные ворота нельзя, а по коридорам кельи Верховного - пожалуйста.

- Хорошо, переоденусь только.

Впрочем, пришлось еще поесть. Первая принесла завтрак, удалилась по своим делам, спустя несколько минут пришла с подносом и Четвертая - служанка Зораны. Пока Веснушка ела, я переоделась. Платье особо не отличалось от снятого, но хоть было чистым.

Мы вышли из комнаты, я огляделась: коридор был пуст. Видно, другие Избранницы предпочли сидеть у себя либо уже разбрелись кто куда.

- Будут предложения? - спросила я Веснушку. - Куда пойдем?

- Прямо. Покажу тебе одно место.

Я ничего не ответила, пошла следом. Зорана хмурилась, сегодня неунывающая и жизнерадостная бывшая ми не была похожа на себя. Мы преодолели коридор, поднялись по лестнице на два этажа вверх, свернули налево. Сразу за дверью находился необычный зал: пустой, кажущийся бесконечным. Черные стены были густо исписаны фосфоресцирующими штрихами. Казалось, штрихи расположены хаотично, без какой-либо системы просто нагромождение линий.

- Иди сюда, - велела Зорана, останавливаясь возле противоположной стены.

Я послушно подошла ближе.

- Теперь гляди.

Нет, я ошиблась. Из линий вырисовывалось что-то, вернее, кто-то. Позже удалось понять, кто был изображен на стене, и это открытие мне совершенно не понравилось.

Светящаяся зеленым кобра с воинственно раскрытым капюшоном.

- Жутко? - спросила Зорана.

И я не смогла с ней не согласиться. Жутко до мурашек по коже и холодного пота.

- Интересно, зачем она здесь? Как думаешь?

- Даже не представляю, - ответила я.

Правда, для чего на черном камне нарисовали такую страсть. Кобр даже мелких боялись, слава о них бежала далеко за пределами их местообитания. А тут огромная светящаяся. Зеленоватые отсветы в темноте будто бы оживляли ее, казалось, капюшон подрагивал, с зубов капал яд.

Брр.

Я зажмурилась. Сразу стало легче, словно нарисованное существо тянуло из меня силы.

- Виола..., - подала голос Веснушка, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. - Как думаешь, почему Око указало на нас?

- Не знаю.

- Ведь ни ты, ни я не отличаемся чем-то выдающимся. Я уже подарила жрецу свою невинность, не отличаюсь особым умом, ведь если бы была умной, не попала сюда. Да и ты не лучшая невеста для бога: слабая, добрая. Как с такой жить самому темному из богов?

- То только Темному и известно, - я против воли улыбнулась. Как бы то ни звучало, Зорана меня похвалила.

- Если бы так, - едва слышно добавила она.

- Что ты имеешь в виду?

- Пойдем дальше, а то мне не по себе здесь. Будто она смотрит, - Веснушка махнула в сторону светящейся кобры.

Я снова пожала плечами и двинулась следом.

Коридор вовсе не был бесконечным, как показалось вначале. Да широкий, да длинный, но он все же закончился очередной дверью, за которой начинался новый коридор. Столь же мрачный и холодный, как и предыдущий.

- Ты не объяснила, - я придержала за рукав Зорану.

Веснушка заозиралась, а потом подвинулась ближе и с жаром зашептала на ухо:

- Мне кажется, что вовсе не Бог выбирает Избранниц.

- Кто же тогда? - так же тихо спросила я.

- Смотри сама: все Избранницы молоды и симпатичны. Ни одной толстухи или рябой.

- Спорно, - покачала я головой. - Будь я богиней, вряд ли бы выбрала хромого и уродливого.

- Погоди, дослушай. Все Избранницы из новеньких ми. И...

Она на миг замолчала.

- Все Избранницы, так или иначе, привлекли внимание Верховного.

Я поежилась, безумные выводы Веснушки в чем-то мне были близки, но согласиться вот так просто не могла.

- Теперь понимаешь? - поторопила она.

- Не совсем.

- Ай, ну да ладно! В общем, я к чему разговор затеяла, хочу, чтобы ты постояла на страже, покараулила. Здесь недалеко.

- Что?! Зачем?!

- Да-да, - зачастила Зорана. - Пусть Четвертая и запретила приближаться к покоям Верховного, но мне очень надо. Да и страшно одной. Ты постоишь за дверью, а в случае чего постучишься и убежишь. Никто не заметит. Сможешь?

- Зачем он тебе? - похолодела я. - Он не такой, как все. Он опасен. Не лезь на рожон.

Веснушка нервно сдула прилипшую к лицу прядь.

- Он здесь главный, он многое может, он сумеет защитить. И он мужчина. А я не хочу к хищерам, я слишком молода, чтобы умереть вот так... страшно.

Она молитвенно сложила руки перед грудью.

- Умоляю, Виола.

Я молчала.

- Мне некого больше просить. Тем более дверь - вон она, там за поворотом. Осталось идти всего ничего. Одна я ни за что не решусь. Прошу, помощи!

В ее глазах застыли слезы, было видно Зорана и хочет идти, и боится. Боится Мифила, нашего шаткого положения, боится того, что хочет сделать, хочет предложить Верховному.

Я с шумом выдохнула, понимая, что не откажу. Пусть и пожалею потом, но все равно пойду с ней. Возможно, потому что хочу сделать что-нибудь наперекор, а может, Веснушка права - мы единственные остались друг у друга.

- Ладно, согласна.

- Спасибо! - воскликнула девчонка. - Спасибочки, милая Виола! Если все пройдет гладко, я замолвлю и за тебя словечко! А теперь пойдем, нужно торопиться.

Она схватила меня за руку и поволокла по коридору. Волей-неволей, пришлось ускорить шаг.

Дверь в покои Верховного ничем не отличалась от моей. Вот только мне все равно казалось, что от нее веет холодом. Я поежилась.

- Ну ладно, пора, - прошептала Зорана. - Пожелай мне удачи.

- Удачи, - еще тише прошелестела я. - И пусть Она за тобой присмотрит.

- Спасибо.

Но стоило девчонке протянуть руку, дверь отворилась. На пороге появился Мифил собственной пугающей персоной.

- Избранницы?

Верховный переводил взгляд с Зораны на меня и обратно. Я невольно пятилась, Веснушка же, казалось, приросла к полу.

- Вы что-то хотели, Избранницы?

Я судорожно замотала головой, а Зорана, напротив, ожила и мило зачирикала:

- Да, Верховный, я очень хотела с вами поговорить.

Лица девчонки я не видела, но была уверена, она сейчас призывно улыбалась Мифилу.

- Поговорить? - удивился тот. - О чем же?

Зорана замялась.

- Ну я... я хотела...

Мифил вновь посмотрел на меня, заставив мелко-мелко задрожать от страха и отвращения. В полумраке коридора его глаза казались змеиными.

- Ты тоже желаешь говорить со мной, Избранница?

- Нет, - выдохнула я. - Я...

- Моя подруга сопровождала меня, - влезла Веснушка. - И только.

- Подруга, - прищурился Верховный. - Я рад, что Избранницы могут подружиться даже во время испытаний.

- Нет, что вы. Мы дружим уже давно, с того дня как оказались в Обители.

- Как интересно, - протянул Мифил. - Как интересно.

Он улыбнулся, а я едва не рухнула от ужаса. От улыбки Верховного мне стало плохо.

- Что ж, Избранницы, все разговоры после, новое испытание уже вечером, вам нужно отдохнуть.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Обратно к себе я неслась так быстро, словно за мной бежала стая волков с самим Темным во главе, остановилась лишь возле двери в комнату. Зорана едва поспевала.

- Ты чего..., - не могла она отдышаться. - Ничего же страшного не случилось.

Я закивала, пытаюсь успокоить то ли себя, то ли ее, ведь в голове билась настойчивая мысль: Мифил что-то задумал. Знание о том, что мы с Веснушкой подруги, натолкнуло его на какую-то идею. Вот только на какую? Знать бы, подготовиться, да никак.

- Ну ладно, пошла я, - чуть позже проговорила Зорана, видно, устала смотреть на мое перекошенное лицо. - Прав Верховный, надо поспать немного.

Девчонка развернулась и шаркающей походкой направилась дальше по коридору. Я стояла и смотрела на нее, непривычно сгорбленную с поникшей головой, пока она не скрылась из виду. Только тогда вошла к себе. Села на кровать и уставилась на стену. На стене, к огромной радости, змееподобных гостей не было.

Сколько сидела, не шевелясь, и вспомнить нельзя, вывела меня из ступора Первая. Служанка принесла ужин и одежду, подобную той, в которой я проходила первое испытание: брюки, туника и сапоги. Заставила поесть, проконтролировала переодевание, заплела волосы в тугую косу и оставила ждать. Впрочем, долгого ожидания не получилось, уже скоро Первая вернулась и повела к главным дверям, дабы сдать с рук на руки Крону.

Вот только вместо Крона у порога топтался другой жрец: вихрастый рыжий юнец. Интересно, за какие прегрешения он попал в Обитель? Впрочем, все равно. Жрец церемониально склонил голову и чуть дрожащим голосом произнес:

- Прошу за мной, Избранница.

Я судорожно кивнула, мысленно задаваясь вопросом: куда делся Крон? Готовит мое спасение? Или ему все надоело, и он решил самоустраниться? Или, что гораздо страшнее, Мифил заподозрил неладное?

Нет, нужно успокоиться и верить в лучшее. Крон велел продержаться до конца, значит, мне нужно направить всю энергию на прохождение испытания, а не пытаться себя предположениями.

Я постаралась выровнять дыхание, распрямилась, подняла подбородок. В молеальный зал входила, словно императрица, сжав руки в кулаки, не позволяя им дрожать.

Внутри вновь волновалось человеческое море. Красные жрецы и черные ми возбужденно переговаривались, блуждали, перемешивались, презрев правила. Впрочем, едва семь Избранниц оказались на пороге, людской гул стих, жители Обители застыли, кто, где стоял. В тишине мы прошли к возвышению и без подсказки уселись на стулья. Затем появился Мифил, появился из ниоткуда, будто соткался из воздуха.

В этот раз я уселась удобнее, сбоку и от Верховного, и от зала. Но нет да нет, а ощущала его внимание.

- Мираи и ми! - провыл он после молитвы. - Настало время нового испытания!

Зал зарукоплексал. Избранницы, наоборот, съежились, сгорбились на своих стульях. Мне же хотелось испариться, спрятаться от взгляда одновременно прекрасного и ужасного мужчины, наделенного здесь безграничной властью.

- На третьем испытании Темный увидит, насколько сообразительны Избранницы, насколько ловки. А мы поможем, дабы у Бога не осталось сомнений.

- Поможем! Поможем! - ревело черно-красное море. - Без сомнений! Нет сомнений!

- Последняя выполнившая задание убирается к химерам! - голосил Верховный. - Да будет так!

- Да будет так! Да будет так! - вторил зал.

Нестерпимо вспыхнуло божественное Око, затем пещера погрузилась во мрак и тишину, тем громче зазвучал скрип. Я дернулась, но так и осталась на стуле, привязанная невидимыми веревками. Сам же стул начал медленно опускаться.

- Виола! - услышала я голос Зораны. - Виола!

- Я здесь!

- И я тут, и я..., и я, - донеслись испуганные голоса других девочек. - Что происходит?! Я не могу сдвинуться с места!

- И я... и я...

- Не знаю, - ответила всем сразу. - Похоже, нас куда-то опускают.

Движение стула остановилось так же внезапно, как и началось. Пути пропали, появился тусклый мерцающий свет, я снова могла видеть.

Мы оказались в очередной зловещей пещере: черные с прожилками зеленого стены, затхлый запах, влага под ногами, холод - в легкой тунике я моментально замерзла. Неуютное место. Встав со стула, сделала несколько шагов к Зоране, вот только далеко уйти не удалось, между мной и Веснушкой обнаружилась преграда: пружинящая воздушная масса, аккуратно, но решительно отодвинувшая меня обратно.

- И что дальше? - спросила Избранниц, стоящая с другой стороны.

Ответом ей стала очередная вспышка, а после и вибрация, от которой загудели стены, и зашатался пол.

- Землетрясение! - завопил кто-то.

Но не успела я испугаться, как тряска прекратилась, зато появился новый подозрительный звук. Шелест. Он заполнил собой пространство, как если бы воздух кишел миллионами летящих жуков. Содрогаюсь от отвращения, я присела, чуть ли не легла на пол, прикрыла голову руками, зажмурилась. Однако шло время, жуки не появлялись. Осмелев, открыла глаза, выглянула из-под руки. И ахнула от удивления: стена изменилась. Некогда черная в зеленых прожилках, она теперь напоминала станок ткачихи. Вот только мастерица явно забыла о делах, чем и воспользовался коварный пакостник, спутав нити.

- Распутайте нити, Избранницы! - донесся далекий еще голос Мифила. - Распутайте, нити!

Голос все креп и усиливался, а вскоре загремел подобно грозовым раскатам. Я сжала уши руками, но это не помогало. Казалось, слова Верховного звучали у меня в голове.

- Распутайте нити! Распутайте либо доставайтесь химерам!

Как только голос смолк, я ломанулась к стене и взвыла, стоило прикоснуться к первой нити. Белесые, будто паутина, они жалили как крапива. Со всех сторон раздались крики боли, видно, и другие Избранницы ощутили на своей шкуре изобретательность Мифила. Вот только делать было нечего, либо терпеть либо стать обедом монстрам.

Так, главное, сосредоточится. Нити довольно толстые, чтобы их можно было распутать. Трясущими руками я снова потянулась к волокнам, готовая к боли. И замерла.

- Защити кисти и пальцы, - снова раздался голос Верховного, на этот раз намного тише. - Станет легче.

Я подпрыгнула от неожиданности, оглянулась на девчонок. Избранницы со слезами на глазах сражались с нитками, разве что Зорана стояла как вкопанная, не отрывая взгляда от спутанных волокон. Потом наклонилась, оборвала лоскуты от подола туники и стала обматывать им кисти рук и пальцы. Я стала повторять.

С защищенными руками дела пошли лучше, но все рано мне казалось, что отстаю. Вроде бы размотала один узел, как на его месте появлялся новый. И так до бесконечности. Глаза уже начали слезиться от напряжения и плохого освещения, да и пальцы слушались с трудом, а я все никак не могла сделать даже половину дела.

- Гляди на все полотно, а не на его конец, - шепнул голос. - Конец - не всегда начало. Рисунок - главное.

Я в волнении прикусила губу. Подсказки Мифила настораживали, вот только, как показала практика, они помогали по-настоящему. Но почему он решил помочь?

Нет-нет! Не нужно пока об этом думать! Нужно размотать эту темную пряжу и вернуться в комнату! А потом все остальное.

Взяв себя в руки, я отошла насколько позволяла преграда от спутанных волокон. Зажмурилась на миг, а затем открыла глаза, пытаюсь увидеть, понять хоть что-то. И увидела. Посередине, как казалось, хаотично сплетенных нитей вырисовывалась картина: замок и поднесенный к нему ключ.

Ключ! Неужели все так просто?!

Я подбежала ближе, встала на носочки, выглядывая кончик нужной нити. И нашла. Прямо на бородке ключа, он чуть отличался по цвету от остальных нитей. Не получи подсказу, ни за что бы не додумалась, что можно искать здесь.

Глубоко вздохнув, схватила за кончик и потянула. Спутанные нити без труда отделялись, развязывались. Едва сдержав крик радости, начала их сматывать. Быстрее и быстрее, клубок рос, как и уверенность, что успею. Но, видно, я слишком понадеялась на удачу, и она отвернулась в самый неподходящий момент. По краям оставалось всего ничего, как нитка застряла.

Я дернула сильнее - ничего. Еще раз, то же самое. Нитка зацепилась. Глянула на Зорану, та, высунув от старания язык, сматывала клубок. Клубок был большим, Веснушка едва удерживала его в руках. Пришла зависть, буквально на мгновение, но этого хватило, чтобы возненавидеть Мифила еще сильнее. Он играл с нами как кот с мышами.

Но вот Зорана засуетилась. Дернула клубок, чуть не уронив на пол, нахмурилась, повнимательнее взглянула на оставшиеся спутанные нити. Громко вздохнула, а после перевела взгляд на меня. В ее глазах была целая палитра чувств: и радость, вдруг обернувшаяся непониманием, и уверенность, которую внезапно смыло разочарованием.

Я растянула губы в подобие улыбки, Зорана криво улыбнулась в ответ. Без слов мы поняли друг друга. И ей, и мне некто подбросил сладкую мозговую кость, но кость, видно, оказалась нам не по зубам.

Интересно, как дела обстояли у других Избранниц.

Я развернулась в противоположную сторону и наткнулась на внимательный взгляд карих глаз. Девчонка - невысокая фигуристая шатенка - аккуратно сматывала нитки. Ее клубок был небольшим, видимо, она только-только поняла принцип или же... подсмотрела у меня. Вторя мыслям, девушка склонила голову и сморщила нос. То ли благодаря, то ли насмехаясь. Я поспешила отвернуться.

Других Избранниц видно не было, поэтому больше никто не мешал мне размышлять над тем, как же закончить это испытание. Как и перепугать саму себя до умопомрачения. Я дергала нить, порвала ее, потом, всхлипывая от безнадежности, связывала кончики узелком. А после, размазывая слезы по щекам, судорожно искала причину заговздки.

Впрочем, причина нашлась сама. Вернее, сползла с потолка, перебирая восемь волосатыми лапками. Одна многочисленная причина. А я, содрогаясь от отвращения, наконец, поняла, кто был создателем этих белесых волокон.

Пауки. Огромные, страшные, тошнотворные. Вначале два, затем к ним прибавился еще один. И все неторопливо начали заделывать прореху из размотанных нитей, добавляя спутанные.

Рядом заверещала Зорана, но ее вопли прошли мимо. Все внимание было сосредоточено на восьмилпых гостях, вернее, хозяевах пещеры.

- Дай им то, что они хотят, - в голове вновь раздался голос Мифила. - Они сделают все работу за тебя.

- Что дать?! - чуть было ни крикнула я, но вовремя сдержалась.

Незачем привлекать внимание. По крайней мере, пока.

- Что вы хотите? - прошептала едва слышно. - Что? Есть? Огромных мух или бабочек?

Один из пауков развернулся ко мне, пошевелил хелицерами, как будто понял, что я говорю с ним. Впрочем, от этого мне стало еще страшнее. А если этому монстру не нужны никакие мухи и бабочки? Вдруг он питается аппетитными Избранницами?

- Дай им крови, глупая, - раздраженно добавил голос. - Всего три пары маленьких дырочек, не умрешь.

Я невольно отшатнулась от паутины и взглянула на Зорану. Та смотрела на меня, на ее лице застыли отчаяние и страх. Но вот Веснушка зажмурилась и протянула руку. Пауки, словно только и ждали сигнала, вмиг оказались рядом и... Выдержать зрелище я не смогла, отвернулась, только услышала, как вскрикнула Зорана.

- Она справилась с испытанием, - снова заговорил Мифил. - Неужели ты хуже? Неужели готова вот так просто отправиться к химерам?

- Нет! - рявкнула я, не ожидая от себя такой реакции. - Нет!

Развернулась, больше не думая, подбежала к паутине и сунула руку паукам. Прикосновение противных лапок, укусы и все закончилось. Волосатые хозяева начали столь же неспешно распускать спутанное полотно, мне только и оставалось, что сматывать нить в клубок.

Закончив, я услышала скрип стула, неведомый механизм поднимал его обратно. Прижав к себе клубок, бросилась к нему, села и только тогда закрыла глаза.

Справилась. А Верховный? Позже я обязательно пойму, почему удостоилась его помощи.

Возвращение в молельный зал было триумфальным. Ми визжали и кричали, мираи хлопали, топали каблуками по каменному полу. В первый момент я даже растерялась, оглохла, испугалась.

- Еще одна Избранница справилась с испытанием!

Даже сквозь гам, голос Верховного звучал грозно.

- Давайте же воздадим ей почести!

Шум усилился, он буквально погреб меня под собой, а потом оставил, оглушенную и растерянную.

Меж тем испытание продолжалось. Я видела в висящей под потолком сфере оставшихся в пещере Избранниц. У трех девушек дела шли неплохо. Видно, они вовремя заметили, что делали мы с Веснушкой, а потому вскоре закончили одна за другой.

Две другие отставали, но и они делали так, как надо. Вначале девчонки яростно сражались с нитками и друг другом, ведь последняя выполнившая задание отправится к химерам. А потом перестали, хотя оставалось всего ничего - домотать клубок и усесться на стул.

Я невольно сжалась, глядя на них. Но вот одна повернулась, окликнула вторую и заговорила, стоило той взглянуть на нее. Слов слышно не было, только лица несчастных крупным планом, причем, слова и не были нужны.

- Ты первая, - читала я по губам. - Ты должна спастись.

- Нет, ни за что! - отвечала другая. - Я не оставлю тебя одну.

- Сестра...

- Вместе. Только так никак иначе.

Избранницы подошли к преграде и приложили ладони каждая со своей стороны. Постояли немного, не сводя друг с друга глаз, а потом синхронно, словно репетировали подобное миллионы раз, отошли к паутине и закончили сматывать нити.

Последние. Вместе.

И также вместе исчезли в потемневшей сфере.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Обратно я добралась на ощупь, благо сопровождающий шел медленно, не торопился. Жалость и злоба смешались, обернулись слезами, застлали глаза. Первая встретила как обычно на пороге кельи Верховного. Видно, выражение моего лица было слишком красноречиво, а потому, не дав рыжему жрецу церемониально откланяться, она закрыла дверь и, подхватив за локоток, повела меня в комнату. Там помогла переодеться, умыться и подала еду.

- Вы не виноваты, Избранница, - сказала вдруг Первая. - Каждая из нас хочет жить. Даже здесь... даже так.

Она недоговорила, опустила глаза.

Я кивнула, признавая ее правоту, а потом решила задать вопрос:

- Как вы оказались здесь? В келье?

Первая ответила не сразу, но ответила:

- Когда-то я грела постель Верховному. Когда-то очень давно. Он отблагодарил. Дал возможность стареть в тепле и сытости.

- Сколько ж ему лет?!

- Не знаю, - пожала она плечами. - Уже тогда он выглядел точно так же.

- Вы, - хотела я задать еще вопрос, но Первая перебила.

- Простите, Избранница, мне пора.

Она подхватила понос с пустой посудой и не по возрасту шустро выбежала из комнаты. Оставила меня обдумывать ее ответ. Думать было нужно, но мне не хотелось. Честно говоря, я устала и хотела лечь, но вместо этого подняла матрас и достала флейту.

Сколько уже не играла? Как будто прошел год или больше. Флейта едва слышно только для меня запела приветствуя. Я улыбнулась и поднесла ее к губам.

Любимая давно уже изученная мелодия рождалась без боли, без привычного головокружения и безумного биения сердца. Было лишь упоение и то, испытанное лишь однажды чувство присутствия кого-то другого. Моего. Мангуста.

Зверек открыл глазки, потянулся, наострил носик. Его любопытство отозвалось во мне щекоткой, а жажда свободы - радостным возбуждением. Мы готовы были стать одним целым, но не успели. Дверь хлопнула, разрывая наше единство.

Я открыла глаза и с некоторым неудовольствием увидела Зорану. Девчонка выглядела напряженной и расстроенной.

- Зорана? Ты что-то хотела?

- Да.

Она не уселась как в прошлый раз на кровать, так и стояла возле двери.

- И? - поторопила я. - День был трудный, я хотела бы лечь.

Зорана нахмурилась.

- Хочу спросить..., - она замялась, но сумела взять себя в руки. - Сегодня на испытании... я ведь правильно поняла... ты тоже слышала подсказки? Ты слышала... Его?

- Слышала, - выдохнула я.

- Но почему? Ты же отвергла его тогда...

- Отвергла.

- Тогда почему?

Веснушка медленно подходила, всматривалась в лицо, ища ответ на свой вопрос. Впрочем, и я с удовольствием бы узнала его. Но вот она остановилась, вопрос в глазах вначале сменился удивлением, а потом и злостью.

- О нет! Неужели?! Неужели ты...

- Зорана?

- Успела, значит, подсуетилась. Ты подлая, Виола. А я думала, что мы подруги. А ты...

Девчонка всхлипнула, резко развернулась и убежала, не забыв с силой ударить дверь. Оставила меня одну растерянную и расстроенную.

Продолжать играть расхотелось, я спрятала флейту и все же легла. Спряталась под одеяло с головой, закрыла глаза. В темноте немного полегчало хотя обиженное лицо Зораны нет, да нет, а всплывало в памяти. Так и уснула.

Встала сама, Первая не пришла будить, да и завтрак принесла с опозданием. Больше со мной она не заговаривала, хотя я и пыталась снова вывести ее на откровения. Служанка была молчалива и хмура. Только напоследок пожелала как следует отдохнуть и подготовиться к завтрашнему испытанию.

День прошел в ничегонеделании и скуке. Вначале я сидела у себя, а после бродила по келье-замку Верховного, словно Призрачная дева. Неприкаянная, никому не нужная, забытая. Думала то о Мифиле, то о Кроне. Страх перед первым и беспокойство за второго заставляли нервничать, кусать губы, тревожно оглядываться, раз за разом задаваться вопросом: что будет?

Изведясь вконец, решила вернуться к себе, но так и не сумела уснуть, бездумно бродила по комнате туда-сюда, пока не появилась Первая.

- Пора?

- Пора.

Она вновь подала еду, которую я съела, не ощутив вкуса. Нынче особой одежды не понадобилось, что, впрочем, несколько не успокоило. От Верховного можно было ждать чего угодно.

За порогом кельи вновь ждал рыжий жрец. Он церемониально поклонился и велел идти за ним. Все еще надеясь встретить Крона, я беспомощно поплелась следом, пытаюсь разглядеть его среди черных улиц, но так и не увидела. Путь завершился, дверь молельного зала распахнулась.

Невольно я остановилась на пороге, ощущая кожей внимание толпы. Казалось, мираи и ми стали единым существом. Существо смотрело на меня с интересом, пока интересом, как на неведомую зверюшку. Но интерес запросто мог смениться яростью, ведь это существо не знало ни жалости, ни сострадания. Одни лишь инстинкты: слаб, значит, неинтересен, значит, мертв.

А я так хочу жить!

Стиснув зубы, вошла.

Нельзя показывать страх, нельзя. И вглядываться в лица тоже не нужно. Вряд ли мне понравится то, что на них написано. Быстро пройти по живому коридору, взобраться на помост, спрятаться за статуей Темного и ждать.

- Приветствую, мираи и ми! - голос Верховного прозвучал так вовремя, выгоняя из головы последние ненужные мысли. - И снова испытания, и снова мы увидим, на что способна каждая из них. Каждая Избранница!

Толпа взревела оглушив. Я на миг зажмурилась, сжала кулаки и мысленно попросила Всесветлую помочь.

- Ловкость и сила, выдержка и бесстрашие, сообразительность и ловкость. Что на этот раз? Что в этот раз хочет увидеть Бог? Что желает увидеть Темный?

Зал замер, мираи и ми в едином порыве подняли глаза на Верховного.

- Что желает увидеть Темный? - повторил он свой вопрос и замер, заледенел. Прекрасный и жестокий. Первый после бога.

Тишина стала оглушающей, давящей, нетерпимой. Хотелось разрушить ее криком, да хоть неловким движением, скрипом стула. Только бы снять тяжесть с груди, расправить плечи, сохранить для себя хоть немного гордости.

Той гордости, что позволила матери уйти от ненавистного Майлини, шагнуть за порог благополучия, броситься в объятия любви и, проиграв, уйти в иной мир, ни умоляя, ни плача.

- Он желает увидеть, кто из Избранниц справится с великой ношей, - закричал Мифил. - Кто из них останется верной своему повелителю. Кто сможет сопротивляться искушению. Искушению!

- Искушение! Верность! - ревел зал. - Да будет так!

- Да будет так, - повторил Верховный жрец. - Те, кто переступят черту, отправятся к химерам. Испытание начинается!

Я вздрогнула, невольно подняла глаза и увидела, как ярко блеснуло Око бога. А потом молельный зал пропал.

Вначале пришло обоняние: едва различимый аромат дерева смешался с прелым запахом пара. Затем слух, я слышала, как вода звонко ударялась о дно таза, как шуршала, будто змея, стекая по камням вниз. Вскоре пробудилось осязание: горячие волны воздуха ласкали обнаженную кожу, ступни ощущали шероховатую поверхность пола, по спине ползла капелька пота. Последним вернулось зрение: темные очертания стен, предметов и силуэт человека, едва видимый сквозь плотные клубы.

Парильня, куда ходили обычные ми. Та самая, где я видела обнаженного Крона.

Крон.

Сердце забилось быстрее, живот сладко заныл, заставляя сжать ноги.

Крон.

Я задышала часто, поверхностно, с присвистом. Стиснула зубы, только бы не стонать в голос, но не смогла сдержаться. Что-то происходило. Что-то невероятное, запредельное, нереальное. Оно лишало ума, брало тело под контроль.

Крон.

Его появлению я почти не удивилась. Наверное, инстинктивно ждала. Ведь только он вызывал во мне подобное.

Крон.

Пар расступился, выпуская его из объятий. Обнаженного, прекрасного, готового ко всему. Краска, нет, не стыда, желания опалила мои щеки. Я с жадностью вглядывалась в его лицо, лаская взглядом, запоминая навечно, впитывая идущую от него страсть.

Крон сделал шаг, еще один и еще. Остановился рядом, хотя мне так хотелось ощутить гладкость его кожи. Он поднял руку, протянул к лицу, к губам, но так и не прикоснулся, замер в миллиметре, заставляя меня мысленно кричать от разочарования.

- Прошу, - прошептала я.

Крон улыбнулся и повел рукой вниз, не дотрагиваясь, лишь намечая прикосновение, грея своим теплом. Шея, грудь, живот, бедра... Я прикусила губу до боли, до крови, но боль не спешила рассеивать туман умопомрачения, только добавила остроты. Меня

затрясло как в лихорадке, но не болезнь была тому виной.

- Переступи черту, - заговорил Крон, а я едва не рухнула на колени от его голоса. - Переступи и получишь все, о чем не могла даже представить.

Черта. Черта. Черта.

С чем связано это слово? Я забыла, вернее, не могла, не хотела помнить.

Мысль кольнула иголкой и ушла, оставив меня наедине с Кроном и моей страстью.

- Переступи, - манил жрец. - Иди ко мне.

Не в силах терпеть, сгорая от желания, потянулась всем телом к нему и... резко остановилась. Ведь любимое лицо исказилось, будто от боли и стало меняться. Я только и успела, что моргнуть, и вот вместо Крона ко мне тянул руки Мифил. Его черные глаза были насмешливо прищурены, рот оскален.

- Переступи черту, - прошипел он. - Переступи.

Невольно попятилась, замотала головой.

- Переступи, Избранница. Ты так прекрасна. Обнаженная, дикая.

Я же лихорадочно отступала, пытаюсь прикрыться, и шептала, словно молитву лишь одно слово:

- Нет... нет. Нет.

А потом отступать стало некуда, за спиной встала стена, обожгла жаром, больно уперлась в лопатки камнями. Я сползла на пол и спрятала голову под скрещенными руками. Зажмурилась, укрылась от ранищего взгляда Верховного жреца и прошептала, скорее для себя, чем кого-то еще:

- Нет, ни за что.

И оказалась вдруг на стуле мокрая как мышь.

Прохладный воздух обдул потное лицо, забрался под подол, охладил влажную спину. Я открыла глаза и уставилась на людское море внизу. Мираи и ми единым существом глядели на меня на этот раз с удовлетворением, предвкушением и желанием.

Ахнув, невольно подалась назад и вновь наткнулась на стену. Стену ли?

- Избранница справилась! - произнес ненавистный голос. - Возрадуйтесь! Возрадуйтесь!!!

И зал взорвался, вознося меня, Мифила, Темного. Но от этого стало еще хуже, ведь я задыхалась от их эмоций. А потом все враз закончилось, ведь с испытанием справилась еще одна Избранница. Кто же?

Я повернула голову и увидела ее. Зорану. Последнюю, вторую Избранницу, кто справился с испытанием. Другие исчезли, оставив после себя пустые стулья.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

До конца церемонии я едва дождала. Песнопения во славу бога, громогласные вопли, тяжелый запах благовоний, испуганные и одновременно язвительные взгляды Зораны – все легло на меня подобно каменной плите. Давило на плечи, грудь, не давало свободно вздохнуть. Но даже с этим, при должном старании, можно было справиться, если бы так и не ушедшее возбуждение.

Я смотрела вниз на перекошенные лица мираев и ми, а видела Крона. Закрывала глаза и ощущала тепло, исходящее от его кожи, вдыхала запах, слышала биение сердца, чувствовала вкус губ. Мое тело горело в невидимом огне, плавилось от желания. Сила Мифила, во истину, была велика, и лишь одно могло помочь. Озеро. Его обжигающие безжалостные воды.

Главное, протерпеть, дожидаться, когда все улягутся спать, и сбежать.

Наконец рыжий жрец предложил следовать за ним, я с трудом заставила себя идти медленно и степенно. Но когда дверь молеального зала закрылась, не утерпела, понеслась впереди провожатого. Он едва-едва поспевал, и, кажется, выдохнул с облегчением, стоило Первой появиться на пороге кельи Верховного.

День тянулся невыносимо долго, я бегала по комнате, по пустому коридору. Энергия переполняла, жажда действия толкала на безрассудство, но нужно было терпеть. Терпеть.

Вскоре день завершился, мираи и ми потянулись в свои кельи, чтобы спустя время раствориться в ночной жизни черного города. Я выждала еще два часа, когда основная масса уже заняла места в питейных заведениях, и только тогда решила: пора.

Замок-келья был темен и тих. Последним оставшимся Избранницам полагалось спать, чем занимались остальные, я не знала, но все равно шла, спокойно вглядываясь вперед. Не хотелось бы встретить кого-нибудь за поворотом.

В этот раз судьба мне благоволила, выбраться удалось без проблем. На улице я прижалась к черным стенам и тенью заскользила прочь: мимо ярких вывесок, мимо бродящих мираев и ми. Добралась до поляны, углубилась дальше в узкое ответвление. Память исправно вела вперед, не давая свернуть не туда. И вот, наконец, пещера и озеро.

Озеро маняще блестело, его поверхность была гладкой и спокойной, но я знала – это обман. Стоит мне войти в воду, она не отпустит, пока не очистит от воздействия. Очистит обжигающей болью, всепоглощающим ужасом. Вот только иного пути не было.

Я подошла к кромке, стянула платье и башмаки, а потом, больше не медля, не думая, побежала. Пробежала столько, сколько могла терпеть боль в ногах, и нырнула. Не вода, лава тут же поглотила без остатка. Кожа будто горела, я вся сгорала в пламени, выплевывала силу Мифила, бродившую в крови, исторгала ее со слезами. Затем меня вытолкнуло на поверхность: пустую, обессиленную.

– Виола.

В первый момент показалось, что я сошла с ума от боли и теперь слышу то, чего нет на самом деле.

– Виола!

Превозмогая усталость, поднялась, напоследок глотнув озерной воды. Распрямилась и посмотрела туда, откуда слышался голос. И вновь едва не рухнула в воду, ведь помимо слуха меня обманывало и зрение.

– Виола!

Крон вошел в воду, поморщился, скривился, перетерпывая малоприятные ощущения, и

побрел ко мне.

- Виола.

- Это ты? Правда? - спросила, боясь услышать ответ. - Ни морок, ни сумасшествие, ни желание Верховного?

Он кривовато улыбнулся.

- Проверь. Дотронься. Ощути.

Но вместо этого сам прикоснулся к щеке, стирая капли воды и слез. Очертил линию носа, губ, подбородка. Я закрыла глаза и подалась вперед, желая всей кожей ощутить его тело. Вот только жреческая мантия мешала.

- Сними ее.

- Не нужно, - он сжал меня в объятьях, не позволяя шевелиться, не давая стянуть эту темную тряпку. - Я не могу.

- Прошу, - взмолилась я. - Не мучай меня снова.

Я слышала, как громко билось сердце Крона, чувствовала жар дыхания, ощущала желание, и сама желала его не меньше.

- Послушай, - он разжал объятья и отошел. - Ты должна меня выслушать.

- Позже, - я сделала шаг, снова оказываясь рядом, оплетая его руками.

Он глухо застонал, а потом заговорил:

- Завтра последнее испытание, Виола. И ты должна его проиграть.

Крон испытующе глядел на меня.

- Ты слышишь? Проиграть.

- Слышу, - ответила я, с трудом понимая, что он от меня хочет. Голова отказывалась думать, отдавая первенство инстинктам. Одному инстинкту, которому не могла противостоять.

- Соберись, Виола.

- Не могу.

Близость Крона действовала на меня, словно наркотические элайские травы. Лишала рассудка, заставляла желать прикосновений снова и снова.

- Ты должна...

- Поцелуй меня, - перебила я, стягивая с него мантию. - Дай сил, я так устала. Ты обещал, что озеро смоет все, что изгонит силу Мифила, но это не так... Я больше не могу противиться ей... Поцелуй...

Крон смотрел на меня, и от этого взгляда я плавилась как свеча.

- Я не солгал, воды озера смоют фальшь, но не справятся с настоящими чувствами, - сказал он и поцеловал.

Я так долго этого ждала, что в первый момент опешила, растерялась, но нежность, с которой жрец ласкал мои губы, вернула все на свои места.

- Завтра новое испытание, - шептал он между поцелуями. - Ты... ты будешь... узнаешь как делать... правильно.

- Узнаю, - отвечала я, пропуская смысл слов мимо себя.

- И проиграешь... но не сразу, - он застонал мне в рот. - Не сразу... в конце... твоя

соперница тоже... что ты творишь, Виола!

Я провела пальцами по спине, легонько царапая ногтями кожу, тут же покрывшуюся мурашками.

- Соперница... она тоже будет знать, будет стремиться к победе... и ты дашь ей победу... химеры... до них ты не дойдешь, я успею... Виола. Я успею... все приготовил... спрячу тебя... никто не найдет. Только нужно проиграть... победа не позволит...

Казалось, в меня вселилась иная сущность. Сущность развратная, похотливая, жаждущая мужчину. Одного мужчину. Я не соображала, что делала, трогала, ласкала его везде, где могла достать. Целовала, облизывала, кусала губы.

- Остановись, - стонал жрец, не в состоянии оторваться от меня. - Нам не нужно, нельзя... он может заметить... Виола!

- Не могу остановиться, - всхлипывала я. - Не в этот раз... он может быть последним... Прошу!

И Крон сдался. Подхватил меня на руки и понес в глубину. Озеро больше не причиняло страданий, оно ласкало меня вместе с ним, пело, вплетая свою песню в мелодию нашей любви. Вода смыла и короткую боль потери, оставив лишь наслаждение. Наслаждение и всепоглощающее желание быть рядом.

После близости мы выбрались на берег уставшие, но счастливые. Я улыбалась, улыбка, казалось, приклеилась к лицу. Крон дал мне сил, и, главное, желание идти дальше.

- Ты поняла, любимая? Проиграть. Ты должна проиграть, - напомнил он, помогая надеть платье. - И никак иначе.

Я кивнула и вдруг услышала подозрительный звук. Звук шел из узкого ответвления, соединявшего пещеру с озером и поляну светящихся камней. Крон нахмурился, прижал палец губам, велел молчать, а сам, осторожно ступая по камням, направился к переходу.

Я едва дышала, боясь привлечь чужое внимание, сжала кулаки, пытаюсь унять дрожь. Время, будто замедлилось, ожидание растянулось на года.

Наконец, из узкого периода показался Крон.

- Никого.

Он хмурился, нервничал. От былой счастливой улыбки не осталось и следа.

- Мне это не нравится. Там явно кто-то был, и я, к сожалению, не могу даже представить, что этот кто-то мог услышать или увидеть.

- Что нам делать?

Крон ответил не сразу, задумчиво глядя поверх моей головы.

- Пока ничего. Ждать, ни нервничать, ни суетиться, иначе раскроем сами себя. Будем придерживаться плана.

- Хорошо, - чуть слышно ответила я и снова прижалась к нему, ища успокоения.

- Все у нас получится, моя радость.

Крон вынудил меня поднять голову.

- Верь мне, все получится.

Я улыбнулась и поспешила опустить взгляд, не хотела, чтобы он увидел зарождавшиеся слезы.

- Нам нужно возвращаться. Я пойду впереди, ты за мной. Услышишь или увидишь что-

нибудь подозрительное, остановись и переждидай.

Я снова кивнула и нехотя отстранилась.

- Пора.

- Пора, любимый.

Признание далось легко, да и что я могла скрывать, озеро давно раскрыло тайну, и мою, и его.

Нам повезло, удалось выбраться из пещеры незамеченными. Крон проводил почти до самой кельи Верховного, дальше просто было нельзя. Очень рискованно, но мы не могли расстаться раньше, не могли расцепить руки.

- Нужно идти. Иди, Виола, - велел Крон.

Он вновь стал прежним, спрятал эмоции, превратился в камень. Но я знала - это лишь маска. Маска, с которой жрец жил долгие годы, маска, помогавшая не сойти с ума в Черной обители.

- Ухожу.

Безумно хотелось снова обнять его, поцеловать до головокружения, но нельзя, кто-нибудь мог увидеть. А потому я тоскливо вздохнула, вытащила ладонь из пальцев любимого и все же побежала прочь.

Замок-келья спал. Ни служанок, ни хозяина, ни моей подруги-соперницы Зораны видно не было. Я скользнула через едва скрипнувшую главную дверь, тенью пронеслась по коридорам, нырнула к себе в комнату и только тогда сумела отдышаться. Теперь, главное, уснуть. Завтра тяжелый день.

Я умыла пылающее лицо, сняла платье и легла. Долго не могла закрыть глаза, боялась. Чего, и сама не могла понять. Возможно, тишины. Слишком настороженной, гнетущей, тягостной. А, может, теней в углах кельи, которых мое воображение рисовало зловещими химерами. Или дурного предчувствия, что появилось, стоило мне расстаться с Кроном.

Хватит! Хватит себя накручивать!

Я ущипнула себя за руку, болью изгоняя панику, зажмурилась, потом и вовсе накрылась с головой одеялом. Заставила дыхание выровняться, выбросила мысли из головы и уснула, чтобы быть разбуженной, как показалось, через мгновение.

- Избранница, просыпайтесь.

- Ммм... Первая? Это вы? - я с трудом разлепила глаза.

- Я, Избранница, вам пора вставать. Испытание уже скоро.

Привычные действия: умывание, завтрак, переодевание, Первая заплетает волосы в косу. Но я так волнуюсь, будто иду на первое испытание, не могу найти себе места.

Страхи и предчувствие никуда не делись, скорее усилились.

- Пора, - обратила на себя внимание служанка. - Время пришло.

Время. Время. Время. Как же тебя мало!

- Ведите, Первая, незачем заставлять себя ждать. Мираи и ми жаждут зрелища, и они его получают, - сказала резче, чем нужно было.

Хотелось сбросить тяжесть страха, спрятать беспокойство за показательной бравадой.

- Пусть Она поможет вам, Избранница, - чуть слышно проговорила служанка и вышла из комнаты. Я сделала вид, что не услышала пожелания и поспешила следом.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

За главной дверью ждал Крон. Я невольно потянулась к нему, но тут же одернула сама себя. Нельзя.

- Избранница, прошу, - поклонился он в церемониальном поклоне, пряча глаза.

Чтобы никто, ни Первая, ни подоспевшая Зорана, ни ее служанка, ни провожатый жрец не заметили лишнего. Того что предназначалось только мне.

К молельному залу шли вчетвером: жрецы впереди, мы с Веснушкой брели за ними. Говорить, не говорили, лишь изредка краем глаза я ловила на себе изучающий взгляд Зораны. Но стоило мне повернуться к ней, она отворачивалась.

Зал был полон, будто сегодня сняли с работ всех ми, освободили от дел мираев. Красно-черное море потеряло берега: начиналось от самых дверей, заканчивалось возле возвышения для Избранниц. Воздух потяжелел от дыхания множества людей, запаха воска и ароматов благовоний - голова мгновенно закружилась, стоило мне войти внутрь.

Жрецы растворились среди остальных, оставив нас. Вновь пришло ощущение присутствия некоего существа, взиравшего на нас с Зораной с предвкушением. Веснушка внезапно схватила меня за руку и с силой сжала ладонь. Я ответила. Так, вдвоем, мы и направились к возвышению.

Верховный ждал возле статуи Темного, надменный и строгий. Я опасалась смотреть на него, боясь подставить под удар наш с Кроном план, а вдруг Мифил способен прочитает мысли по глазам. Вырвала руку из ладони Веснушки и осторожно прошла к стулу. Ждать.

Впрочем, ждать долго сегодня никто не хотел. Даже Верховный не стал мучить долгой паузой, заговорил сразу же, стоило Зоране усесться.

- Мираи и ми, этот день настал! Последнее испытание, после которого мы сможем указать ту, кто станет Невестой Бога.

- Невестой Темного! Невестой... Невестой, - словно эхо вторил зал.

- Так что ждет их, двух последних Избранниц, тех, кто прошел через страх, справился с усталостью и болью, решил нерешаемую задачу, преодолел искушение? Что желает увидеть Темный?

Мираи и ми заговорили все вместе, перебивая, перекрикивая друг друга. Их предположений я не разобрала, да что там, не поняла ни слова. Гвалт оглушал, сбивал с толку. Впрочем, стоило Верховному поднять руку, шум стих.

- Темный желает знать, насколько удачливы Избранницы. Увидеть, соблаговолит ли Не ставшая богиней этим девушкам.

Не ставшая, та, что была изгнана с небес, та, что ушла к людям. Своенравная, непредсказуемая, она улыбалась, а через мгновение отворачивалась, оставив ни с чем. Та, что слишком редко приходила к дочерям барона Майлини. Та, на кого я не могла положиться.

- Начнем! - возвестил Мифил. - Да будет так!

- Будет так! Будет так! - ревело черно-красное море.

Вспыхнуло и резко потухло Око, погружая молельный зал в темноту. Тем ярче замерцали фосфоресцирующим зеленым двенадцать квадратов на стене. Каждому квадрату был присвоен номер.

- Помолитесь Не ставшей богиней! - возопил Мифил. - Помолитесь, Избранницы, только от нее зависит, кто из вас уйдет сегодня к химерам, а кто станет Невестой Бога! Помолитесь, и выбирайте! Та, кто найдет отмеченный Темным квадрат, проигрывает.

Внезапно ветер прикоснулся к ногам, задул под подол, мазнул по щекам, а потом теплой

волной обволок все тело. Я подняла голову и безошибочно вычленила среди мираев и ми Крона. Жрец стоял, не шевелясь, и смотрел на меня. Сосредоточенный, серьезный, негибачаемый.

- Но прежде нужно определить, кто из Избранниц сделает выбор первой, - говорил Верховный. - Кидайте кубик на пол!

Ко мне подошел один из приспешников Мифила и подал игральный кубик. Самый обычный, непримечательный костяной кубик, вот только от него сегодня зависело слишком многое.

- Кидайте! - прикрикнул главный жрец. - Кидайте.

И я бросила. Кубик поскакал по каменному полу и остановился ровно у ног Верховного, рядом лег второй, брошенный Зораной.

- Начинаешь ты, - повернулся Мифил к Веснушке. - Испытай удачу!

Зорана зажмурилась, сжалась на стуле, а потом чуть слышно произнесла:

- Третий.

Квадрат вспыхнул и исчез. На его месте ничего не осталось.

- Следующая! - гаркнул Верховный. - Быстрее, Темный не любит ждать!

Я судорожно сглотнула ком в горле и уставилась на стену. Осталось одиннадцать, как много и одновременно мало. Какой же выбрать? Ведь любой может быть отмеченным Богом.

Внезапно очертание одного из квадратов будто бы подернулось дымкой. Я сощурилась, а после и потерла глаза. Неужели от волнения зрение стало отказывать? Но тут знакомый уже ветерок поцеловал щеку, и все стало ясно. Крон!

- Выбирай! - взревел Мифил. - Выбирай!

И я выбрала.

- Восьмой.

Квадрат вспыхнул и исчез, оставив после себя пустое место.

- Дальше! - велел Верховный.

И только тогда я сумела выдохнуть.

- Первый.

- Одиннадцатый.

- Седьмой.

Квадраты вспыхивали, ослепляя, и исчезали. Пока, наконец, не осталось четыре последних.

- Выбирай, Избранница! - бесновался Мифил. - Бог устал ждать! Выбирай!

Зорана медлила, даже крики Верховного не помогали. Вдруг она повернулась ко мне, открыла было рот, словно собиралась что-то сказать, но в последний момент передумала. Нахмурилась, сжала кулаки и крикнула:

- Четвертый!

Тот самый, на который указал Крон, тот самый, что планировала выбрать я, дабы проиграть.

Квадрат вспыхнул, исчез, оставляя после себя изображение змеи.

- Нет, - откуда-то, словно издали прозвучал голос Крона, который тут же потонул в реве толпы и крике Верховного.

- Неправильно! - орал он. - Неправильно. Ты проиграла, Избранница!

Вспыхнуло Око, выхватывая меня в полумраке, ярким пятном выделяя на фоне черных стен и одеяний.

- Победительница... победительница, - заволновались мираи и ми. - Невеста.

- Все так, все так, дорогие мои! Но прежде чем восхвалять победительницу, мы должны решить судьбу недостойной.

- Недостойная! Недостойная! Недостойная!!! - в исступлении ревели люди. - Недостойная!

- Сгинь, Недостойная! К химерам ее! - вскричал Мифил. - К химерам!

- К химерам! Химерам! Химерам!!! - бесновалось красно-черное море.

Из ниоткуда появилось двое жрецов, которые подхватили Зорану под локти и поволокли прочь. Она не сопротивлялась, и, странное дело, даже не выглядела испуганной. Словно все происходило не с ней, а другой ми, не ее, а кого-то еще отправляли на растерзание химерам.

Впрочем, думать я не успевала, слишком быстро все происходило. Как только жрецы с Веснушкой исчезли, вновь заговорил Верховный:

- Выбор сделан. Темный указал на ту, кого жаждет видеть рядом с собой! Он выбрал Невесту!

- Невеста! Невеста! Невеста!

Я в страхе перевела взгляд в зал. Ми закатывали глаза, верещали, тряслись, будто в истерике, рвали на себе волосы. Мираи качались из стороны в сторону, били себя в грудь, царапали лицо. Казалось, сумасшествие полностью овладело ими.

Я испуганно вскрикнула, ощутив прикосновение. Ко мне неслышно подошли двое жрецов из приближенных к Верховному и опустили на плечи белоснежный плащ. Точно такой, какой надевали обычно на покойников.

- Невеста выбрана, но это лишь часть дела! Дело за женихом! - возвестил Мифил, разводя руки в стороны, а потом резко свел их.

Звонкий хлопок прозвучал как выстрел магической хлопушки. Людское море мгновенно замедлило движение, мираи и ми замирали в неудобных позах, устремив взоры на меня.

- Выбирай сосуд, Невеста.

Верховный приблизился, возвышаясь надо мной как исполин.

- Выбирай вместилище для Бога, Невеста.

Я невольно попятилась, меж тем жрец продолжал:

- Любой готов выполнить долг, стать проводником Темного. Выбирай.

Его голос становился все громче, внушительнее. Он проникал в мысли, желания, страхи. Он подчинял, брал контроль, приказывал. Вместо «выбери любого», слышалось «выбери меня».

Я зажмурилась, потрясла головой в надежде избавиться от голоса, но не могла.

- Выбирай, Невеста. Возьми за руку того, кто станет вместилищем Бога.

Я открыла глаза, Верховный стоял рядом и тянул ко мне руку. Его пальцы практически касались ткани плаща, но не более. Он замер как остальные, только в отличие от них мог

говорить:

- Выбери! Меня.

Моя ладонь потянулась к нему сама собой, словно жила самостоятельной жизнью. Еще миг, и я возьму его за руку.

Нет! Только не его!

Преодолевая сопротивление, сжала пальцы в кулак. Это простейшее движение далось тяжело, но дальше пошло легче. Я опустила руку, подняла голову, ища того, кому могла довериться. Крона увидела в толпе недалеко от возвышения, он стоял на коленях, опустив голову, не глядя на меня.

- Крон, - позвала я. - Крон!

Шагнула к нему, ощущая, как нечто невидимое мешало движению. И чем ближе подходила, тем сильнее становилось давление.

- Крон, помоги! - кричала я, но он не шевелился, как и остальные в молельном зале.

- Глупая-глупая ми, - снова заговорил Мифил. - Те крохи, что он получал во время молений ничто, по сравнению с тем, что принесет Темный.

Я отмахнулась от его голоса, словно от мухи.

- Крон, протяни руку!

- Темный уйдет, а сила останется. Сила Бога подобна зверю, не каждому дано ее усмирить.

- Замолчи! - мысленно орала я, с трудом делая очередной шаг. - Не мешай!

- Зверь подомнет его волю.

Шаг.

- Исушит.

Еще шаг.

- Убьет.

- Ты врешь, Верховный! - во всю силу легких закричала я, наконец, делая последний шаг. - Врешь, как и всегда!

И схватила Крона за руку.

Снова нестерпимо вспыхнуло Око, загрохотал свод пещеры, пальцы в моей ладони на миг стали нестерпимо горячими, Крон взвыл раненым зверем, а потом замолк. Око потухло, грохот закончился.

- Крон, - мой шепот в тишине звучал как крик.

Тут же люди начали отмирать, задвигались, изумленно глядя по сторонам. Поднял голову и Крон. Вот только в его взгляде я не нашла того, что хотела увидеть. В глазах жреца была пустота.

- Невеста сделала выбор, - заговорил Мифил, в его голосе не было и капли разочарования. - Пусть будет так. Уведите жениха и невесту. Пора готовиться к церемонии.

Рядом вновь оказались жрецы. Подхватив под локти, как когда-то Зорану, они поволокли меня прочь. Крон поднялся сам и последовал за Верховным.

Меня довели до замка-обители, сдали на руки Первой. Служанка проводила до комнаты и ушла. А я упала на кровать и мгновенно уснула, словно кто-то навеял магический сон.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Проснулась оттого, что услышала скрип двери. Сон слетел моментально, будто его и не было. Я подскочила, повернулась, ожидая увидеть Первую, но вошла Зорана.

Проигравшая испытание Зорана, которую должны были отправить к химерам.

- Зорана?! - ахнула я. - Ты? Но ты же...

- Нет, Невеста, я - Первая, - перебив, самодовольно улыбнулась она. - Теперь это мое имя.

Только тогда я заметила, что девчонка была одета иначе, ни как обычная ми, ни как Избранница: в просторное черное одеяние, подпоясанное синим поясом.

- А где Первая... другая Первая? - только и могла спросить я.

- Там, где и должна быть.

- Не понимаю!

Зорана прошла по комнате, а потом по-хозяйски устроилась на кровати.

- Моя предшественница слишком много болтала. Слишком много. И это Ему не понравилось.

Я перестала что-либо понимать. Тем временем Веснушка продолжила:

- Он обещал, что поможет, если я сделаю так, как Он велит. Я сделала. Теперь я здесь, а другая, которая выглядит как я, там. Ведь кто-то же должен был отправиться к химерам.

Я отпрянула.

- Первая... Ее отправили к химерам вместо тебя?

- Верно. Его сила воистину велика, - ухмыльнулась Зорана. - А теперь, Невеста, пора собираться. Хватит болтать! Нельзя заставлять Бога ждать.

Наверное, меня слишком потрясло услышанное, иначе я вряд ли бы позволила новоявленной служанке помочь с умыванием, облачить в церемониальный наряд, сделать прическу и подвести к выходу из кельи Верховного. А когда опомнилась, было поздно расцарапывать ей лицо, Веснушка-Первая спровадила меня провожатым и помахала ручкой со словами:

- Иди, Невеста, жених ждет.

И гораздо тише, дабы больше никто не слышал:

- Я видела вас в пещере с озером и слышала, что сказал тебе тот жрец, Виола.

Она ушла, а у меня тревожно заняло сердце. Впервые я задумалась, не совершила ли ошибку, выбрав вместо Мифила Крона. На что его обрекла?

На этот раз провожатых было больше: ни одни и не два, а целых четыре. Жрецы окружили меня, то ли скрывая от мира, или же предупреждая побег, и повели к молельному залу.

Зал был пуст. Я, привыкшая к волнующемуся черно-красному морю, даже растерялась в первый момент, замешкалась на входе и чуть не рухнула, запнувшись о порог.

- Шевелись, Невеста, - рявкнул жрец, идущий сзади.

Я обернулась, мельком взглянула на говорившего и невольно ускорила шаг. Благоговение, с которым мириады взирали на Избранниц, улетучилось, в глазах жреца была лишь злость. Странно, ведь я невеста их бога. И страшно.

На возвышении возле статуи Темного, наоборот, было многолюдно. Мифил, но почему-то

в одеянии обычного жреца, Крон, на нем как раз красовалась мантия Верховного. С десяток других жрецов, явно из приближенных к Мифилу.

- Добро пожаловать на церемонию, Невеста.

Пусть Верховный и выглядел непривычно, действовал и говорил он как всегда надменно и решительно.

Я промолчала, отвела от него взгляд и поглядела на Крона. Он стоял прямо, будто проглотил кол, не шевелился, смотрел ровно напротив себя и, казалось, даже не моргал. Не человек, каменное изваяние.

- Что ж, начнем. Подойди, Невеста, стань рядом с женихом.

Пришлось подчиниться. Я взошла на помост и остановилась возле Крона, наши ладони соприкасались, но я так и не решилась взять его за руку. От него буквально шел холод, вымораживая чувства и желания.

Остальные жрецы во главе с Мифилом окружили статую Темного и запели. Мелодия медленная и тягучая захватила моментально. Я одновременно наслаждалась песней, ведь впервые голоса певчих звучали в унисон, и в то же время боялась. Боялась того что должно было случиться после того, как жрецы закончат.

И вот они закончили. Мелодия оборвалась на высокой ноте, и наступила тишина. Тем явственнее я слышала чуждый звук. Задрала голову, пытаюсь увидеть его источник. Оказалось, статуя Темного оживала, скрежетала каменными сочленениями, вращала огненными глазами.

- Спаси, Всесветлая, - отступая, едва слышно прошептала я, но меня услышали.

Каменный исполин повернул голову, устремил чудовищный взгляд на преступницу, а потом захохотал.

- Глупая-глупая невеста! Она не услышит!

Ноги перестали держать, и я рухнула на колени, закрывая уши, но это не помогало. Ведь хохот звучал в голове.

- Тебе не позволяли сесть! - меня грубо вздернули обратно, одновременно с этим хохот прекратился.

Оглушенная, обессиленная я снова взглянула на исполина. Он больше не смотрел на меня, пригвождая взглядом Крона. Жрецу, казалось, не мешало столь пристальное внимание. Затем Темный протянул руку и сжал каменные пальцы на талии мужчины.

- Нет! - в ужасе заорала я, представляя раздавленное расплющенное тело любимого. - Не надо!

- Молчи! - Короткий удар в бок заставил захлебнуться криком. Я не удержалась и опять упала, больно ударяясь коленями. - Открой рот, когда разрешат. Вставай!

Пришлось, глотая слезы, подниматься.

Крон был жив, исполин поднял его до уровня своего лица и продолжал смотреть. Я тоже смотрела до рези в глазах, до черных точек. Смотрела, сжав руки в кулаки, стиснув зубы.

- Сосуд, - раздался удовлетворительный голос.

А после нестерпимо ярко сверкнули красные глаза, раздался нечеловеческий рев, и я на мгновение потеряла сознание. Когда пришла в себя, жизнь каменного исполина уже покинула.

Неужели все?

Ответ на вопрос пришел моментально.

Да, конец. Ведь ко мне подходил Темный в обличие Крона. Что же я наделала?!

Хотелось сбежать, да не дали, чьи-то грубые руки сжали плечи останавливая.

- Мой Господин. Все готово.

Мифил. Это он держал меня, не позволяя сбежать. Темный подошел близко-близко, практически не оставляя между нами места, нервируя близостью.

- Вижу, ты хорошо постарался на этот раз. Невеста прелестна.

Холодные, словно принадлежали каменному исполину, пальцы прикоснулись к моему лицу, провели по щеке, едва задели губы. Я съежилась, зажмурилась, не желая видеть, как в любимых глазах, по воле Бога ставших красными, рождается похоть.

- Заканчивай церемонию, жрец, - велел Темный.

- Да, Господин.

Мифил снова запел, на этот раз песня была свадебной. На моей руке повязали ленту. Еще немного, и огонь Чаши Прощения навсегда соединит наши тела и души.

Какая насмешка судьбы. Я выходила замуж за того, без кого не представляла жизни. Вот только осталась ли душа любимого в теле? Сумеет ли он вернуться после церемонии, или Темный изгнал его в неведомые дали? Сумеет ли Крон обуздать божественную силу? Как узнать?

- Ай! - вскрикнула, ощутив жгучую боль. Огонь пожрал зеленую ленту, добрался до кожи. Впрочем, боль телесная прошла быстро, сменившись страданиями души. Ведь мне на голову возложили венец, навечно отдавая в руки Бога.

- Супруга, - произнес Темный, поправляя мое брачное украшение. - Моя радость не знает границ.

Я не могла произнести и слова, лишь смотрела в красные глаза и уплывала в никуда. А когда сумела моргнуть и отвести взгляд, в молельном зале больше никого не было: ни Мифила, ни других жрецов. Только я и самый темный из Богов.

- Пора сделать наш брак настоящим, - усмехнулся он.

Я поежилась, на знакомом лице улыбка смотрелась чужой. А потому зажмурилась, разрывая контакт глаз. Меня тут же подхватили на руки и понесли. Родной запах на мгновение заставил поверить в то, что рядом Крон, это он прижимал к груди, это он целовал в макушку. Но слова разрушили иллюзию.

- Какая тихая послушная девочка: ни слез, ни мольбы, ни криков. Так и быть, я сделаю тебе подарок. Позволю в последний раз быть с этим телом. Ведь оно уже познало тебя. Оно помнит каждый поцелуй, каждое прикосновение, каждый твой стон удовольствия. Сладкие отголоски все еще бродят в нем, пробуждая и мое желание.

Я напряглась в его руках, сжалась. Что-то не складывалось, что-то было не так.

Меж тем Темный остановился и уложил меня на твердое. Я была вынуждена открыть глаза, отползла дальше, осматриваясь: снова пещера, снова полумрак, с которым ни за что не справиться свечам. И каменный стол, вернее, алтарь, куда меня положили.

Бог раздевался, представая во всем обнаженном великолепии. А ведь я тоже помнила, как меня ласкали эти руки и губы, помнила, как принадлежала Крону. Вот только это не Крон, чужак, занявший его место.

- Закрой глаза, я позволю тебе слабость. Позволю грезам затуманить разум.

- Нет, - прошептала я, поражаясь собственной наглости. - Вам никогда не стать им. Сколько ни закрывай глаза, сколько ни представляй.

- Твое право, глупая. Твое право. Я никогда не предлагаю дважды.

Бог нахмурился, в его глазах заплясала ярость.

- Тогда не стоит оттягивать неизбежное. Брак должен состояться.

Его силуэт опутала тьма. Тьма все ширилась, разрасталась, заполняла собой пространство. Нарастала и моя тревога. Не отрывая взгляда от темноты, я отползала все дальше, пока не рухнула вниз, ударившись боком. Зашипев от боли, поднялась на ноги и снова взглянула туда, где не так давно стоял Темный. Вот только его больше не было, как не было и тьмы. Вместо нее, рядом с алтарем шипела кобра.

Огромная зеленовато-черная с агрессивно раскрытым капюшоном, с немигающим взглядом, она походил на порождение кошмарного сна. Вот только происходящее не было сном.

Я попыталась. Хотелось кричать, но крик застрял в горле, хотелось выть от ужаса, но слезы испарились. Я смотрела, не моргая, на чудовище, а в голове бились слова: брак должен состояться.

- Тебе не спрятаться, не скрыться от меня! - шипел Темный. - Замри и дай мне выполнить предназначение!

Его голос, будто пощечина, вывел из ступора и заставил действовать. Я заозиралась, ища пути к спасению, но не находила. Ни двери, не единого выступа, куда можно было бы забиться, затаиться, словно загнанный зверь.

- Неужели ты думала, что я снизойду до тебя, смертная? - вопрошал Бог. - Нет. Это ты должна подняться до меня. Избавиться от этого тела, которое мешает, тянет назад.

- Нет, не хочу, - шептала я. - Я хочу жить!

- Не тебе решать, Супруга! - Кобра медленно поползла ко мне.

Она не спешила, осознавая, что мне некуда бежать, негде спрятаться.

- Не сопротивляйся. Сопротивление лишь усилит боль.

Отчаяние затопило, я заметалась, забегала, принялась стучать в стены, в надежде, что меня услышат. Спасут.

- Прими неизбежное с достоинством. Не сопротивляйся. Твои сестры уже заждались тебя.

- Сестры?! - взревела я.

- Другие жены. Неужели ты думала, что будешь единственной?

Темный захохотал. А я не ответила, повернувшись к нему спиной, судорожно ощупывала камни. И поплатилась за свою наглость: кобра подползла и обвилась вокруг моего тела.

Я не видела ее, не могла заставить себя посмотреть вниз. Но этого и не было нужно, ведь чувства обострились до предела. Гладкие чешуйки превратились в лезвия, впивались в кожу, я ощущала, как по ней ползли капли крови, слышала, как кровь капала на пол. Скрежетали сочленения, открывая рот, в воздухе разлился сладковатый аромат яда. Аромат смерти.

Но вдруг в голове зазвучала знакомая мелодия. Любимая, та, что всегда помогала справиться с бедами. Откликаясь, в сознании проснулся зверек. Мой маленький, бесстрашный мангуст. Он пошевелил носиком, втянул запах и облизнулся. Слепая ярость сдавила тело, я стала меняться. Человек уступал место зверю.

Мгновение жгучей боли закончилось ощущением свободы. Змеиные кольца рухнули на каменный пол, а я приземлилась рядом на все четыре лапы.

- Шаманка! - взревел Темный. - Тебе не быть женой Бога, обманщица! Я отказываюсь от тебя!

Я ощерилась в ответ, сгорбилась, воинственно подняла хвост. Скакнула вперед к змее,

дразня, выискивая ее слабые места. Игры кончились, или я умру, или спасусь.

Змея молниеносно атаковала, желая избавиться от меня раз и навсегда. Я подпрыгнула, изворачиваясь прямо в воздухе, помогая себе хвостом, и снова стала на лапы, готовая к новой атаке.

Еще раз и еще, мы кружили вокруг друг друга, танцевали, испытывая, изматывая, дожидаясь удобного момента. Змея бросилась вновь, целясь в морду, я чудом увернулась и впиалась острыми зубами прямо ей в голову.

Темный зашипел, забился, ударяя мной обо все что можно: пол, стену, алтарь. Но я лишь крепче сжимала челюсть, прокусывая твердую кожу. И разжала зубы лишь тогда, когда змея конвульсивно дернулась и замерла.

Мангуст был удовлетворен и счастлив. Ярость уходила, мое человеческое сознание становилось главным. Миг, и острое зрение стало обычным, нос перестал ощущать змеиную вонь.

Подняться на ноги не сумела, так и лежала, глядя на неподвижное тело. Внезапно в душу стала заползать тревога. А как же Крон? Неужели и он погиб?

Но тут, словно отвечая на вопрос, тело змеи стало истощаться, пока не исчезло, не испарилось в воздухе. Вместо змеи, появилось человеческое.

- Крон, - прошептала, не веря своим глазам. - Крон.

Жрец зашевелился, застонал.

- Крон! - я поползла, преодолевая боль от ударов, что принял мангуст. - Крон, любимый!

Он открыл мутные глаза, некоторое время глядел, не видя, а потом улыбнулся. Родной знакомой улыбкой, от которой я расплакалась.

- Крон, - выла, размазывая слезы. - Ты вернулся! Спасибо, Всесветлая. Спасибо. Спасибо...

- Вернулся, - сказал он, поднимая меня на руки. - И больше никому тебя не отдам. Ни Богу, ни жрецу, ни обычному мужчине.

ЭПИЛОГ

Темный ушел, но его сила осталась у Крона. С ее помощью мы нашли выход из пещеры и вернулись в Обитель целыми и невредимыми. В черном городе жизнь шла своим чередом, никто нас не ждал: ни меня, ни Крона. Тем приятнее было увидеть лицо Мифила, когда мы без стука ворвались в молельный зал. Верховный замер с открытым ртом, песнь оборвалась.

- У тебя больше нет власти, - проговорил любимый, подходя к Мифилу. - У тебя больше нет жизни, что ты брал без спроса. У тебя больше нет времени, жрец. Уходи к своему богу.

Верховный отмер, сделал шаг вперед, но не дошел, закричал не своим голосом и стал стареть. Я видела, как скукоживалась кожа на его лице, как стремительно отцветали черные глаза, как седели волосы. Мифил сжимался, иссыхал, пока, наконец, не превратился в истлевший скелет.

- У тебя больше нет власти надо мной! - вскричал Крон, обращаясь к статуе Темного. - Ни надо мной, ни над ней!

А потом он повернулся ко мне.

- Я давно не видел солнца, любимая. Как думаешь, оно еще не забыло, как выгляжу?

Я всхлипнула, но нашла в себе силы ответить:

- Нет, никогда.

- Тогда пойдем, здесь нам делать больше нечего.

Конец

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора Ольги Волковой.